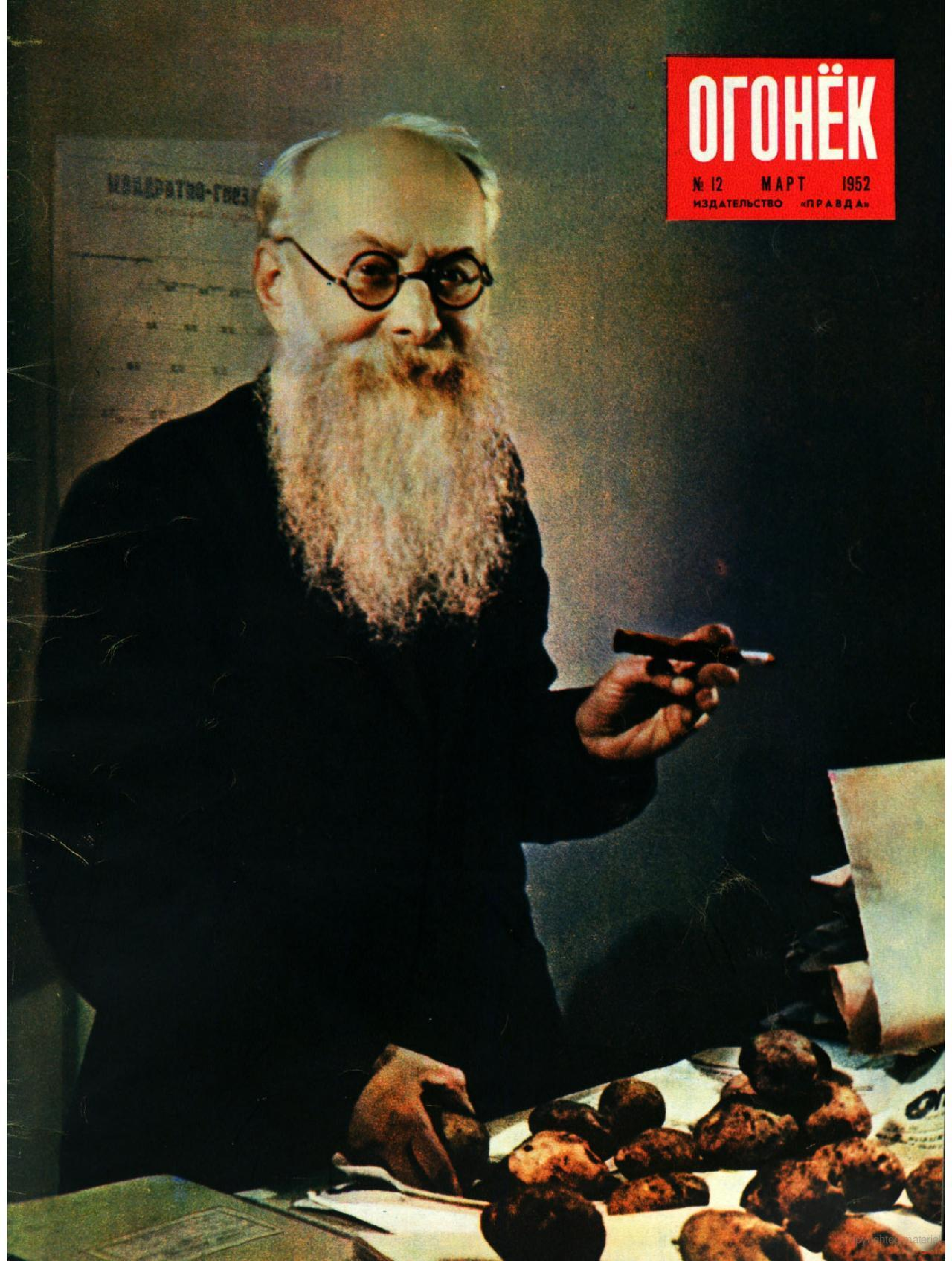

ОГОНЁК
№ 12 МАРТ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Памятник Гёте и Шиллеру в Веймаре.

(Германская Демократическая Республика)

DEM DICHTERPAAR
GOETHE UND SCHILLER

На первой странице обложки: Селекционер **Петровской** государственной **селекционной** станции (Пензенская область) Алексей Павлович **Герн.** Он более тридцати **лет** работает над **выведением** новых сортов **картофеля.**

Фото С. **Фридлянда**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 12 (1293)
16 МАРТА 1952
30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ТРЕТЬЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР. С 5 по 8 марта в Кремле, в Большом Кремлевском дворце, состоялась третья сессия Верховного Совета Союза ССР. Сессия обсудила и утвердила бюджет Советского государства на 1952 год и отчет об исполнении Государственного бюджета СССР за 1950 год. На сессии были утверждены также Указы Президиума Верховного Совета СССР.

В зале заседаний сессии Верховного Совета Союза ССР.
Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева.

ВЕСКОЕ СЛОВО

Вас. ФЕДОРОВ

Фото И. Тункеля

Ветер дул со стороны домен.

Морозный воздух был от этого чуть-чуть горьковатым.

Мастер Савичев взошел на переходной мост и приподнял воротник пальто. До начала смены оставалось больше часа. Можно не спеша поглядеть, как идут дела.

В утренней мгле проступали знакомые контуры домны. С каждым шагом Савичева ее очертания становились яснее. Создавалось впечатление, будто домна выросла из горы и уперлась голозой в сероватое небо.

Из-под темного ската крыши вырвался поток горячего чугуна и осветил округлые бока кауперов. Из осевшей внизу мглы выплыли ковши с горячим шлаком. На его поверхности кое-где успела образоваться темная корка. Мгла скрадывала очертания ковшей, и видны были только янтарные диски шлака с пятнами на них. Казалось, будто под мостом проплыли три луны. Огнями плавок встречала Магнитка утренний рассвет.

Проводив взглядом удалявшиеся ковши, Николай Ильич неторопливо направился к первой домне. За ней виднелась и вторая. Обе высокие, обе одинаково величественные, они стояли рядом, как близнецы. И все же первая домна была душе мастера ближе и дороже. С ее жизнью двадцать лет назад связал он свою жизнь, когда с путевкой обкома комсомола пришел на завод и был зачислен газовщиком. Попасть на стройку гиганта первой пятилетки мечтал он тогда так же, как теперь мечтают о великих стройках коммунизма.

Магнитогорск возник на стыке Европы и Азии огромным стальным узлом. И первая домна была его первой завязью. Как теперь к великим стройкам, в те годы к Кузнецкстрою и Магнитке со всех концов Союза мчались эшелоны с людьми, сталью и железом, строительными материалами и оборудованием. Тогда молодой Савичев вместе с другими рабочими впервые подписал письмо товарищу Сталину. То было обещание выдавать тысячу тонн чугуна в день.

Первая домна готовилась расплачиваться с народом за его самоотверженный труд, за горячую любовь и великую веру. На первичной загрузке — она производилась вручную — около месяца работал весь город. Старший газовщик домны очень боялся тогда, что нагрев примитивным способом не даст кауперам должной температуры. Его опасения были напрасны. Теплота человеческих рук, горячие сердца людей, работавших на загрузке, восполняли недостатки рождавшейся советской техники. В домне затеплился и разгорелся огонь.

Когда доменщики Магнитки добились того, что домна стала выдавать свыше тысячи тонн чугуна в день, товарищ Сталин прислал им поздравительную телеграмму. Магнитогорские металлурги чувствовали себя именинниками.

С тех пор на заводе произошли большие перемены.

Шагнула далеко вперед техника доменного производства. Она изменила прежние расчеты количества получаемого чугуна. Но выросла не только техника.

Есть сила, которая не поддается точному учету плановиков. Это сила творческого вдохновения. В прошлом году доменщики Магнитки обещали товарищу Сталину выполнить годовую программу к двадцать первому декабря, а выполнили на двенадцать дней раньше обещанного срока. Теперь творческое вдохновение стало источником новых сил, нового движения.

...Савичев подошел к домне, остановился и, придерживая рукой фуражку, посмотрел вверх. «Мы еще большего добьемся с тобой, милая!» — думал мастер, глядя на нее.

Мастер первой домны Н. Н. Савичев.

И так-то не велик был ростом мастер, а тут совсем казался маленьким. Но высота домны не угнетала Савичева, а, наоборот, вселяла в него гордость. Так, снизу вверх, смотрит мать, вырастившая сына-богатыря, в котором все-все свое, родное.

Горновые ночной смены хлопотали у лётки, готовясь к выпуску чугуна. Савичев подошел сюда, на ходу распахнув пальто и отряхнув с фуражки капли растаявших снежинок. На раскрасневшемся от холода лице мастера стал заметней шрам — метка войны.

Первый горновой сделал вид, что не заметил Савичева. «Знает кошка, чье мясо съела!» — подумал о нем мастер. Критическим взглядом окинул он канаву, облицованную свежей глиной, взглянул на красный накал фурм — хорошо! — и весело поздоровался:

— Здравствуйте, мудрецы!..

— Здравствуй, Николай Ильич.

— Стараетесь?!.

— Стараемся, Николай Ильич.

Савичев насмешливо прищурился:

— А вчера что же? Не достарались?

— Промахнулись...

На первой домне установилось правило, что бригада, сдающая смену, готовит лётку к выпуску чугуна, а самый выпуск производит бригада, пришедшая на работу. Вчера лётка оказалась недостаточно подготовленной и горячий чугун с шумом вырывался из нее, грозя разорвать узкую горловину. Савичева этот случай встревожил. Он понял, что горновые после большого успеха успокоились. Об этом пришлось сказать на сменно-встречном рапорте, и теперь горновые смущенно перемигивались, боясь взглянуть открыто в глаза Савичеву.

Николай Ильич заглянул в глазок фурмы. Вся домна, снизу доверху, покрыта стальным кожухом, и только глазки размером меньше пятачка позволяют видеть, что творится в ее пламенном чреве.

Глазок мал, высота печи велика. Что делается выше глазка, мастеру не видно. Он узнает всю подноготную печи лишь в своем кабинете, похожем на маленькую лабораторию. Раньше мастер все время находился у домны, а знал о ней очень мало, поэтому в глазах доменщика она и была самовластной царицей: сколько ни даст чугуна, все хорошо, а в наши дни, находясь в своем кабинете, мастер знает о ней во много раз больше.

В кабинете было светло и тихо. Мастер ночной бригады заполнял сменный рапорт. Он сидел спиной к двери, и Савичеву был виден лишь его темный затылок да узкий желобок на шее. «Итоги подбивает!» — подумал о нем Савичев и, не снимая пальто, прошел к прибору горячего дутья. Тонкая лапка индикатора тихо скользила вниз. Несколько часов назад она изобразила небольшую горку, а потом снова пошла плавно.

— Хорошо печь работала?

Второй мастер ответил на это излюбленной фразой самого Савичева:

— Лучше не бывает! — и потом пожелал доброго утра.

— Доброе, доброе утро, — задумчиво ответил Савичев.

В углу стояла доска показателей. Вчера, когда Николай Ильич ушел уже домой, плановики занесли на нее последние данные о работе всех домен.

Первая домна была в числе лучших. Она сэкономила за год полтора миллиона рублей. Но Николай Ильич ревниво посмотрел на показатели соседней печи. В графе месячной экономии там стоял тесный рядок цифр. Пригнувшись к доске, Савичев торопливо их пересчитал:

— Смотри, что делают! Полтора миллиона за месяц!

Второй мастер оторвался от рапорта:

— Чего ж тут удивляться? Печь-то подопытная. Им повезло. Они на марганце и на коксе экономят, а мы расходуемся.

— А почему и нам не экономить так же?

— Горячий ты, Николай! Нельзя же на всех печах производить опыты. Дело это новое.

С весны прошлого года на второй печи под наблюдением технического отдела завода была введена новая технология. Было чему позавидовать. К концу года вторая домна сэкономила пять миллионов рублей!

...Савичев занялся проверкой состава шихты. Время от времени он поднимал голову и глядел на приборы, которые занимали всю стену. Заметнее всех был маленький экран, игравший разноцветными огнями квадратных стеклышек. Синие стекла первого ряда говорили, что все домны работают полным ходом, второй и третий ряд сообщали о выпуске шлака и чугуна. Рядом с экраном, перемигиваясь между собой, вспыхивали и угасали два желтых очка. Все остальные приборы работали без света и шума, деловито выписывая жизнь домны на кружках и лентах миллиметровой бумаги.

Домна у мастера одна, а сколько забот! Савичев привык смотреть на домну, как на огромный организм, у которого есть свой пульс, свое дыхание, своя температура, свои болезни.

Чтобы хорошо шла работа, состав шихты должен быть постоянным. В последнее время анализы на руду, посылаемые с горы Магнитной, запаздывали.

— Подводит нас Гора! — и Савичев поднял телефонную трубку.

Разговор с диспетчером был коротким. Тот начал было оправдываться, во всем обвиняя Гору, но Савичев сказал:

— Если Гора не идет к Магомету, то Магомет обязан идти к Горе... Потрудись это сделать. Я не могу работать вслепую. Я должен знать, сколько получу чугуна сегодня и сколько завтра.

— Вот это — другое дело... — закончил мастер, услышав согласие диспетчера.

Газовщик Жарков, молодой черноглазый паренек, тихо вошедший в кабинет и с улыбкой слушавший весь этот разговор, заметил:

— Ох, и настойчивый же ты, Николай Ильич...

Жарков хотел о чем-то поговорить с мастером, но в это время открылась дверь, и в кабинет вошел сухощавый старик в новой брезентовой куртке. Шапку он держал в руках, поглядывая с порога то на Савичева, то на Жаркова. Какое-то мгновение все молчали. А старик глядел своими светлыми глазами чуть-чуть смущенно, словно спрашивал: не ждали?

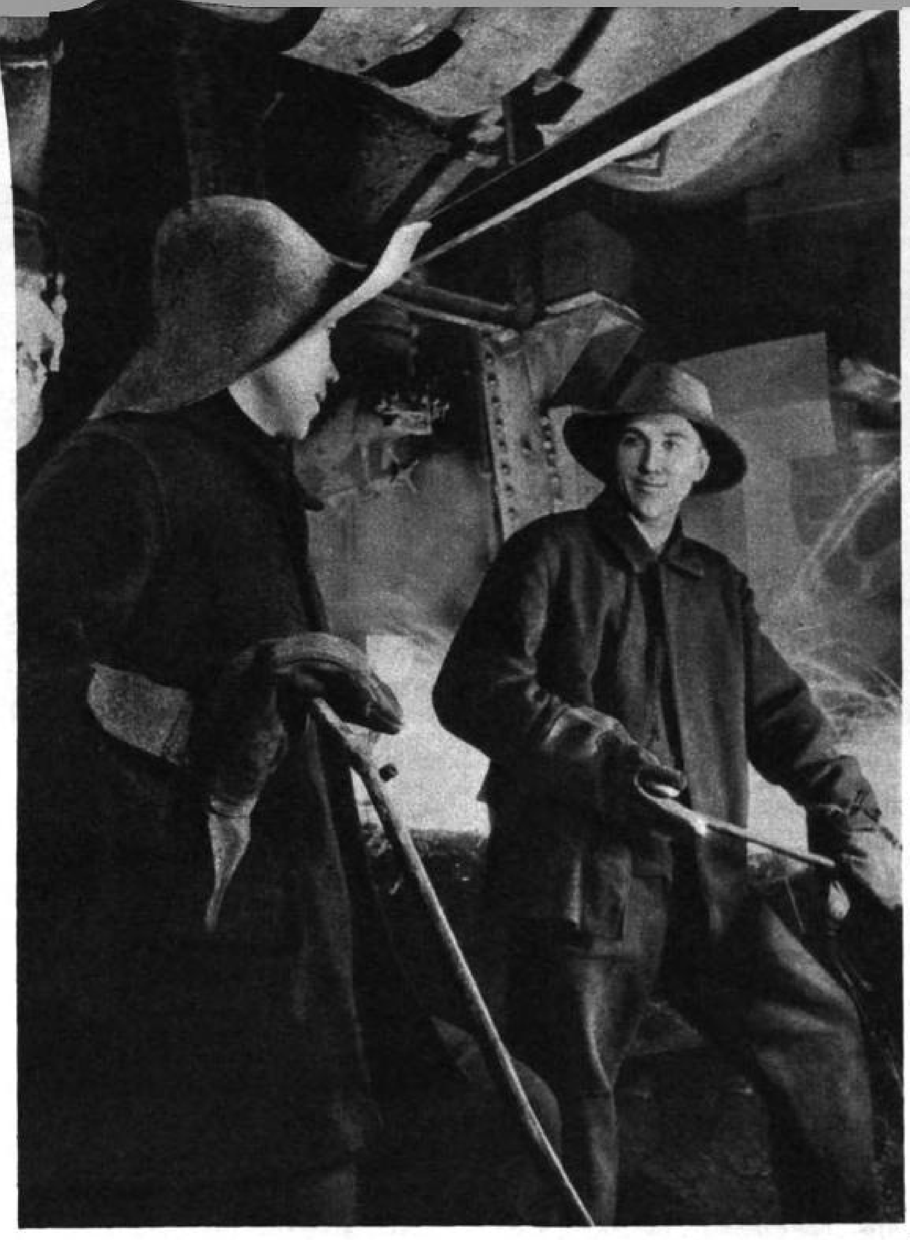
Савичев даже растерялся. Он смотрел на розовую лысину старика, на одинокий седой хохолок, выступивший вперед, и не верил своим глазам.

— Никанорыч?! Откуда ты взялся?

— Пришел... посмотреть пришел, — оживился старик, — заскучал по домне... Слыхал, радость у вас... Слово свое твердо держите...

— Стараемся... — ответил Савичев.

Несколько лет назад Василий Никанорович Потапкин работал в

— Волнуешься?
— Откровенно сказать, волнуюсь. — ответил Захаров.

раз. Подумай про свои обязательства на будущее...

— Я об этом уже думал, — ответил Савичев, — да и что думать, надо перекрыть то, что сделали.

— Правильно! Слово коммуниста — веское слово! — прозвучало в телефонной трубке.

После разговора с парторгом Савичев сказал Потапкину:

— А, правда, возвращайся-ка, Никанорыч, в цех. Если сейчас наши успехи заманили тебя сюда, то дальше их будет больше, и придется тебе бегать к нам часто, часто...

Старые друзья распрощались уже на рабочей площадке. Потапкин пошел осматривать цех, а Савичев — к домне.

Горновые готовились принимать чугун: подправляли канавы, углубляли чугунную ловушку на пути шлака. После каждого выпуска в ловушке обычно оказывается полтонны чугуна, который мог бы уйти со шлаком.

Савичев наблюдал за слаженной работой горновых. Сергей Захаров, надвинув на глаза широкополую войлочную шляпу, подкатил по монорельсу к лётке подвесную бурмашину. Обычно веселый, на этот раз Захаров держался как-то сосредоточенно. Напирая сильными руками на корпус бурмашины, он то и дело поглядывал на мастера.

А Савичев думал о том, что выдался такой хороший день. В этот день он особенно остро почувствовал, как все: жизнь, дела, люди — движется вперед. И не хочет отстать от жизни старый коммунист Потапкин! Вероятно, о том, чтобы решительней и еще тверже идти по жизни, мечтает и молодой горновой. Захаров думал о партийном собрании, поэтому и держался так необычно. Будет обсуждаться его заявление о приеме в партию.

Когда Захаров откатил от лётки бурмашину, Савичев его спросил:

— Волнуешься?

Сергей вытер рукавом выпуклый лоб, вздохнул:

— Откровенно сказать, волнуюсь.

Первый горновой ударил в разделанную лётку пикой. На четвертом ударе из лётки вырвались редкие искры. Они упали и погасли, но следом метнулась и рассыпалась новая волна искр. Горновой вытянул из лётки пику, и горячая струя чугуна с клекотом вырвалась наружу и потекла, накаляя воздух. Скоро от главного русла отделился новый ручей и осветил вторую половину рабочей площадки. Мастер Савичев смотрел, как из выпускного отверстия вырываются новые потоки чугуна, и думал о том, что сегодня он даст слово выплавлять чугуна еще больше. Даст слово и выполнит, как всегда выполнял.

Мастер взглянул на Захарова, и тот ответил на его взгляд улыбкой.

цехе старшим газовщиком. Никто не удивился, когда он решил уйти на пенсию. Ему перевалило за седьмой десяток.

Прошедшие несколько лет почти не изменили Потапкина. Лысина у него была и тогда. Только седой хохолок на ней в то время не выглядел таким одиноким. И глаза почему-то стали беспокойными.

— А я вот очутился вроде как на холостом ходу, — продолжал Потапкин. — Смотрю на старуху, старуха — на меня. Видит, скучаю, а кругом разговоры про ваши успехи... «Иди, — говорит, — посмотри, отведи душу...»

— Возвращался бы ты, Никанорыч, на старую должность, — предложил ему Савичев.

— Что ты?! — испугался Никанорыч. — Я теперь от старой должности отстал. Смотри, что у вас тут... — Старик показал на приборы, а потом подошел к ним:

— Этого не было... И этого не было.

— Здесь расход воздуха, а это термопара, — подсказал старику Жарков. — У нас проще, а на других печах — у-у!.. Механика!

Бывший старший газовщик покачал головой, а потом, точно проверяя сам себя, спросил:

— Помощником газовщика приняли бы меня?

— Приняли бы! — ответили разом и мастер и газовщик.

Савичев знал Никанорыча двадцать лет. Вместе начинали работать газовщиками на первой домне. Встретившись, они не могли не вспомнить прошлое. Мастер часто прерывал разговор, отдавая распоряжения или проверяя приборы. Старик терпеливо дожидался, когда тот снова освободится, и начинал выспрашивать про новое.

Пока Савичев разговаривал по телефону с машинистами вагонвесов, Жарков склонился к морщинистому уху Потапкина и зашептал:

— Если решишь возвращаться в цех, просись на новую печь... Там только ходи и нажимай кнопки, — Жарков вытянул палец и трижды нажал на воображаемые кнопки.

Савичев закончил разговор и обрушился на Жаркова:

— Что ты сбиваешь Никанорыча?! Сам же говорил, что там работать сложней... Новые домны работают на высоком давлении, а Василий Никанорович, поди, и не знает, что это такое.

Тот отрицательно потряс седой прядкой.

Потапкин заметил Савичеву, что бригада стала какая-то маленькая. Сейчас в бригаде Савичева вместе с ним самим всего десять человек, в том числе пять горновых. Стали припоминать и подсчитывать состав бригады первых лет. Насчитали сорок семь человек. Одних горновых было шестнадцать. При каждом сравнении Никанорыч поджимал губы и качал головой.

Разговаривая с Потапкиным, Савичев не забывал во-время посмотреть на приборы, отдать распоряжение газовщику. Подходило время выпускать плавку, и мастер поднялся, чтобы идти к домне. Теперь его место у печи.

Савичев направился уже к двери, когда позвонил парторг цеха. Его голос в телефонной трубке был слышен не только мастеру:

— Напоминаю о партийном собрании. И Захарову напомни еще

Огнями плавок встречала Магнитка утренний рассвет.

Главная улица Новгорода — Московская.

НОВЫЙ НОВГОРОД

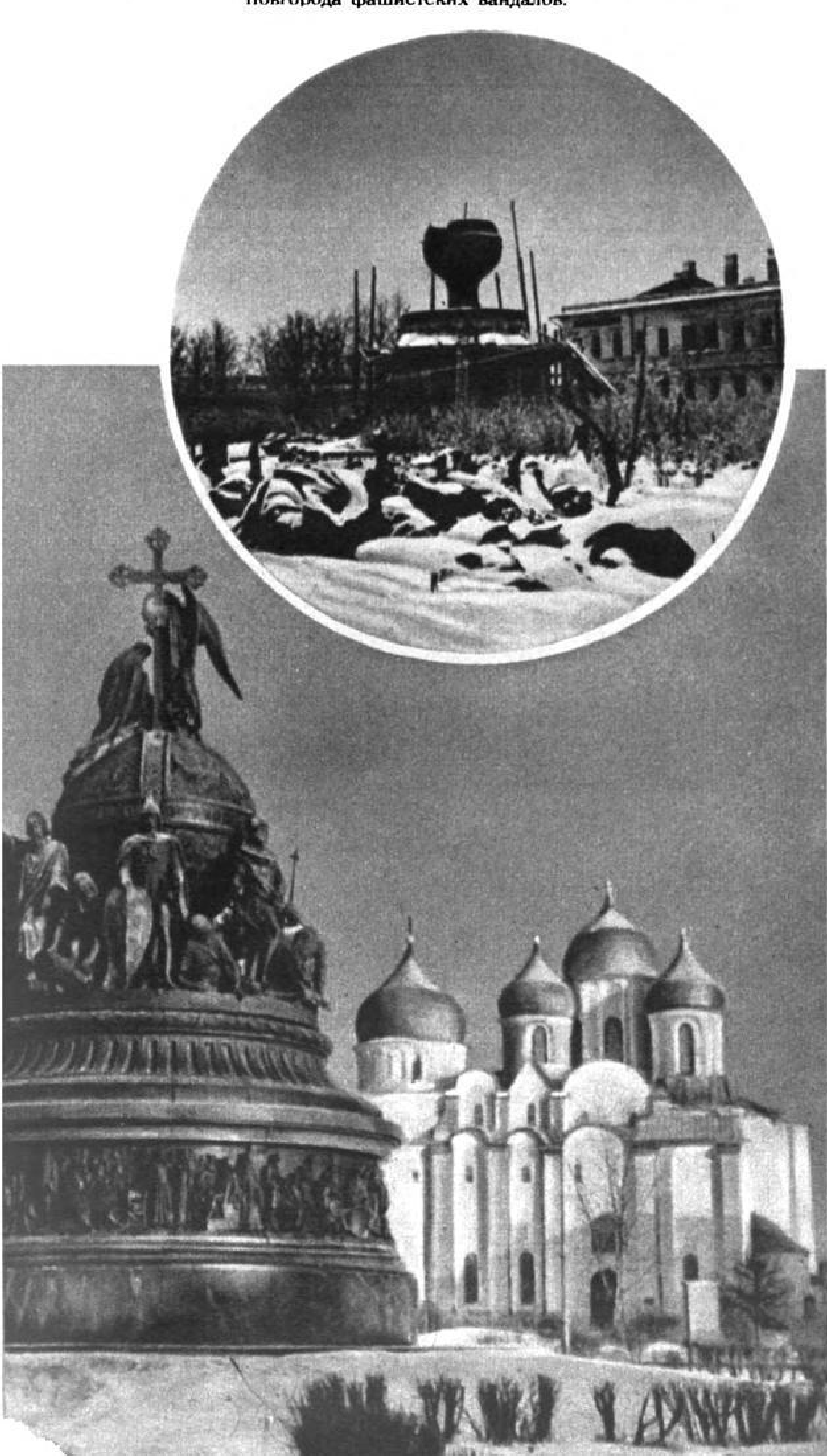
В. ВИКТОРОВ **Фото А. ГОСТЕВА**

Редакция получила письмо от читателя «Огонька» офицера Советской Армии М. С. Сакеева.

«Прошу вас написать о том, — пишет тов. Сакеев, — как идет восстановление древнейшего русского города Новгорода, разрушенного во время войны немецко-фашистскими оккупантами. Буду ждать журнал «Огонек» с рассказом и фотографиями, показывающими, как поднимается из руин древний русский город».

Исполняя просьбу нашего читателя, мы рассказываем о сегодняшнем Новгороде.

В центре новгородского Кремля стоит памятник тысячелетия России. Справа — реставрированный Софийский собор. В круге: так выглядел памятник тысячелетия России после изгнания из Новгорода фашистских вандалов.

Так уж умело выбрали новгородцы место для Софийского собора, что приезжему прежде всего бросаются в глаза его белоснежные стройные стены, его округлые легкие купола. И, любуясь этим изумительным памятником старины, созданным русским гением девятьсот лет тому назад, невольно задерживаешь взгляд на самой его вершине. Там сидит голубь. Кажется, что он только на мгновение присел на перекладину золотого креста, что вот-вот он взлетит и исчезнет в небе. Этот голубь издавна венчает купол собора. В Новгороде существовало поверье, что город будет стоять незыблемо до тех пор, пока цел голубь...

В августе 1941 года в Новгород ворвались гитлеровцы. Они устроили конюшни и казармы в зданиях, являющихся реликвиями русской культуры, разрушили памятник тысячелетия России, сорвали золотую обшивку с купола Софийского собора, и голубь рухнул вниз, на опаленную землю.

Когда 19 января 1944 года войска Волховского фронта, прорвав долговременную оборону врага, освободили Новгород, им представилась гнетущая картина. На том месте, где стоял древний город, простирались пустыри, заросшие бурьяном. Его заросли колючим саваном прикрывали кирпичные руины, над которыми только кое-где возвышались развалины старинных церквей и соборов. Все было уничтожено — дома, соборы, заводы...

Но вот прошло восемь лет. И теперь, приехав в Новгород, вы снова видите большой город с многоэтажными домами, школами, фабричными корпусами. Снова все дышит здесь жизнью, творческим трудом. А в центре новгородского Кремля, неподалеку от полностью восстановленного памятника тысячелетия России, на куполе реставрированного Софийского собора попрежнему сидит голубь...

О старинной новгородской легенде рассказывала нам потомственная новгородка Тамара Матвеевна Константинова, директор городского музея.

Тамара Матвеевна вернулась в родной город на пятый день после его освобождения. Она увидела опустошенный новгородский Кремль, разобранный памятник тысячелетия России: фашистский генерал Герцог собирался отправить этот уникальный памятник в Германию.

Город можно отстроить,— думала она тогда,— но как воскресить все эти прекрасные здания, как вернуть их Новгороду, всей стране, любящей и почитающей драгоценные реликвии русской истории!

— Как видите, — говорит она,— теперь почти все поднято из пепла. Новгород становится еще прекраснее, чем был до войны. Вместо деревянных домишек и неуклюжих купеческих хором город получает многоэтажные дома, благоустроенные, светлые, просторные. Прекраснее стали и древние новгородские церкви. Они сейчас имеют значительно бо̀льшую художественную и историческую ценность, чем до разрушения.

Это утверждение может показаться парадоксальным. В самом деле, как же это так? На все наши расспросы Тамара Матвеевна ограничилась кратким ответом:

— О реставрации вам полней расскажут специалисты. Они тут же, рядом, в Кремле.

В одном из кремлевских зданий помещаются две архитектурные мастерские: в одной восстанавливают музейную старину, в другой проектируют современный город. Но это близкое соседство не случайно: архитекторы делают одно общее дело — они строят новый Новгород.

Изучая архивные и литературные материалы, исследуя памят-

ники, производя архитектурно-археологический обмер, реставраторы постепенно восстанавливали их первоначальный облик, искаженный многочисленными перестройками и переделками. В течение веков невежественные церковники пробивали в стенах окна, сносили галереи, уничтожали орнаменты. Пласты этих поздних наслоений теперь оказались сбитыми, и под обрушившейся штукатуркой обнажились рубцы заделанных некогда арок, наличников, окон. И вот, медленно двигаясь от кирпичика к кирпичику, люди восстанавливают первоначальный облик собора, церкви, монастыря. Здания становятся стройнее, гармоничнее.

Археологи изучают строительный материал древних зданий и используют его при восстановлении, добиваясь полной достоверности реставрационных работ.

В этом городе седая старина на каждом шагу сталкивается с современностью. В городском музее мы встретились с новгород-

Виктор Фомич Кузнецов на работе.

скими водопроводчиками Ефимом Николаевичем Вантуриным, Иваном Ивановичем Ионовым и Александром Ивановичем Андреевым. Они осматривали трубу древнего новгородского водопровода, построенного в XI веке. Эта удивительная находка показывает, как высоко стояла городская культура Новгорода. Ведь водопровод в Париже и Лондоне был построен только спустя 300—400 лет.

☆ ☆ ☆

В «Новгородстрое» — основной строительной организации, занимающейся возрождением города,— нам сообщили интересные цифры. До войны в городе было 2 346 домов. Ко дню освобождения сохранилось только 40 выгоревших коробок. Теперь уже построено 1 877 прекрасных зданий общей площадью 157 тысяч квадратных метров. Заканчивается строительство комбикормового, кирпичного, ремонтно-механического заводов, мебельной и макаронной фабрик. Полностью восстановлены и другие предприятия.

Все больше новгородцев переезжает в благоустроенные комнаты и квартиры.

Вот один из новоселов — Виктор Фомич Кузнецов. Недавно он и его жена Татьяна Марковна получили большую комнату в новом доме по Ленинградской улице. Но на нашем снимке Кузнецов не дома, а на работе. Еще неизвестно, кто поселится в этой светлой, просторной комнате, отделку которой он заканчивает. Кто бы это ни был, все должно быть в порядке. Кузнецов вставляет стекла в балконные двери. Он и до войны работал в Новгороде стекольщиком, но, вернувшись в родной город, не нашел не только целого окна, но и уцелевшей стены. Теперь Виктор Фомич работает вместе с женой. Недавно они за 22 дня застеклили двести окон нового дома.

Переезжают на новую квартиру не только люди, но и книги. Городская библиотека получила просторное и удобное помещение в здании по Московской улице.

И все же, перечисляя сделанное, новгородцы считают, что они еще очень медленно поднимают свой город. Ведь Новгород после войны стал центром большой области. Значит, и спрос со строителей должен быть другим.

...Снова живет Новгород мирной трудовой жизнью. Воздвигаются дома, растут дети, и как бы выражением этой жизни явилось скромное и трогательное торжество, свидетелями которого мы стали в тот же вечер. Председатель горсовета вручал орден «Мать-героиня» потомственной новгородке Евдокии Ивановне Юлилуома, вырастившей и воспитавшей десять детей.

Старушка вошла в кабинет председателя горсовета в сопровождении дочерей и сыновей, которые оказались к этому времени в Новгороде. Дети стояли за ней не менее взволнованные, чем их мать, а Евдокия Ивановна, приняв грамоту, подписанную Н. М. Шверником, и маленькую красную коробочку с орденом, оглянулась и посмотрела на них, как бы ища у них поддержки в эту великую в ее жизни минуту.

Три ее сына и дочь Надежда участвовали в Великой Отечественной войне, и один из сыновей — Петр — погиб, сражаясь за Новгород в партизанском отряде. И эта большая, дружная семья новгородцев, скромных советских тружеников, словно олицетворяла собой бессмертие великого русского города.

Семья Юлилуома (слева направо): Антонина, Екатерина, Михаил, Виталий, Леонид, Елена и жена Леонида Александра. В центре — мать-героиня Евдокия Ивановна Юлилуома.

Новгородские водопроводчики Е. Н. Вантурин, И. И. Ионов и А. И. Андреев в музее осматривают трубу древнего городского водопровода.

На берегу Волхова. Суда готовятся к навигации.

НА ТОЙ ЖЕ ЗЕМЛЕ

Дмитрий РУДЬ

Ночью сторожевые собаки раз пять поднимали тревогу.

Сгрудившись то в одной, то в другой стороне чабанской стоянки, они оглашали сонную степь неистовым лаем, будили людей, предупреждая их о грозившей опасности: волки!

Заслышав лай, на пороге чабанского домика появлялся с ружьем Григорий Кузьмич. Ему и впрямь как-то показалось, будто слева от загородки, за которой испуганно жались друг к дружке и жалобно блеяли овцы, метнулась стая хищников. Он вскинул ружье и нажал спусковой крючок.

Отзвучало, растворилось в ночной дали эхо выстрела, и лишь тогда, пристально вглядываясь в темноту, Кузьмич понял, что стрелял понапрасну. Там, куда Долгополов целился, лишь ветер гулял в зарослях терновника.

Выстрел еще больше насторожил собак. Ринувшись вслед за ним в кусты терновника и ничего там не обнаружив, они залились пуще прежнего.

Все угомонилось на стоянке к утру.

Смену принял чабан второй руки, колхозник лет на двадцать моложе Долгополова. Он пришел с хутора на рассвете, принес харчи, последние номера газет, выложил Кузьмичу деревенские новости, затем взял свою герлыгу — длинную чабанскую клюшку с деревянной закорючкой на конце — и пошел к отаре.

А Григорий Кузьмич, вправив уши в ниточные петли, привязанные вместо сломанных оглобелек к старым очкам, взял в руки газету. По привычке он начал не с первой, а с последней страницы и, погрузившись в чтение, на время отвлекся от чабанских будней. Но стоило ему покончить с международным обзором и перевернуть страницу, стоило прочитать заметку о достижениях арзгирских овцеводов, как мигом вернулся он к привычным думам.

Профессия выработала в Кузьмиче своеобразный, можно сказать, философско-созерцательный образ мышления. Большую часть года чабан на лоне природы, наедине с овцами. Дни проходят, он слова не вымолвит. Летом, лежа на травке и зажмурив от солнца глаза, а поздней осенью зарывшись в скирду соломы, чабан подолгу разговаривает сам с собой, часто и щедро предается мечтаниям, многое из того, к чему стремится, представляет себе наяву.

Кузьмич отложил в сторону газету и, закрыв глаза, лежал на верхней полке чабанского домика. Он думал, разумеется, о том, что его больше всего занимает.

Уже давно Долгополов ратует за то, чтобы в колхозах было введено ученичество по профессиям, и в защиту своей точки зрения старый чабан приводит простые, на редкость логичные доводы. Не ручаюсь за абсолютную точность, но постараюсь об этой подкупающей идее старика рассказать почти его же словами.

Задумываются ли у нас над тем, с каким багажом приходит молодежь в колхозы? Учитывают ли, с какими знаниями и с каким опытом начинает она свой трудовой путь?

Как было прежде?

Когда начинала молодежь свой трудовой путь в индивидуальном хозяйстве? С детства. К 15—16 годам крестьянский паренек или деревенская девушка, сплошь и рядом не имея тогда даже начального образования, обладали, однако, достаточным опытом и трудовыми навыками. Работая в хозяйстве отца, они с малых лет обучались всему, чем приходилось впоследствии заниматься и в своем хозяйстве: немудреной крестьянской агротехнике, обхождению с конем, уходу за какими-нибудь тремя — пятью головами продуктивного скота.

А теперь?

Теперь крестьянская молодежь до 15—16 лет в обязательном порядке учится. И если паренек или девушка не намерены продолжать учебу, они пополняют собой ряды колхозников. Таким образом, молодые колхозники и колхозницы имеют по меньшей мере семилетнее образование. Но им не хватает опыта, недостает практических и специальных знаний, без которых никак не обойтись в социалистическом сельском хозяйстве с его разнообразием отраслей, высоким уровнем механизации, агротехники, зоотехники.

Ежегодно перед каждым новым выпуском средней школы газеты печатают ответы молодых людей на вопрос «Кем я хочу быть?», и искренне радуешься, читая: «Инженером, агрономом, врачом, геологом, педагогом, летчиком, артистом...» Но не так часто случается читать, чтобы на тот же вопрос молодые люди, крестьянские парни и девушки с семилетним образованием, отвечали: «Бригадиром, комбайнером, трактористом, садоводом, животноводом...» А ведь это передовые люди в колхозах!

В силу всех этих соображений Григорий Кузьмич и считает, что, окончив семилетку и придя в сельское хозяйство, молодой колхозник или молодая колхозница должны сразу же избрать себе определенную специальность и года два обучаться в производственных условиях под руководством опытного мастера своего дела. Нетрудно представить себе, какое значение может это иметь для дальнейшего подъема и развития социалистического сельского хозяйства.

Размечтался старик. И представилось ему, будто идея его одобрена и принята, будто введено в колхозах ученичество по профессиям, правление будто прислало к нему паренька, изъявившего желание стать чабаном, и между ними такой состоялся разговор:

— Так, так... Прислали, говоришь? А сам-то ты, сынок, действительно имеешь охоту стать чабаном?

— Как же? Не было бы желания, Григорий Кузьмич, так разве ж я просился бы к вам в ученики?

— Та-ак... А знаешь ты, какое это трудное, беспокойное дело? Иной, быть может, и возразит: ничего, мол, подобного. Иной, чего доброго, даже скажет, что работу чабана он и за физический труд не считает. Выбрал, мол, участок пастбища получше да и знай лишь покуривай, кругом да около стоянки похаживай, на солнышке грейся да за овцой поглядывай. Какой же это труд? Одно удовольствие. А ведь чабан и в ненастье в степи и ночью на посту, и вечно его заботы да тревоги одолевают. То волки к стоянке повадились, то болезнь какая-нибудь объявилась среди овец, то еще какая-нибудь беда стряслась... Словом, пока не поздно, подумай, сынок!..

И не стерпел будто бы паренек:

— Да что это вы все страхи на меня нагоняете? Сами-то, небось, с моих же лет чабануете, а не бросаете...

— Ха-ха-ха! — громко расхохотался Григорий Кузьмич и почти ощутил, как хлопнул паренька по плечу.— Вот это я и хотел услышать. Молодец! Экзамен выдержал: пришел в чабанский цех не по назначению, а по собственной охоте, по призванию,— значит, выйдет из тебя настоящий чабан.

И Григорий Кузьмич продолжал разговор с пареньком. Он говорил ему, что без любви к своей профессии нет истинного мастерства, что должность чабана в стране нашей — должность ответственная. Кто есть центральная фигура в овцеводстве? Чабан. Откуда текстильная промышленность получает самое ценное сырье? От чабана. Скажем, мне и двум моим подручным поручена отара в девятьсот овец, и настригли мы в нынешнем году более шести тонн мериносовой шерсти, на шесть тысяч метров самых добротных тканей. Да что там метры считать! Вот слушай...

Но тут у самой двери чабанского домика раздался пронзительный сигнал «Победы», разом вернувший Кузьмича к действительности. Он выскочил наружу и почти лицом к лицу столкнулся с председателем колхоза. Тот заехал предупредить Долгополова о предстоящей инвентаризации. По данным оперативного учета, колхоз свой трехлетний план развития общественного продуктивного животноводства выполнил досрочно. Но книжные записи надо еще уточнить...

«Профессор своего дела!» — так отзываются в Казьминском о Григории Кузьмиче Долгополове, старейшем чабане колхоза «Полярная звезда».

Фото Г. Аракельяна (ТАСС)

— И документами подтвердить,— добавил Григорий Кузьмич.— Зная, как трудно у нас с выпасами, иные и не поверят нашим успехам.

Из скромности старик не стал распространяться о том, кому и чем обязан колхоз этими успехами.

...Григорию Долгополову пятьдесят восемь лет, и вот уже сорок лет работает он чабаном. Стоит ли говорить о том, какое богатство практического опыта олицетворяет собой этот человек! «Профессор своего дела!» — отзываются о нем в Казьминском. Но это — еще полдела. Психология, навыки, этические устои Григория Долгополова уже на три четверти формировались в атмосфере коллективизма. Он с 1921 года колхозник. И три десятилетия колхозной жизни сделали свое дело. Сила социалистического преобразования подняла человека высоко, вместе со всей страной. Далеко вширь раздвинула она его горизонт. Она привила крестьянину государственный склад мышления сроднила его с общественным хозяйством, сделала неутомимым борцом за колхозное дело.

И еще отраднее другое. Григорий Долгополов не единственный в Казьминском ветеран колхозной стройки. Таких людей здесь немало. И им-то прежде всего обязан казьминский колхоз своим выдающимся успехом в развитии общественного животноводства.

Простую, но славную историю этого успеха Иван Луценко, секретарь колхозной парторганизации, начинает издалека:

— Тридцать лет назад поздней осенью группа казьминских батраков создала на бывших помещичьих землях два небольших колхоза: сельскохозяйственную коммуну «Полярная звезда» и товарищество по совместной обработке земли «Дружба»...

Прошли годы. Возникла Казьминская МТС. Из двух маленьких вырос один большой колхоз — «Полярная звезда». Рядом организовался другой — имени Красина. Советские люди распахали степь. Стали сеять пшеницу, ячмень, овес. И там, где когда-то на десятки километров простирались целинные пастбища, бескрайними массивами легли колхозные поля.

Тесно стало в степи. Все меньше и меньше оставалось выпасов и сенокосов. Сохранились в конце концов одни почти совсем бесплодные, каменистые плеши и прочие «неудобья». Быстро росло полеводство, и из года в год все больше осложнялось дело развития общественного животноводства. К 1940 году оба колхоза имели на каждые сто гектаров земли всего по пятидесяти голов скота, раза в два меньше других, разносторонне развитых хозяйств...

И будто из самой Москвы видать все, что в Казьминском не ладится! — с оттенком удивления и восхищения говорит Луценко, продолжая свой рассказ.— Вскоре же партия изменила политику заготовок. Колхозам вменено было в обязанность поставлять государству мясо, молоко, шерсть, кожсырье не по наличию скота, а по земельной площади. А это нас, колхозников, заставило крепко призадуматься над тем, как бы с каждого гектара земли «получать» возможно больше продуктов животноводства и, стало быть, содержать на нем значительно больше скота.

Ну, с войной все поломалось... В оккупацию общественное животноводство Казьминского пострадало так сильно, что даже на втором году послевоенной пятилетки оба колхоза еще не имели прежнего поголовья скота. После войны у нас все больше полеводством занимались, о животноводстве же поминали лишь походя, между делом. Вот против этой-то однобокости и заявили свой протест старейшие животноводы наши: «Не хотим, мол, и не будем плестись в обозе!» Ну, мы стариков, конечно, поддержали. Тогда-то и развернулась у нас вовсю борьба за быстрейший подъем и дальнейшее развитие артельного животноводства.

В самом деле, могли ли животноводы оставаться в тени, когда полеводы брались с каждого гектара посева получать больше зерна и других продуктов земледелия? Ясно, не могли. Они на это обещание ответили своим обязательством: добиваться всемерного увеличения поголовья скота на колхозной земле.

В районном отделе сельского хозяйства намерения казьминских животноводов расценили как рискованную затею.

— Существуют ведь определенные нормы выпасных угодий,— напомнил инициаторам этих обязательств районный зоотехник.— А у вас и половины этих норм нет. На что же вы, собственно говоря, надеетесь?

Люди, к которым обращены были слова зоотехника, знали, на что надеялись.

Колхозные животноводы опрокинули прежние представления о том, сколько скота можно содержать на нераспаханных казьминских землях. Они установили очередность в стравливании выпасов, завели своего рода пастбищный оборот, при котором выпасные угодья разбиты на клетки с тем, чтобы, пока скот пасется на одних, другие «отдыхали» и на них подрастала трава. Они до позднего вечера удлинили время пребывания овец на пастбище, а крупный рогатый скот перевели на круглосуточную пастьбу.

И казьминские животноводы достигли своего. К началу 1949 года оба колхоза на той же земле содержали уже свыше четырех тысяч голов продуктивного скота — на треть больше, чем до войны.

На той же земле... Было в этом нечто близкое и родственное патриотическому почину знаменитой обувщицы Лидии Корабельниковой, встреченному одобрением всей страны. Суть его заключается ведь в том, чтобы из той же площади верхней кожи выкроить побольше заготовок. Значит, казьминские животноводы шли в ногу с жизнью, с самыми передовыми начинаниями нашего времени.

А с опубликованием трехлетнего плана развития общественного продуктивного животноводства их «рискованную затею» взял под свое покровительство закон. И в тот день, когда Казьминское получило газеты с решением о плане, Григорий Долгополов и его единомышленники чувствовали себя в полном смысле этого слова именинниками. Нет, не напрасно воевали они за увеличение поголовья скота на фермах! Вслед за успешным решением зерновой проблемы партия и правительство провозглашали всемерное развитие общественного животноводства центральной задачей сельского хозяйства.

Тогда и полеводы повернулись лицом к животноводству. Колхозы ввели у себя травопольные севообороты и всерьез занялись подведением кормовой базы под продуктивное животноводство. При каждой ферме завели полевой участок со специальным кормовым севооборотом, а при молочно-товарной — и так называемый зеленый конвейер: разновременный посев всяких сельскохозяйственных культур на зеленый корм.

В конце 1950 года колхоз имени Красина слился с «Полярной звездой», и с тех пор развитие общественного животноводства в Казьминском двинулось вперед еще успешнее. Уже первый весенний приплод на фермах укрупненного хозяйства добавил к колхозным стадам две тысячи голов молодняка. И еще в октябре бухгалтерские записи показали, что колхоз свой трехлетний план развития общественного продуктивного животноводства выполнил досрочно.

Инвентаризация это подтвердила. А дня через два итоги подсчета скота на фермах обсуждались на открытом партийном собрании колхоза. Началось оно с того, что Иван Степанович Луценко зачитал акты ревизионной комиссии о результатах инвентаризации. Тем самым секретарь парторганизации как бы досказал историю выдающегося успеха казьминских животноводов. На той же земле, какая закреплена была прежде за двумя хозяйствами, укрупненный колхоз содержал свыше восьми тысяч голов продуктивного скота, по сто двадцать пять голов на каждой сотне гектаров, в два с половиной раза больше, чем оба колхоза имели до войны.

Казалось бы, хорошо. Но разве в натуре советского человека после успеха ставить точку? Нет. Он никогда не удовлетворяется достигнутым и не терпит застоя. Для большевиков каждый успех — только начало нового, большего успеха. Каждое достижение расчищает советским крестьянам-колхозникам путь к новым успехам, вооружает их для борьбы за дальнейший подъем общественного хозяйства.

с. Казьминское, Либкнехтовский район, Ставропольский край.

–Получайте письма,— говорит Евгению Савичу почтальон Татьяна Сергеенко.

Фото И. Фетисова

О чем пишут Евгению Савичу?

В новом многоэтажном доме № 19 на улице Стачек в Ленинграде живут рабочие и инженеры Кировского завода. Под вечер у подъезда дома мы встретили здешнего почтальона Татьяну Сергеенко и спросили ее:

— Кто в этом доме больше всех получает писем?

Наш вопрос несколько озадачил почтальона.

— Три раза в день бываю я в этом доме,— ответила она.— И всегда почтовая сумка набита до отказа. Все тут в доме много писем, газет и журналов получают.

— Ну, а больше всех кто?

Сергеенко на минуту задумалась и ответила:

— Пожалуй, товарищ Савич из квартиры 19. Кстати, сейчас несу ему письмо с оригинальным адресом. Вот, видите. На конверте штамп «Горький». А посмотрите, адрес какой!

На конверте было написано: «Ленинград. Замечательному фрезеровщику Е. Ф. Савичу». И все. Оказывается, популярность стахановца с Кировского завода столь велика, что пишут ему из других городов по такому своеобразному адресу. На почтамте уже хорошо знают, куда доставить письмо, адресованное «замечательному фрезеровщику».

Пятый год потомственный путиловец Евгений Савич занимается скоростным фрезерованием. В десять раз он увеличил скорость своего станка. Теперь Е. Савич задался целью перевести все фрезерные операции в тракторном цехе на скоростные режимы. По его инициативе была создана комплексная бригада творческого содружества, объединившая стахановцев, инженеров, научных работников. Совместный, коллективный труд дал прекрасные результаты. Бригада создала 130 оригинальных твердосплавных фрез и быстродействующих станочных приспособлений, усовершенствовала десятки станков и обучила около двухсот рабочих новым приемам. При изготовлении трелевочных тракторов 90% фрезерных операций переключено на высокие скорости. Производительность возросла в два, четыре и шесть раз!

В январе 1952 года стахановец докладывал о своей работе коллегии министерства. Опыт его одобрили и решили широко распространить. Вернувшись домой в Ленинград, он застал много писем от незнакомых ему людей. Это были письма из Москвы, Сталинграда, Тулы, Свердловска, Риги, Днепропетровска.

Е. Савич познакомил нас со своей почтой.

«Дорогой товарищ,— пишет стахановец цеха шасси Сталинградского завода Борис Снудянин.— Ваш опыт приковывает внимание тысяч стахановцев, работающих на фрезерных станках. Я тоже фрезеровщик — обслуживаю два фрезерных и один сверлильный станок. Если использовать специальные фрезы вашей конструкции, то и наши детали — поперечные брусья — можно обрабатывать скоростным методом. Надеюсь, что вы сообщите нам подробнее об опыте вашей бригады».

Из Тульского механического техникума запрашивают: «Товарищ Савич! В своем выступлении по радио вы сказали, что изменили заточку зубьев фрез. Нас интересует: какую геометрию имеет режущая часть применяемого вами инструмента, на каких станках и режимах вы ведете фрезерование и какова мощность моторов?»

Сегодня почтальон вместе с письмами доставил номер журнала «Вестник машиностроения». В нем напечатана статья о новом методе скоростного фрезерования. Авторы ее — стахановец Е. Савич и кандидат технических наук член бригады творческого содружества А. Щеголев.

— Вы успеваете отвечать на все письма? — спросили мы у хозяина дома.

— Успеваю. Ни одно письмо не оставляю без ответа. Кстати, вы напомнили мне: сегодня хочу послать письмо в Харьков товарищу Бутенко, рассказать ему, чего нам удалось достигнуть в феврале. Мы на заседании коллегии министерства договорились с ним об этом.

К. ЧЕРЕВКОВ

Студенты у входа в здание Каракалпакского государственного педагогического института.

ЗАКОН ДРУЖБЫ

И. КОБЗЕВ

Фото С. Осипова

Столица Кара-Калпакии, Нукус,—город очень юный. Все в нем молодое: и сами люди, и ровные колоннады тонких тополей, и белые двухэтажные дома с балконами и зубчатыми карнизами в восточном стиле. Многие из этих домов совсем недавно воздвигнуты строителями Главного Туркменского канала.

В Нукусском аэропорте царило шумное оживление, какое бывает обычно на вокзалах крупнейших узловых железнодорожных станций. И это понятно: на Аму-Дарье шуга, а железная дорога к городу тогда еще была не подведена. Аэропорт работал за троих. Самолет в Кара-Калпакии — сейчас самый распространенный вид транспорта.

Наш попутчик, поэт Усербай Ходжаниязов, черноволосый юноша, рассказывает о своем городе:

— Раньше столицей Кара-Калпакии был Турткуль. Стремительная и коварная, часто меняющая свое русло Аму-Дарья повела наступление на город. Люди долго удерживали напор воды дамбами. Но все же им пришлось перенести на другое место свои дома, улицы, деревья. Так появился новый Турткуль. Столицей же стал Нукус... Не забыты здесь также разрушительные нападения Аму-Дарьи на Кунград, на Кара-Узяк. Теперь, со строительством канала, этим беспрерывным набегам реки приходит конец. Человек перешел в наступление!

Глаза молодого поэта светятся огоньком вдохновения. Этот же огонек мы видели потом в глазах многих его земляков, когда заходил разговор о новой сталинской стройке. Какие большие перемены!

* * *

...Темная камышовая юрта. На жесткой кошме, поджав под себя ноги, сгорбившись, сидят старики в дырявых халатах.

Сколько видит горя вокруг старый шаир Бердах! Тяжело петь о страданиях родного народа...

...Унылые верблюды тянут сквозь пески скрипучие арбы. Пылят по дорогам овцы. Женщины прижимают к себе детей. Как мираж, маячит в степи и манит их к себе надежда на счастье. Но счастье неуловимо. Даже самый быстрый бегун не догонит того, чего нет. Едва найдут колодец — вода уйдет в землю. И — снова в путь. «На сухой земле быки ссорятся», говорит пословица. А иной земли нет.

Но еще хуже, чем горячий ветер пустыни, неумолимые баи, муллы, сборщики налогов.

В городах тесные, кривые улочки, где два ишака не разойдутся. Глухие глинобитные дувалы, скрывающие от глаз прохожего жилища бедняков, эти темные колодцы горя и голода. На безутешный плач похоже здесь тихое журчание арыков.

— Сумрак покрыл наше горькое время! — гневно говорит старый Бердах.

Но вот опускается занавес — вспыхивает в зале яркий свет. На потолке четко вырисовывается многоцветный орнамент. Сегодня в Драматическом театре имени Станиславского идет спектакль о жизни народного поэта Бердаха. Зрители — делегаты республиканской комсомольской конференции.

...Мы сидим в просторной комнате. Хозяин, Шамурат Мусаев, звеньевой колхоза имени Ахунбабаева, только что вернулся с поля. Его загорелое лицо выглядит усталым. Но он радушно встречает гостей. Извлекаются из тандыра — круглой печи — горячие лепешки, дымится в пиалах душистый зеленый чай.

Ходжейлинский хлопкоочистительный завод. Тюки упакованного белоснежного волокна грузятся на машины.

Обогревшись, Мусаев распахнул полосатый халат, и под ним на отвороте пиджака блеснули пятиконечная звездочка и два ордена Ленина — высшая награда Родины. Наш спутник, Усербай Ходжаниязов, очень горд своим земляком.

Шамурат Мусаев рассказывает обычную в наши дни историю о том, как нищий, сирота, байский пастух стал уважаемым человеком, депутатом Верховного Совета республики.

Он приглашает нас пойти посмотреть колхозное богатство. Мы заходим в клуб, в детские ясли, в школу-десятилетку, бродим по молодому мичуринскому саду.

Однако главная гордость колхоза — хлопок.

Шамурат Мусаев ведет нас на свой участок. На вспаханном тракторами поле видны небольшие пирамидки земли, в шахматном порядке насыпанные на бороздах.

— Это мы выравниваем площадь,— объясняет хлопкороб.— Надо, чтобы она была ровная, как стол. Иначе при поливе на впадинах земля будет воду пить, а на возвышениях — нет.

...Мы идем по полю вдоль широкого арыка. Вода в нем коричневая, мутная, похожая на кофе.

— Когда-то была сложена в народе поэтичная легенда о том, что журчащая вода арыка рассказывает о горе и радостях живущих в ауле людей,— вспоминает Усербай.

Мы на минуту останавливаемся и прислушиваемся. Вода течет быстро, стремительно, и плеск ее напоминает частые удары смычка по струнам, когда музыкант играет веселую плясовую мелодию где-нибудь на свадьбе или на празднике...

...Дорога ведет на Ходжейлинский хлопкоочистительный завод.

Автомашины везут с заготовительных пунктов пышный, мягкий хлопок. На ветках карагача и тутовника, растущих вдоль дороги, точно иней, кое-где висят клочки ваты.

На десятки метров вокруг завода разлился сладковатый запах хлопкового масла.

Первое впечатление при входе на территорию завода такое: вы попали в горы зимой. Рабочие, словно альпинисты, взбираются на белые кручи, отгребают снег лопатами и обрушивают его вниз.

Но дальше в «зимний» пейзаж врывается техника. Толстые пневматические трубы заглатывают хлопок, как удав глотает белых кроликов, и подают его в производственные цехи.

Весь процесс обработки полностью механизирован.

Секретарь парткома Карасай Наримбаев представляет нам механика Леонида Васильевича Сердюка.

— Это наш «сердцевед»,— говорит он,— дизель — это сердце завода. У Леонида Васильевича двигатели не знают усталости.

Сердюк по-хозяйски оглядывается в сторону цехов:

— Вы оценили нашу технику? Пневматика! Электрификация!

— Однако самое интересное начнется, когда нам даст энергию Тахиа-Ташская ГЭС. Большие перспективы открываются!

Неожиданно он озабоченно смотрит на часы:

— Вы извините. У нас тут студенты на практике. Надо им кое-что показать...

В Ходжейли мы познакомились еще с одним энтузиастом своей профессии. Это один из многих русских людей, посвятивших долгие годы своей жизни развитию братской Каракалпакской республики. Может быть, благодаря им и сложилась у каракалпаков пословица: «Не говори: «русский», говори: «друг».

В 1945 году среднеазиатские республики направили много скота в помощь разоренным войной колхозам Украины и Белоруссии. Начальнику перегона Ф. И. Писареву нужно было перегнать 25 тысяч овец, в том числе несколько тысяч каракульских, из Кара-Калпакии в Саратов. Путь лежал через бесплодное плато Усть-Урт. Был случай, когда идущие впереди разведчики с тревогой сообщили: воды в колодцах нет. Что делать? Начальник перегона решает: спуститься к Аральскому морю и напоить скот морской водой. Люди и животные осторожно перебирались по

В КАРА-КАЛПАКИИ

Мастер хлопка

Если собрать в одном месте весь хлопок, который вырастил со своим звеном в течение долгих лет звеньевой колхоза имени Ахунбабаева Герой Социалистического Труда Шамурат Мусаев, то над землей поднялась бы высокая гора, похожая на заснеженный хребет Султан-Уиз-Дага...

О многом говорит Золотая Звезда на груди скромного колхозника! Вооруженные агрономической наукой, отличной современной техникой, имеющие воду, семена, удобрения и, главное, любящие свое дело передовые хлопкоробы Кара-Калпакии, такие, как Шамурат Мусаев, собирают большие урожаи на той земле, где до революции не росло ничего, кроме верблюжьей колючки.

Есть у кара-калпаков пословица: «Цену меди лучше всех знает медник». Но хлопкороб Мусаев по-настоящему понял цену белого волокнистого золота, лишь побывав на крупнейших московских ткацких фабриках, когда он увидел разноцветный поток ярких узорчатых тканей. Тогда он сказал себе: «Надо давать для народа еще больше высокосортного хлопка,— пусть нарядно одеваются люди!»

В 1951 году Мусаев собрал со своим звеном около 70 центнеров с гектара на площади 8 гектаров.

Упорство, с которым его звено всю нынешнюю зиму готовилось к севу, служит залогом будущей победы.

Они будут педагогами

В физической лаборатории Кара-Калпакского государственного педагогического института идут практические занятия. Студенты второго курса физико-математического факультета Коптлеу Умбетов, Карлыбан Бердимуратов и Сейтмурат Авезов знакомятся с электрическими приборами.

...Из самых отдаленных уголков Кара-Калпакии съехались в Нукус юноши и девушки. В 1944 году здесь обучалось 240 студентов, сейчас их более тысячи. Институт с каждым годом расширяется.

Из первого в республике Педагогического института уже вышло немало преподавателей школ, аспирантов московских и ташкентских вузов, научных работников.

— Когда я кончу учиться и стану преподавателем,— говорит сталинский стипендиат Курлыбай Бердимуратов,— то первый свой урок я начну так: «До Октябрьской революции в Кара-Калпакии было всего лишь три школы для байских детей. Грамотность населения не достигала одного процента. Народ не имел своей письменности. Советская власть дала нам сотни школ, институты, техникумы, открыла путь к науке, к литературе, к искусству. Учитесь же любить, укреплять и защищать советскую власть!»

«Путешествие» на Тахиа-Таш

Кончились уроки, но ученики 5-го класса нукусской средней школы имени А. С. Пушкина не спешат разойтись по домам. Сегодня у них занятие географического кружка. Школьники совершают интересное «путешествие» вокруг света. Ничего, что земной шар по своим размерам не больше футбольного мяча и его легко можно взять в руки,— и путешественники не очень-то велики!

Руководитель кружка, учитель истории и географии Ибрагим Исмаилов замечает, что члены кружка больше всего интересуются находящейся недалеко от них географической точкой. Эта точка — мыс Тахиа-Таш.

Весь вечер у ребят идет разговор о великой стройке. Вклеены новые фотоснимки в альбом о Главном Туркменском канале, на контурных картах четко начерчена трасса будущего водного пути.

Народный певец

Долголетняя творческая дружба связывает поэта, председателя Союза советских писателей Кара-Калпакии Амета Шамуратова и народного певца, депутата Верховного Совета республики Жапака-баксы.

С шестнадцати лет певец народного горя и радостей Жапак-баксы путешествует со своим дутаром по городам и селам родного края. В старое время в тайных местах он пел народу запрещенные ишанами, «проклятые Аллахом», гневные песни. Царские охранники, баи, муллы преследовали его, но для бедных дехкан не было более желанного гостя.

И сейчас, когда наступает праздник, когда где-нибудь справляют свадьбу, когда собираются в колхозном клубе мастера высоких урожаев,— часто они направляют посла в Нукус для того, чтобы пригласить к себе любимого певца. Конечно, репертуар певца изменился так же, как изменилась сама жизнь. Торжественно и радостно поет он о мудром Сталине, о старшем брате — русском народе,— о белоснежных хлопковых полях...

Гул великой стройки на Аму-Дарье не мог не отозваться в струнах его дутара. Певец вдохнул мелодию в стихи своего друга-поэта о Тахиа-Таше, и зазвучала песня:

Кто знал о тебе, твердокаменный Тахиа-Таш?
Одни бурлаки, что когда-то брели здесь устало.
Теперь ты упорство и прочность народу отдашь,
И имя твое станет символом силы и славы!..

Песня о счастье

В радиостудии вспыхнула красная лампочка...

Микрофон включен...

По всей республике разносится нежный, высокий голос Аимхан Казимбетовой, народной артистки Узбекской ССР и Кара-Калпакской АССР. В городах и аулах, в колхозных клубах и избах-читальнях, в цехах заводов и в чайханах с удовольствием слушают люди веселую народную песню — песню о счастье — «Налыш».

Знаменитая народная артистка не так давно была сборщицей хлопка в колхозе имени Молотова. На глазах у всех расцвел ее талант. Но, конечно, не стала бы она такой искусной певицей, если бы не послали ее учиться в Москву, в Консерваторию имени Чайковского.

...Льется мелодия народной песни. Певице аккомпанируют на народных инструментах.

уступам почти отвесного двухсотметрового обрыва. Если бы хоть один баран оступился, вся отара, движимая стадным чувством, хлынула бы вниз, на камни! Еще труднее было заставить овец пить горько-соленую морскую воду. Долго бились над этим перегонщики. Наконец старый чабан-каракалпак поднял на руки круторогого вожака и вошел с ним в воду. За первым бараном припали к воде остальные...

В другой раз разбушевавшийся ветер оторвал от гурта около пятисот животных. Несколько суток неутомимые казахи и каракалпаки на своих низкорослых лошадях обыскивали пустыню на много километров кругом.

К пункту назначения пришли без потерь. В Саратове работникам экспедиции, чабанам и гуртоправам устроили торжественную встречу...

...О хирурге Халмуратове мы услышали от бородатого чабана.

— Пасем мы овец в Кара-Кумах,— вспоминал старик,— кругом безлюдье. Занемог у нас один из чабанов, Игамбердиев. Не ест ничего, стал как мешок с костями. А обратиться некуда: пустыня. С метеорологической станции сообщили в Нукус, что нужна срочная медицинская помощь. К вечеру к нам на летовку прилетел на самолете Уразмет Халмуратов. Операцию больному сделал. Потом больного посадили в самолет и отвезли в больницу. Скоро Игамбердиев опять вернулся к нам на летовку.

В Нукусе, куда мы вернулись, в справочном бюро мы запросили домашний адрес врача Халмуратова. Дежурившая девушка, улыбнувшись, ответила:

— Выйдите на улицу и спросите первого встречного. Вас каждый с удовольствием проводит.

Мы так и сделали. Встретившаяся женщина охотно согласилась проводить нас до дома врача и всю дорогу рассказывала нам о нем.

Муйнакские охотники-ондатроловы возвращаются с промысла. Среди их «трофеев» десятки ценных шкурок водяного зверька — ондатры — и несколько шакалов, подстреленных в дельте Аму-Дарьи.

Хирург Уразмет Халмуратов — высокий, чуть сутуловатый человек с проницательными глазами ученого и с обветренным лицом пастуха, которым он и был до 1918 года.

Сегодня к доктору приехал из дальнего аула родственник. Разговор идет не о медицине, а об урожае хлопка, о том, что колхозники из своих разбросанных хуторков — курганчи — начинают переселяться в аулы. Хозяин слушает гостя с большим вниманием. Он-то знает, что здоровье людей больше всего зависит от хороших условий жизни.

Мы просим врача рассказать о себе.

— Что же рассказывать? — разводит руками хирург.— Моя биография — не моя заслуга. Рос вместе с народом. Я еще застал те времена, когда нищета, трахома, проказа косили здесь людей, а больниц не было. На всю Кара-Калпакию был только один врач.

Революция спасла нас. Вы заметили, как любят у нас вспоминать события гражданской войны, личные встречи с товарищем Фрунзе?

Гость из аула рассказывает, как в 1918 году родственники провожали молодого Уразмета в Красную Армию, как русский пулеметчик спас ему жизнь в бою, как потом уезжал Халмуратов учиться в Ташкент и в Ленинград. В 1932 году первым из каракалпаков получил он диплом врача. Это Уразмет Халмуратов организовал первую в республике больницу, лечит людей, воспитывает молодых медиков.

Семь тысяч удачных операций только в области внутренних органов, миллион километров, налетанных за 20 лет над песками пустынь на санитарных самолетах, тысячи спасенных человеческих жизней — вот откуда популярность депутата Верховного Совета СССР, хирурга Уразмета Халмуратова!

...Большие и мелкие морщинки густой паутиной разбегаются по лицу земли.

Так выглядит с самолета древняя система орошения Хорезмского оазиса. Сколько труда вложено в эти тонкие ниточки каналов и арыков! Но вот они обрываются, а потом и совсем исчезают. Начинаются тугаи — заросли камыша, густые леса цепкого дерева-турангыла. Это необозримая дельта Аму-Дарьи, заболоченная земля, царство кабанов и шакалов, фазанов и диких уток.

— А как изменится здесь пейзаж, когда в Тахиа-Таше будет построена плотина! — говорит Ходжаниязов.— Вместо неприступных тугаев раскинется зеленое море хлопка.

Самолет, снижаясь, летит над сверкающей ледяной броней самого синего в мире — Аральского моря. Необычайно чистый, как будто стеклянный, воздух.

Муйнак. Город рыбаков и охотников на острове Токмаката. Побеленные одноэтажные дома очень похожи на украинские мазанки. Трудно догадаться, что их аккуратно оштукатуренные стены сложены не из кирпича и не из дерева, а из крепко скрученного камыша.

Море у берега превращено в каток. Сотни ребятишек бегают по льду, блестя коньками под ярким солнцем.

Каракалпакская пословица говорит: «Море славится рыбой, а рыба — рыбаками». Лучше других умеет ловить чудесную аральскую рыбу — усача — колхозник Иван Бочков.

Недавно усач вдруг перестал ловиться. «Что ж, видно, изменило счастье»,— сказали бы в старину. Но в наши дни «в судьбу» вмешались ученые из Нукусского научно-исследовательского института. Они обнаружили у усача заболевание жабер и приняли меры для оздоровления этой ценной породы рыбы...

В 1941 году в Муйнаке выстроен крупнейший мясо-рыбоконсервный комбинат. Фактически это новый большой город, со своей электростанцией, клубом, жилыми домами. Безвестный когда-то рыбачий поселок стал одним из центров рыбной промышленности страны.

Сейчас у всех здесь праздничное настроение: комбинат значительно перевыполнил годовой план и дополнительно дал стране миллион банок консервов.

Начальник жестянобаночного цеха В. А. Балашов с гордостью показывает нам свое изобретение: приспособление для пневматической подачи листового железа. Подробнее знакомясь с работой цеха, мы узнаем, что в конструкцию почти каждого станка им внесены поправки. Уже не один патент получил из Москвы этот талантливый изобретатель, бывший слесарь астраханского рыбозавода.

Здесь же, на острове, недалеко от Муйнака, находится перевалочная пристань Учсай. Через Учсай на север пароходы везут узбекский хлопок, а с севера — удобрение, тракторы, машины, грузы для Главного Туркменского канала. Сейчас здесь готовятся к открытию навигации. У коммунистов и комсомольцев пристани лозунг: все, что идет на великую стройку коммунизма, отгружать досрочно!

...Шофер, молодой парень, недавно приехавший в эти места, остановил на перекрестке машину и, высунувшись из кабины, окликнул прохожего:

— Товарищ, как в Тахиа-Таш проехать?

Чернобородый каракалпак приветливо обернулся:

— Поезжайте по русской дороге...

Машина мчится по шоссе — по «русской дороге». Еще недавно здесь пролегала «долина гнева», где поочередно свирепствовали ветры двух великих пустынь: Кара-Кумов и Кызыл-Кумов. Сейчас здесь вырываются вихри из-под колес тяжелых ярославских грузовиков, дымят бульдозеры. Мощный тягач тащит с лесозавода сборный деревянный домик.

По пути неожиданно возникают туго натянутая светлая лента воды, крутая насыпь берегов и несколько экскаваторов, со скрежетом выбирающих со дна жидкую глину.

— Это чистят магистральный канал Совет-яб,— объясняет Усербай.— Каждый год его приходится очищать от ила.

Машина выносится на обрывистый берег Аму-Дарьи. Точно серый эсминец, вытянувшись поперек течения, буравит воду мыс Тахиа-Таш. Сжатая каменистыми берегами, мутная, стремительная Аму-Дарья даже в этой узкой части русла вполне оправдывает свое имя «Великая река». Противоположный, правый берег почти теряется в тумане. Мы долго стоим на берегу. Наш спутник Усербай читает нараспев:

И узбек — мой брат, и туркмен — мой брат
Русский старший брат нас ведет.
Ты, Аму-Дарья,— вековечный клад.
Этот клад человек возьмет.

— Джолдас Сиитназаров хорошие стихи написал,— говорит Усербай.

Над водой возвышается портальный кран. Вокруг него застыли металлические шеренги различных строительных механизмов. Неподвижные, они нетерпеливо ждут команды. На днях к ним прибавляется еще один стальной гигант — кабель-кран. Восьмисотметровым пролетом стальных тросов свяжет он оба берега и облегчит строителям переброску людей и грузов, отсыпку каменного банкета. Для того чтобы обеспечить механизмы энергией, уже идут сюда мощные энергопоезда. Значит, скоро начнется штурм пустыни.

Механизаторы Кара-Калпакии очищают от наносов русло магистрального канала Совет-яб, по которому пойдет вода на хлопковые поля.

Ноги на столе

Из английских впечатлений

Борис ПОЛЕВОЙ

Иностранца, приезжающего в Бристоль, обязательно пригласят в свободную минуту съездить на окрестные холмы, любимое место отдыха горожан. Привезли туда и нас. С крутых серых скал, громоздящихся над тесным ложем реки, открывался красивый вид. Большой город как бы дремал под холодными лучами солнца, окутанный легким синеватым туманом. На горизонте скорее угадывалась, чем виднелась, серая кромка моря, и совсем рядом, над руслом реки, наполняющимся только в часы прилива, четко вырисовывалось легкое и изящное кружево большого висячего моста.

Впрочем, люди, толпившиеся у перилец площадки, увенчивавшей холм, смотрели не столько на этот мост — действительно выдающееся инженерное сооружение, — а в сторону противоположную, на достопримечательность иного рода. Серая скала обрывалась здесь к реке под прямым углом, ровная, точно отрезанная ножом, и на ней, на неприступной высоте, метрах в пятидесяти от дна обрыва и метрах в тридцати от его верхнего края, вырисовывалась надпись, четко выведенная огромными белыми буквами на фоне темносерого камня: «Американцы, убирайтесь вон!»

Скала была совершенно отвесной, она не имела ни одного выступа. Никакой лестницы не хватило бы, чтобы подняться на такую головокружительную высоту. Нам сказали, что люди, написавшие эти слова с полгода назад, как предполагают, ночью, рискуя жизнью, спускались со скалы на веревке.

— И эту надпись не пытались стереть? — спросили мы местного писателя, провожавшего нас в экскурсию.

Он лукаво усмехнулся:

— В Бристоле, конечно, много хороших спортсменов, которые могли бы это сделать, но среди них до сих пор не нашлось глупца, который захотел бы рисковать, заступаясь за янки. Зато, когда надпись эта постерлась от непогоды, нашлись желающие ее подновить. Видите, как она далеко видна? Выразительная надпись, не правда ли?..

Да, это была действительно выразительная надпись. И я упомянул здесь об этом случае потому, что он, как мне кажется, хорошо показал новое, весьма примечательное явление в современной английской жизни. Различные выражения этого нового явления нам все время доводилось наблюдать во время недавнего путешествия по Британским островам.

Еще в прошлый мой приезд один известный журналист и общественный деятель, человек честный, думающий, англичанин до мозга костей, остро переживающий то зависимое положение, в котором сейчас очутилась его страна, горько усмехнувшись, предложил мне:

— Хотите, я покажу вам в Лондоне иностранный сеттльмент.

Он повез нас тогда в центр Лондона, на Гравенор-сквер, просторную площадь, окруженную большими, богатыми зданиями, среди которых выделялось американское посольство. Все дома на этой площади, оказалось, были скуплены американцами. Английские квартиры сохранились там, по выражению моего спутника, «как последние очаги сопротивления». И хотя иностранная полиция на границах этого района не стояла и надписей, воспрещающих англичанам входить туда без пропуска, не было, это действительно походило на иностранный сеттльмент: янки, скупив все окрестные владения, въехали сюда со своими закрытыми магазинами, пивными, кино, со своими законами и нравами.

Это было сразу заметно, и не только потому, что большинство людей, которых мы тут встретили, жевало резину. В центре строгого и чопорного Лондона американские машины, машинки и машинищи, вопреки всем правилам уличного движения, беспорядочными стадами теснились у тротуаров и газонов, и полисмены, издали поглядывавшие на них, даже не пытались наводить порядок.

— Великолепная иллюстрация к шотландской пословице: «Позови свинью в гости, она положит ноги на стол», — сказал мой спутник.

— Но почему же англичане терпят такое попрание их национального достоинства?

— Видите ли, благодаря проамериканской политике правящих кругов Англия попала в положение обедневшей семьи, которая принуждена терпеть и не замечать грубость и наглые манеры богатого родственника, за счет которого она мечтает поправить свои дела. Но «терпят» — это не то слово. Мы не так экспансивны, как итальянцы, не так непосредственны, как французы, но наш народ — гордый народ. Он этого не потерпит, он еще скажет по этому поводу свое слово...

И вот, снова приехав в Англию, мы могли наблюдать, как сбывается это предсказание. В широких слоях английского населения заметно растет чувство горячего протеста против экономического закабаления Англии ее богатым американским опекуном, против насильственного ограничения английской торговли, против превращения Британских островов в авиационно-атомную базу Соединенных Штатов. Это чувство оскорбленного национального достоинства в позапрошлом году еще старались тщательно замаскировать. Теперь оно ощутительно прорывается наружу. Англичанин, который еще недавно старался не замечать ноги «Джи Ай» в грубых солдатских башмаках и белых гамашах, лежащие на его столе, утратил свое традиционное хладнокровие.

Когда в 1947 году два соединения тяжелых воздушных бомбардировщиков, прилетевших из Соединенных Штатов, опустились в восточной Англии — там, где заокеанская военная авиация базировалась в годы второй мировой войны,— англичане встретили их даже дружелюбно. В народе еще была жива память о боевом сотрудничестве в дни войны. С своей стороны, английские власти, понимая, что пребывание иностранных войск в дни мира в суверенной стране — факт беспрецедентный, объявили во всеуслышание, что американцы прилетели всего на три месяца. Местные промышленники, торговцы, рестораторы, владельцы отелей, да и само население стали мечтать об оживлении торговли и промышленности — ведь гости прибыли из страны, славящейся своим богатством. Но эти иллюзии быстро рассеялись.

Прошло три месяца. Гости не только не улетели, — наоборот, в восточную Англию и другие районы начали прибывать все новые соединения американских военно-воздушных сил. Теперь газеты уже в открытую писали, что американские военные прибывают сюда отнюдь не в гости, что они обосновываются прочно, надолго, начинают строить на английской территории свои авиационные и авиационно-атомные базы. И если на первых порах американское командование прибывающих частей старалось не раздражать население в новых районах базирования авиации, то вскоре заокеанские пришельцы перестали стесняться. Они стали вести себя в Англии с той же наглостью, с какой они хозяйничают, скажем, на Филиппинах.

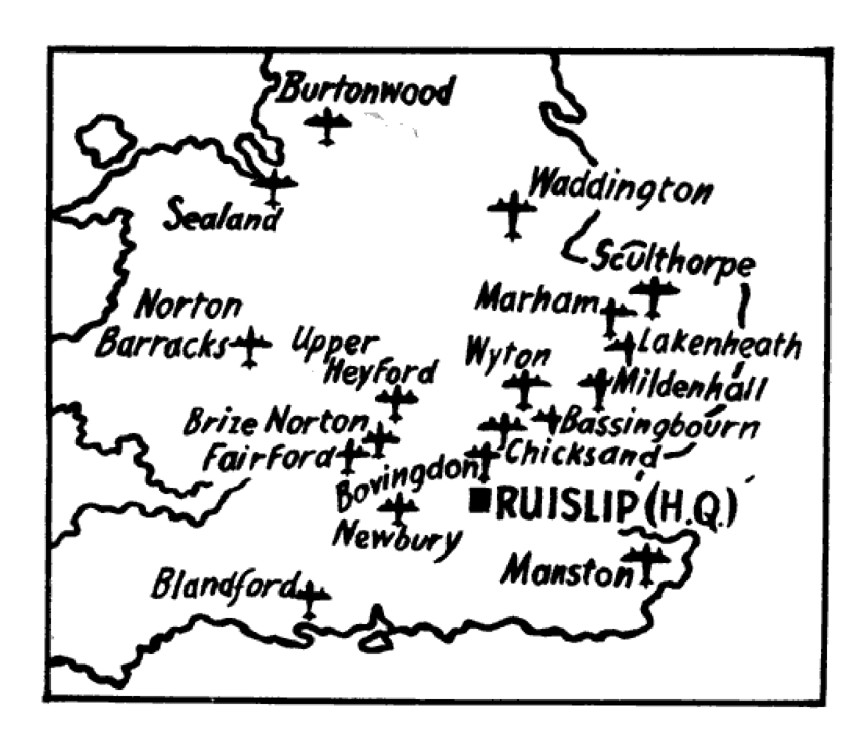
Нам рассказывали, что американский аэродром в Глостершире пересек дороги, издавна соединявшие несколько близлежащих селений. Чтобы попасть на работу на свое поле или в соседний поселок, сотням людей приходится теперь делать многомильный крюк в обход аэродрома — американцы запрещают англичанам ходить по английской земле.

Особенно показательна судьба города Ньюбери, наделавшая много шуму. Об этом заговорила даже так называемая «большая пресса», которая обычно предпочитает такие факты обходить молчанием. Много сот лет назад земли, лежащие вокруг этого старого города, были дарованы в вечное владение городскому управлению. Для Англии это был редкий случай, и ньюберийцы гордились этой своей старинной привилегией. Но американскому командованию эта земля показалась удобной для постройки очередной базы своих бомбардировщиков. Английские власти не нашли в себе мужества воспротивиться этому и отдали американцам землю Ньюбери. Ни многолюдные демонстрации протеста, ни письма в парламент, ни петиции, под которыми стояли тысячи подписей и о которых принуждена была сообщать даже лондонская «Таймс», не вернули городу его вековых привилегий. Американцы хозяйничают в Британии так, как хозяйничал в оккупированных странах Гитлер...

Столь же быстро лопнули надежды местных торговцев, рестораторов, промышленников на оживление деловой активности. Заокеанские гости развернули и продолжают развертывать здесь свой собственный бизнес в чисто американском вкусе, и местным дельцам от этого не поздоровилось. Американцы летят в Великобританию со своими военными магазинами, ларьками, барами. Продукты в них вдвое, втрое, порою вчетверо дешевле, чем в английских магазинах. Бизнесмены в военных мундирах быстро создали черные рынки и начали бешеную спекуляцию сигаретами, консервами, сахаром, маслом — всем тем, чего не хватает сейчас англичанам, скудные пайки которых убавляются из года в год.

Но не только магазины и товары привезли с собой заокеанские гости в обозе своих авиасоединений. На землю своих союзников по минувшей войне они принесли и свои дикие оккупантские привычки, которыми заслужили позорную славу в занятых ими городах Западной Германии. Небольшие провинциальные города, возле которых расположились американские базы, города, еще недавно славившиеся своим патриархальным бытом, строгостью нравов, вдруг, в течение каких-то месяцев, превратились в центры черной биржи, разнузданной спекуляции, проституции, дикого разгула, азартных игр.

О том, как ведут себя в Англии распоясавшиеся янки, мнящие себя оккупантами Британских островов, можно судить по уголовной хронике хотя бы одного только района Норфольк. Летом прошлого года «Дейли геральд» довольно живописно рассказывала о том, как американские военные превратили одну из местных гостиниц в публичный дом самого низ-

Американские аэродромы на территории южной Англии. Карта напечатана в английской газете «Дейли уоркер».

Интервью «Огонька»

КОРЕЙСКИЙ НАРОД ПОБЕДИТ!

ЛИ ГИ ЕН,
корейский писатель

17 марта исполняется три года со дня подписания Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между Советским Союзом и Корейской Народно-Демократической Республикой.

В эти дни народ Кореи с особой благодарностью говорит о Советском Союзе, о его бескорыстной, благородной дружбе. Корейцы вспоминают сердечные встречи с делегациями советских педагогов, врачей, стахановцев в мирные, счастливые для Кореи дни. Корейцы хранят в своем сердце глубокую признательность за ту самоотверженную помощь, какую оказали им мужественные работники советской медицины в борьбе с эпидемическими заболеваниями. Советские врачи помогли молодой Корейской Народно-Демократической Республике победить эти болезни и заложить основы широкого народного здравоохранения в стране.

И в эти же самые дни особенно отчетливо проявилась вся гнусность и подлость американских империалистов, сбрасывающих на землю Кореи и Китая насекомых, зараженных бубонной чумой, холерой и другими эпидемическими болезнями.

Это чудовищное преступление американских империалистов вызвало глубокое негодование в Корее и во всех странах мира.

Я узнал о новом преступлении американских фашистов в тот самый день, когда из Москвы пришло письмо, приглашающее меня принять участие в торжествах по случаю столетия со дня смерти великого русского писателя-гуманиста Гоголя.

Этот день врезался мне в память. Накануне американские летчики ночью пролетали над Ичхонем и другими городами, повсюду сея смертоносные бактерии. Утром на боевых позициях нашей армии и вокруг многих мирных домов в тылу, на полях мы увидели аккуратные коробочки с зараженными блохами и клопами. На этих коробочках не было надписи «Made in USA», но все хорошо знали их происхождение. Все мы знаем, что американские летчики получают тройную оплату за этот варварский полет без бомб — с самым подлым оружием массового истребления.

Люди передавали эту весть друг другу с гневом и ненавистью, проклиная американских извергов. В деревнях, городах, частях Народной армии и отрядах китайских добровольцев стихийно возникли митинги.

— Проклятье мигукномам!

Мигукном — так называют у нас в Корее оккупантов. Мигук — Америка, ном — подлец из подлецов. Проклятье кровавым американским подлецам!

— Напрасно вы думаете, господа мигукномы, что мы станем на колени лишь потому, что вы развели много вшей, блох и пауков! — говорили на митингах простые корейские люди.

— Нас не запугали ни ваши бомбы, ни ваши танки, нас не запугают и ваши вши! — говорили солдаты Народной армии и их друзья — китайские добровольцы.

И сжимались кулаки. И закипали ненавистью корейские сердца.

Мы не забыли и никогда не забудем, что еще осенью 1950 года американские оккупанты применили бомбы, начиненные ядовитым газом, и разбрасывали бактерии оспы, чумы, холеры не только против армии, но и против мирного населения, грубо попирая тем самым все международные правовые нормы. Они хотели бы уничтожить весь наш народ. Но разве есть в мире хоть один здравомыслящий человек, который сомневается в том, что и эта варварская затея обречена на провал!

Враги корейского народа приласкали генерала Исии Сиро, японского военного преступника, бывшего командира так называемого «отряда № 731», и другого военного преступника, бывшего командира «отряда № 100», Дзиро Вакамацу. Нашему народу известны эти презренные имена: еще в 1949 году об их злодеяниях говорилось на процессе в Хабаровске. Тогда один из ближайших помощников Исии Сиро, Кавасима Киоси, вынужден был признать, что он вместе со своим начальником лично проводил «испытания» и «опыты» над живыми людьми.

Теперь Исии Сиро послан своими новыми хозяевами в Корею. На одном из южнокорейских островов расположилась его новая лаборатория. Здесь блохи и пауки помогают делать Исии Сиро его злодейскую карьеру. Какие слова мне найти для того, чтобы обрисовать облик этого человека! Нет, не человека, а дикого, взбесившегося зверя!.. Вот уже около двадцати лет, одержимый сумасбродной человеконенавистнической идеей, он проводит свои «опыты». Еще недавно в Маньчжурии, а теперь на земле Кореи он «испытывает» вскормленных им мышей и комаров на живых людях. Раньше это были мирные китайцы, теперь это корейские и китайские военнопленные. Утром, появляясь в лаборатории, он спрашивает у дежурного офицера, как сработала новая, не боящаяся холода и жары черная мушка. О, они возлагают большие надежды на эту мушку с крошечной головкой, большими крыльями и продолговатым пушистым брюшком!

Напрасно! Напрасно американские хозяева генерала Исии Сиро надеются на черную мушку!

Наш народ организованно и стойко встретил новое испытание. В ответ на попытки американских извергов уничтожить бактериологическим оружием мирное население в зараженные районы выехали отряды эпидемиологов, врачей, санитаров, медицинских сестер. По приказу Военного комитета республики, подписанному Ким Ир Сеном, на борьбу с американской заразой мобилизован весь народ; особенно много работают отряды милиции и противоэпидемические отряды, проявляя мужество и выдержку.

К нам в Корею из Пекина, Шанхая, Тяньцзиня и других городов Китая приехала группа отважных врачей. В составе группы профессора Ян Шу и У Гуян. Тотчас по приезде в Корею китайские врачи принялись за дело. Корея будет вечно благодарна своим китайским братьям за дружеское участие и героическую помощь.

Мир теперь знает: в своих зверствах американские интервенты превзошли гитлеровцев. Но они забывают о том, чем кончил Гитлер. Новый американский заговор угрожает не только Корее — всему человечеству. Злодейское преступление должно быть пресечено!

Мы будем еще лучше, еще больше работать в тылу, мы будем еще отважнее защищать свою родную землю. Корейский народ не поставить на колени! Он победит!

кого пошиба. Та же газета сообщала в октябре, что в местной пивной американский летчик публично оскорбил достоинство англичан, а затем затеял кровавую драку с полисменами. «Дейли уоркер» описала, как в городке Скульторн два американских летчика, вооружившись пистолетами, засели в уборной местной пивной, дождались там ее закрытия, а потом, замотав лица платками, внезапно атаковали девушку-кассиршу, подсчитывавшую дневную выручку. Они пытались отнять деньги, но были задержаны прохожими.

Но особенно разительно сказывается это хамство распоясавшихся янки там, где к Британским островам уже присосались жадные щупальцы заокеанских монополий. Строя в Англии свои новые заводы, американцы являются в эту страну старой индустриальной культуры так же, как некогда сами англичане ездили в свои далекие колонии: с собственными проектами, собственными инженерами, техниками, десятниками и надсмотрщиками.

Так строила, например, свой новый огромный нефтеперегонный завод американская фирма Стандарт ойл в районе Саутгемптона. Все, даже самые маленькие, специалисты были привезены на эту стройку из-за океана. Когда в виде исключения на то или иное инженерное место приходилось приглашать англичанина, за спиной его всегда стоял американский шеф. Англичанин на этой стройке мог быть только рабочим, при этом, как в концлагере, он должен был носить на своей одежде... крупно написанный желтый номер!

Сейчас, когда завод пущен, на нем, по сообщениям прессы, работает две тысячи английских рабочих и ими попрежнему руководят двести пятьдесят американских специалистов, занимающих все командные посты.

Такими же колонизаторскими методами Стандарт ойл строит сейчас нефтеперегонный завод в Корн Таун на Темзе. Таким же манером ведет работы компания Шелл, сооружающая перегонные заводы на Мерзи Сайд, близ Ливерпуля.

Английский народ не без основания гордится своей индустриальной культурой. Колониальные методы, применяемые американскими промышленниками на Британских островах, оскорбляют больше, чем буйство пьяного хулигана в чужой военной форме. Это уже удар по национальному самолюбию. Это удар по национальной экономике, куда все глубже и глубже явно и тайно запускают свои ненасытные лапы американские монополии. И хотя, как сказал английский журналист, англичанин привык носить свое горе в себе и не сразу говорить о нем, терпение народа лопается.

Владельцы пивных и баров в районах базирования американской авиации вывешивают на дверях плакаты: «Американским военнослужащим здесь не подают».

Трое наших соседей по вагону в лондонском метро, по виду рабочие-металлисты, возвращавшиеся со смены, демонстративно отказались, когда четвертый спутник предложил им закурить из своей пачки американские сигареты. Потом, перемигиваясь, они завели между собой полную острых намеков беседу о том, что американский табак «дурно пахнет», «смахивает на довоенный гитлеровский», что «англичанина от американского табака скоро затошнит»...

Случайный наш сосед по купе в поезде Манчестер — Лондон, оказавшийся владельцем текстильного предприятия и отрекомендовавшийся нам как старый консерватор, заявил:

— Лейбористы позволили американцам надеть узду на нашу торговлю. Каждый делец, если он не глуп, видит, что, лишившись своих обычных и естественных рынков, где можно было торговать ко взаимной выгоде, мы уже задыхаемся. Думаю, что новое правительство окажется более разумным и самостоятельным...

Плакаты с надписью «Американцы, убирайтесь домой!» можно встретить во всех городах Англии.

Путешествуя по стране, всюду — на заборах, на стенах домов, на фабричных трубах, даже на тротуарах различных английских городов — мы видели многочисленные надписи, несомненно, выражавшие мнение простых англичан.

В северной части Лондона на стене фабрики, перешедшей в американское владение, мы увидели ироническую надпись: «Англичане, снимите шляпы: здесь прошел доллар!» Там же, на улице Хейчейдроуд, мы прочли на заборе выразительный афоризм: «Англия для англичан, Корея для корейцев, кока-кола для американцев».

Но чаще всего эти надписи гневны и лаконичны, как те, которые мы прочли на скале над обрывом в Бристоле, в доках Кардифа, на обросших мхом военных развалинах Ливерпуля: «Американцы, убирайтесь вон!»

Депутаты идут на заседание Верховного Совета СССР.

БЮДЖЕТ МИРА И СОЗИДАНИЯ

Третья сессия Верховного Совета Союза ССР собралась в дни, когда вся Советская страна, от края до края, занята гигантским созидательным трудом. Завершается соединение могучих русских рек Волги и Дона, развертывается строительство в Сталинграде, Куйбышеве, Каховке, на Аму-Дарье.

Сессия была отмечена новыми производственными успехами во всех отраслях народного хозяйства.

По инициативе нефтяников Башкирии началось соревнование в нефтяных бассейнах страны. Коллектив башкирских промысловиков обязался дать в нынешнем году сто тысяч тонн нефти сверх плана. Шахтеры Караганды ознаменовали сессию подъемом производительности труда. Бригада машиниста горного комбайна Геннадия Шенна почти вдвое увеличила полезное время работы комбайна «Донбасс». Ленинградские турбостроители готовят к сдаче паровую машину мощностью в 150 тысяч киловатт.

Мирные устремления советского народа ярко отражены в бюджете на 1952 год, утвержденном на сессии Верховного Совета Союза ССР,— бюджете мира и созидания. Важнейшую часть расходов, как и в прошлые годы, составляют ассигнования на народное хозяйство. Забота советского правительства о благе народа, о росте материального и культурного уровня жизни трудящихся сказывается в тех статьях бюджета, которые предусматривают финансирование народного просвещения, здравоохранения, социального страхования и обеспечения. Эти ассигнования увеличиваются по сравнению с прошлым годом почти на 6 миллиардов рублей.

Советская страна настойчиво борется за мир, у нас действует Закон о защите мира. Но, занятые мирным трудом, советские люди бдительно следят за происками империалистических агрессоров. Направляя подавляющую часть средств на народное хозяйство и социально-культурные нужды, советское правительство предусматривает необходимые расходы на мероприятия по дальнейшему укреплению обороноспособности социалистического государства.

Успешное выполнение Государственного бюджета будет новым крупным вкладом в дело усиления экономического могущества Советской страны.

В Большом Кремлевском дворце в перерыве между заседаниями. Депутаты Верховного Совета СССР (слева направо): Н. И. Лаврентьева, Ю. Ф. Тельман, Т. К. Лааз, Д. Ю. Станелиене и О. П. Балтушникене.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

Соревнование завода с колхозом

Коллектив ленинградского завода «Электросила» имени С. М. Кирова получил письмо от колхозников артели «Электросила», Выселковского района, Краснодарского края. «Узнав из печати о вашей работе, — пишут сельские электросиловцы, — мы гордимся тем, что одноименный с нашим колхозом завод отлично выполняет почетную задачу — дает первоклассную технику великим стройкам коммунизма.

Мы просим передать всем рабочим и инженерно-техническим работникам завода привет и заверение, что наш колхоз постарается быть образцом в социалистическом сельском хозяйстве.

1951 год наш колхоз закончил успешно. Мы выполнили все обязательства перед государством. Вступив в новый год, мы хотим заключить с вами договор социалистического соревнования: успешно выполнить план 1952 года».

Ленинградские электросиловцы послали ответное письмо. Они сообщают, что завод успешно справился с производственной программой 1951 года, освоил и выпустил десятки новых типов электрических машин и аппаратов.

Коллектив завода «Электросила», принимая вызов на социалистическое соревнование, обязуется досрочно выполнить годовую программу, разработать и освоить новые типы машин и аппаратов, повысить производительность труда.

«Пусть наше соревнование, — пишут в заключение ленинградцы, — послужит средством для нового мощного трудового подъема и развития творческой энергии и инициативы двух электросиловских коллективов».

М. МАЛОВ,
редактор газеты «Электросила»

Гениальный ленинский труд

Пятьдесят лет назад, 10 марта 1902 года, в ленинской «Искре» появилось сообщение о выходе книги «Что делать?». Это была знаменитая книга В. И. Ленина, теоретические положения которой явились идеологической основой большевистской партии.

Работа В. И. Ленина «Что делать?» была напечатана в Штуттгарте. Книга со всеми предосторожностями ввозилась в Россию из-за границы. Никакие ухищрения не помогали царским ищейкам. Книга «Что делать?», как и другие произведения В. И. Ленина и И. В. Сталина, ценой героических усилий пролетарских революционеров доходила до читателя.

Книга «Что делать?» нелегально печаталась и в России. В Баку по указанию И. В. Сталина была организована крупная подпольная типография. В этой типографии, известной под конспиративной кличкой «Нина», публиковались марксистские произведения, распространявшиеся во многих рабочих центрах России. Тут в сентябре 1901 года был отпечатан первый номер сталинской газеты «Брдзола» («Борьба»). Здесь же была напечатана и книга «Что делать?».

В Музее В. И. Ленина посетители с благоговением осматривают в зале «Лениниана» произведения великого основателя коммунистической партии и Советского государства. В одном из шкафов выставлена работа «Что делать?», напечатанная на десятках языков различных народов СССР. Здесь же «Что делать?» на китайском, болгарском, румынском, английском, немецком, японском, итальянском, испанском, сербском, словенском, финском, турецком языках. Американское издание, выставленное в музее, вышло в 1929 году в Нью-Йорке, японское — в 1930 году в Токио, болгарское — в 1945 году в Софии, итальянское — в 1935 году в Брюсселе, откуда нелегально ввозилось в Италию, в то время стонавшую под игом фашистской тирании.

С 1917 по 1951 год книга «Что делать?» вышла в СССР (не считая собраний сочинений) 111 раз на 35 языках общим тиражом в 4 миллиона 705 тысяч экземпляров. Значительными тиражами выходит она и за пределами нашей Родины.

Казанджик рождается вновь

Неприметная станция на железнодорожной линии Ашхабад — Красноводск, саманные домики, образующие несколько кривых улочек. На юг — каменистые кряжи Кюрен-дага, отроги Копетдагского хребта, на север — сыпучие барханы Кара-Кумов. Проезжая по этим местам, не увидишь ни гущи садов, ни зелени полей. Таким мы знаем Казанджик сегодня.

Главный Туркменский канал изменит судьбы Казанджика: маленький городок оказался на большом водном пути.

...На ватмане контуры промышленного и культурного центра обширного района Туркменистана. От железнодорожного вокзала к пристани протянулась широкая магистраль. Прямые линии улиц сбегаются к площади с большими зданиями административных и общественно-культурных учреждений. В городе водопровод, канализация, газопровод. Путь ветрам из Кара-Кумов преграждают лесопосадки. Тенистыми аллеями выстроились вдоль улиц тополя, белые акации, клены. Так будет выглядеть новый Казанджик.

Н. СОЛОВЬЕВА

Архангельск — Одесса

В кондитерской и пищевой промышленности широко применяется агар-агар — материал, заменяющий желатин. Сырьем для его изготовления служат морские водоросли. В послевоенные годы агар-агар вырабатывали на Дальнем Востоке и оттуда доставляли к местам потребления, в том числе и на Черноморское побережье. Между тем в водах Черного моря эти водоросли очень распространены.

Министерство рыбной промышленности СССР решило восстановить производство агар-агара в Одессе. Необходимое оборудование для этого здесь сохранилось. Требовалось только организовать добычу сырья. Для этой цели решили использовать траулер «Рабочий», зимовавший в Архангельске.

Капитан китобойца «Слава-2» И. М. Хоржевский.

Фото Я. Левита

Траулер «Рабочий» у причала Одесского порта.

Доставить небольшое рыболовное судно взялись китобои, находящиеся в годичном отпуске после рейсов в Антарктику. Команда под руководством капитана китобойца «Слава-2» И. М. Хоржевского выехала в Архангельск.

— Рейс был тяжелым,— рассказывает капитан.— Непрерывные штормы и туманы сопровождали нас от берегов Северного Ледовитого океана до Одессы.

Тридцать пять дней продолжался рейс. Рыболовный траулер в тяжелых условиях зимнего плавания прошел за это время более шести тысяч миль.

И. КАРЕВ

ПАМЯТНЫЕ ДНИ

К 50-летию Батумской демонстрации

— Сегодня заводские лошади не работают, но их все же кормят. Неужели человек не достоин того же отношения, что и лошади?

Эти слова Теофил Гогиберидзе бросил в лицо губернатору.

Губернатор молчал. Он только что приехал из Кутаиси в связи с забастовками, которые охватили почти все предприятия Батуми.

Перед ним стояли рабочие завода Ротшильда. Вид их был решителен. Стачкой они протестовали против бесчинств и незаконных увольнений.

Губернатор сказал:

— Я приказываю вам завтра же стать на работу.

Не дождавшись ответа, он, окруженный свитой, ушел с заводского двора.

Забастовки продолжались. Рабочие показали большую стойкость и организованность. Ими руководил Батумский комитет РСДРП во главе с товарищем И. В. Сталиным.

В ночь на 8 (21) марта полиция арестовала 32 рабочих-забастовщиков. Это был первый шаг кутаисского губернатора.

Батумский комитет решил устроить политическую манифестацию для освобождения арестованных.

Утром 8 марта из пригородов Чаоба, Барцхана, Кахабери шли густые колонны рабочих. Они двигались через центр города к полицейскому управлению и к тюрьме. Население высыпало на улицу.

Эта небывалая по своим масштабам политическая манифестация показывала готовность рабочих вступить в открытый бой с царизмом.

Перепуганные власти срочно стягивали к тюрьме стражников и казаков. Прибыл и помощник военного губернатора полковник Дрягин.

Раздались голоса:

— Освободите арестованных или арестуйте всех нас!..

По команде капитана Антадзе солдаты начали теснить манифестантов. Но рабочие не расходились.

Тогда Дрягин приказал вывести арестованных. Вместе с демонстрантами они были окружены войсками. Всех погнали к пересыльным казармам. По пути рабочие пели песни и выкрикивали:

— Да здравствует свобода!

Пересыльные казармы вместили 348 человек. Тяжелые двери за ними захлопнулись. Это была новая провокация царских властей.

В тот же день вечером товарищ Сталин созвал совещание членов Батумской социал-демократической группы. Было решено повести рабочих к казармам и добиться освобождения арестованных товарищей.

Всю ночь шла подготовка к большой демонстрации. А рано утром, когда из-за хребта поднялось солнце, рабочие, неся знамена, с песнями, шли правильными рядами от окраин в город к пересыльным казармам. По дороге к демонстрантам присоединялись рабочие заводов Манташева, Нобеля, Сидериди и других.

С демонстрантами был товарищ Сталин.

Жандармы тоже готовились к встрече. У пересыльной тюрьмы с утра уже находился михайловский крепостной батальон. Был здесь и полковник Дрягин.

Увидев внушительную толпу демонстрантов, он тут же приказал вызвать солдат 7-го кавказского стрелкового полка во главе с капитаном Антадзе.

Демонстранты потребовали освобождения арестованных. Жандарм отказал. Солдаты двинулись на рабочих и пустили в ход приклады. Кое-где завязалась драка. Невооруженные разгневанные демонстранты отрывали доски с заборов, хватали булыжники. В солдат и жандармов полетели камни.

Послышался голос Антадзе:

— Разойдитесь, или будем стрелять!

— Мы пришли не воевать,— кричали из толпы.— Освободите арестованных!

Солдаты продолжали теснить демонстрантов.

Вдруг раздался приказ:

— Пли!

Раздались выстрелы. Солдаты стреляли беспорядочно. Пули летели вверх.

Товарищ Сталин находился среди бушевавшего моря рабочих, непосредственно руководил демонстрацией.

Раздался второй залп, третий...

В толпе слышались проклятия. Кровь полилась по мостовой.

Вот упало несколько рабочих. Демонстранты отступили, а жандармы продолжали стрельбу. Было убито 15 рабочих и ранено 54.

Зверская расправа царских сатрапов вызвала всеобщее возмущение.

Товарищ Сталин написал яркую боевую прокламацию, посвященную событиям 9 марта.

В связи с революционным движением в Батуми царским правительством был привлечен к суду 21 рабочий, а из числа стачечников 500 человек были сосланы в деревни.

«Батумские события 9 марта,— писал товарищ Берия в статье «Знаменательная дата»,— имели огромное политическое значение в деле развертывания революционного движения в Грузии и во всем Закавказье. Они оказали большое революционизирующее влияние на все Закавказье, особенно в районе Черноморского побережья. Они в известной мере подготовили почву для дальнейших революционных событий, имевших место в Грузии и Закавказье в 1905 г.».

М. МАРТЫНОВ

Т. Гогиберидзе с группой молодежи у мемориальной доски на месте бывшего завода Ротшильда.

Фото С. Короткова

СОВЕТСКИЕ МОРЯКИ НА МОГИЛЕ К. МАРКСА

Недавно советский пароход «Сухона» побывал в Лондоне. По установившейся традиции, советские моряки посетили Хайгетское кладбище, где в 1883 году похоронен основоположник научного коммунизма, гениальный вождь и учитель мирового рабочего класса Карл Маркс.

Моряки возложили на могилу букеты цветов.

На снимке: члены экипажа «Сухоны» у могилы К. Маркса.

Великое пророчество

Литейный проспект — одна из оживленных магистралей Ленинграда. Три четверти века назад, в один из мартовских дней, по проспекту катили экипажи и коляски, направляясь к зданию Петербургского окружного суда. В то же время в подвале, гремя кандалами, выстраивались по двое пятьдесят подсудимых. Заключенных вели длинным подземным коридором, соединявшим дом предварительного заключения со зданием суда. В заседании особого присутствия правительствующего Сената начинался процесс пятидесяти революционеров.

Давно уже нет на Литейном проспекте здания Петербургского окружного суда, но не забыт проходивший здесь процесс, вошедший в историю как «процесс пятидесяти». Обвиняемые держались мужественно и смело. Двухлетнее заточение в одиночных камерах не сломило их воли к борьбе. Среди подсудимых заметно выделялся рослый молодой человек — рабочий-революционер ткач Петр Алексеевич Алексеев.

Окинув взором судебный зал, Петр Алексеев увидел в задних рядах своих товарищей с Невской заставы, рабочих суконной фабрики Торнтона, где вел революционную пропаганду. С ними, с ткачами, связана была вся его сознательная жизнь.

Сын бедного крестьянина Смоленской губернии, он рано познал изнурительный фабричный труд. В Петербурге, на фабрике англичанина Торнтона, немало было тогда смоленских крестьян — даровой рабочей силы, завербованной агентами изворотливого капиталиста. Здесь, в промышленном районе, начиналась кипучая революционная деятельность Петра Алексеева. В конце 1874 года он переехал в Москву, где сблизился с кружком революционеров, создавших «Всероссийскую социально-революционную организацию», участвовал в выработке ее устава, вел пропаганду среди рабочих. В апреле 1875 года вместе с группой товарищей Петр Алексеев был арестован в Москве и препровожден в Петербург.

В бережно сохранившихся до наших дней изданиях того времени, воспоминаниях современников, редких документах рассказывается о мужественном поведении на судебном процессе двадцативосьмилетнего рабочего Петра Алексеева, непоколебимо верившего в правоту своего дела. Когда судьи предложили ему выбрать защитника, он сказал:

— Что мне защитник? Какой смысл иметь защитника? Этот суд есть не более как комедия. Я отказываюсь от защиты.

Но когда на восемнадцатый день процесса председатель предоставил слово подсудимым, отказавшимся от защитников, Петр Алексеев произнес речь, которая привела в смятение царских слуг. Подсудимый стал обвинителем.

Его страстная речь и сегодня, спустя 75 лет, читается с большим волнением. Судьи неоднократно прерывали Алексеева, но он, подняв кверху широкую ладонь, громовым голосом продолжал свою гневную речь:

«Господа! Неужели мы не видим, как вокруг нас все богатеют и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можем сообразить и понять, почему это мы так дешево ценимся и куда девается наш невыносимый труд? Отчего это другие роскошествуют, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство?..»

Петр Алексеев закончил свою речь пророческими словами: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»

Спустя четыре дня, в полдень 14 марта (по старому стилю), было оглашено постановление особого присутствия: Петра Алексеева приговорили к десяти годам каторги.

Речь рабочего-революционера нашла отзвук по всей России. Ее читали в нелегальных революционных кружках, а в 1877 году она была опубликована в издававшемся в Лондоне сборнике «Вперед!». Владимир Ильич Ленин охарактеризовал заключительные слова речи Петра Алексеева как «великое пророчество русского рабочего-революционера».

...Мы побывали там, где в начале семидесятых годов прошлого столетия работал ткачом Петр Алексеев. Некогда пустынный, заболоченный правый берег Невы с маячившим зданием «Торнтоновской каторги», куда можно было добраться только на пароме или лодке, теперь соединен с левобережьем красивым мостом. Вдоль гранитной набережной, построенной в годы сталинских пятилеток, тянется асфальтированная автострада, опоясанная жилыми домами. Рядом со старыми цехами суконной фабрики высятся светлые корпуса. Теперь это известный в стране крупнейший комбинат тонких и технических сукон.

Петр Алексеев.

Входим в ткацкий цех. Вот здесь, склонившись у станка, трудился Петр Алексеев. Нас познакомили с его земляком — мастером Андреем Тимофеевичем Мишуковым. Свыше полувека назад он приехал сюда со Смоленщины и испил тогда горькую чашу тяжкого, подневольного труда.

— Речь Петра Алексеева,— говорит Мишуков,— точно передавала положение русского рабочего до революции. Жили мы в казарме, обнесенной проволокой и охраняемой сторожами, жандармами да цепными собаками. Английский кровосос Торнтон наживал миллионы, а мы ютились в тесных каморках по два — три человека на одной кровати, а то вповалку на полу.

Сбылись пророческие слова Петра Алексеева. В октябре 1917 года торнтоны навсегда были сметены с русской земли.

Старый мастер знакомит нас с городком на правом берегу Невы. Прямые улицы жилых домов, клуб, спортивный стадион, библиотека, амбулатория. Рядом с комбинатом — две средние школы, школы рабочей молодежи, фабрично-заводского обучения, техникум.

Возвратившись на комбинат, мы попали на многолюдное собрание молодых ткачей. Мария Васильевна Блохина, в прошлом работница, а ныне инженер и секретарь партийной организации, рассказывала молодежи о Петре Алексееве, о его речи, произнесенной три четверти века назад.

П. КОНСТАНТИНОВ

Юные сердца

Кадр из фильма «Мы за мир!».

Это фильм о прекрасной и радостной встрече демократической молодежи мира, собравшейся в августе прошлого года на свой фестиваль в Берлине. Это вдохновенная повесть о дружбе, верности, неиссякаемой силе юных борцов против сил войны и реакции.

Первые кадры фильма показывают необозримые просторы великой страны мира и социализма. Перед нами поля пшеницы, родная советская земля, без конца, без края...

Так начинается фильм. Затем мы совершаем путешествие по странам народной демократии, где строится счастливая жизнь; мы видим, как со всех сторон земли стремятся в Берлин тысячи юношей и девушек,— их не могут остановить ни американские штыки, ни полицейские заставы, ни ложь, ни клевета. И вот мы в солнечном, праздничном, гостеприимном Берлине.

Поджигатели войны хотели бы сделать этих юношей и девушек врагами. Но вот мы видим: молодая англичанка и юный кореец встречаются на фестивале, как брат и сестра. Нам это понятно, но почему плачет английская девушка?

— Что с тобой, сестра? — спрашивает молодой кореец.

— В Корее погиб мой брат,— слышит он в ответ.

Так просто и вместе с тем взволнованно фильм доносит до зрителей главную идею: мир нужен этим юношам и девушкам, и они готовы его защищать.

Мы знакомимся с Ли Сун Ним — героиней сражающейся Кореи, слушаем речь француженки Раймонды Дьен, улыбаемся веселому кубинцу Марселино Прадо — сборщику подписей за мир.

Восторженно встречают участники фестиваля советских делегатов — представителей народа, знаменосца мира и дружбы.

Фильм снимали около ста кинооператоров — советских, немецких, албанских, польских, китайских, французских, английских, итальянских. Но кажется, что фильм снят одним мастером, потому что все сто кинооператоров, снявших, кстати сказать, в общей сложности около ста тысяч метров пленки, работали самоотверженно и вдохновенно, вкладывая в создание фильма все свое мастерство.

«Мы за мир!» показывает, как крепнут узы дружбы и как правда о Советской стране, рассеивая ложь, придает людям новые силы. Фильм вызывает чувство омерзения и гнева, когда на экране показывается искаженное яростью лицо мистера Ачесона, зовущего к войне, и когда вслед за этим мы видим осиротевшего корейского мальчика на пепелище родного дома.

Прошло семь месяцев со дня окончания Всемирного фестиваля молодежи. Его участники разъехались по своим странам. Вслед за ними пойдет и этот фильм, повсюду вызывая желание еще активнее бороться за мир и дружбу народов, против империалистических извергов, которые хотели бы видеть человечество зараженным чумными блохами, а дома мирных людей охваченными огнем пожарищ.

К. ЕФИМОВ

«М ы з а м и р!» — цветной документальный фильм. Производство киностудии Мосфильм и кинoорганизации Германской Демократической Республики «ДЕФА». Сценарий И. Пырьева и А. Фролова. Текст С. Антонова. Художественный руководитель и главный режиссер—И. Пырьев. Главный режиссер «ДЕФА» — И. Ивенс. Музыкальное оформление И. Дунаевского. Текст песен М. Матусовского.

Встреча боксеров

Многотысячная толпа заполнила улицу и бульвар. Это москвичи торопятся в цирк, чтобы посмотреть боксеров СССР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Германской Демократической Республики.

По условиям соревнования между собой встретятся все команды, и коллектив, набравший большее количество очков, будет признан победителем.

Первыми встретились боксеры Румынии и Болгарии. Упорные поединки разгорелись на ринге. Румыны опытнее своих противников, они уже не в первый раз участвуют в международных состязаниях, однако болгары смело бьются, и победа на их стороне.

Следующими на ринг вышли спортсмены СССР и Польши. Со счетом 9 : 1 в пользу команды Советского Союза закончилось это состязание.

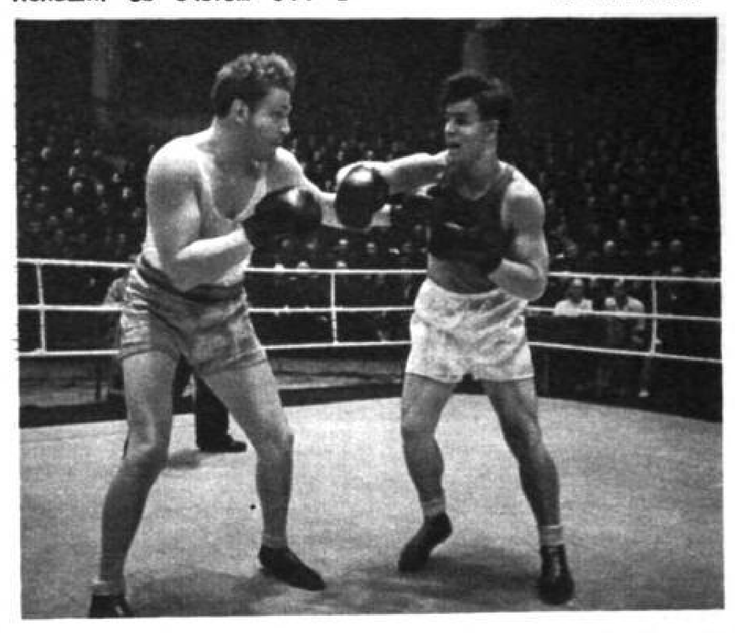
Со счетом 9 : 1 одержали победу над командой Болгарии и венгерские боксеры. Опыт и более совершенная техника взяли верх над молодостью и задором.

Остро протекала встреча между командами Германской Демократической Республики и Польши. Победу со счетом 7 : 3 одержали боксеры Польши.

Все 10 боев выиграли боксеры СССР во встречах с командой Румынии.

Блестяще провел свои бои тяжеловес советской команды А. Шоцикас. Молниеносными ударами он заставлял своих противников или опускаться на пол или отказываться от боя.

Мастер спорта
В. ПУШКИН

На ринге спортсмены тяжелого веса. Слева — Г. Ионджик (Польша) и А. Шоцикас (СССР).

Фото Е. Умнова

Возвращение победительниц

В Москву прибыли советские спортсменки, с успехом выступившие в Финляндии в состязаниях на первенство мира по скоростному бегу на коньках.

Н а с н и м к е: чемпионка мира Лидия Селихова (на переднем плане) выходит из самолета.

Фото А. Устинова

ФУТБОЛ ЗИМОЙ

В городе Сталино (Донбасс) на заснеженном поле центрального стадиона состоялось товарищеское состязание между командами общества «Шахтер» и сборной города. Игра прошла в острой борьбе и закончилась победой коллектива «Шахтер» со счетом 5 : 1.

Н а с н и м к е: центр нападения А. Пономарев атакует ворота сборной команды города Сталино.

Фото С. Гендельмана (ТАСС)

КРЫЛЬЯ

Рассказ

Леонид СМИЛЯНСКИЙ

Рисунки П. Караченцова

...Если б не эта новость, Карпо Остапович не забрался бы в полночь сюда, в такую даль, к самой Роси. Что-то теперь Ульяна запоет?.. А Сашко-таки увалень, хоть и механик, нет у него подхода к девке...

Тропинка, идущая вдоль Роси, вдруг вынырнула из-под скал и побежала вниз, к селу. Там, вдали, над самым плесом, одиноко белела в вербах ульянина хата, и бригадир, перепрыгнув через канавку, направился к этой хате. Полный месяц катился к богуславскому лесу. Было так светло, что четко вырисовывался в воздухе каждый куст чертополоха и поблескивал издалека железный петушок над стрехой ульяниной хаты.

Ни в одном окне не было света. Только за Росью, на шоссе, мелькали огни: от молотилок возили пшеницу.

Бригадир шел, немного прихрамывая и опираясь на палку: в годы войны он был в партизанах, и в одной из стычек его ранили в ногу. С дальнего конца села едва доносились слова песни.

Карпо Остапович прислушался. Нет, кажется, Ганька не поет сегодня. Кто на селе не узнал бы ее голоса! Неугомонная дивчина, поет даже у молотилки! Где только она набралась этих песен?! Как услышит где-нибудь на стороне новую, непременно занесет на село. Сегодня не слыхать Ганьки. Неужели правду говорят — уезжает?! И откуда, чорт возьми, этот Довгопол взялся?

Но вот зазвенели песни — с одного края села, с другого, из-за реки... Как бы вдруг сговорились. А Рось все шумела в камнях. Волны ее играли в свете месяца на широком плесе, потом исчезали в тени под высокими скалами. Карпо Остапович остановился у обрыва. В этом месте река, вырвавшись из каменного хаоса, с шумом растекалась на широком просторе и снова устремлялась в каменную теснину между двумя высокими берегами и скалистым островом посредине. «Тут, верно, строить будут. Лучшего места не выберешь. Давно пора! — подумал бригадир. — Хватит энергии и на мельницу, и на молотилки, и на хаты... Вероятно, и коров будут доить электричеством, как в Кидановке...»

Он улыбнулся. И так, с усмешкой на лице, начал спускаться вниз, к ульяниной хате. «Увидим, что старуха скажет, ее двор первый под воду пойдет, когда запрудят Рось».

На крыльце показалась фигура в белом платке.

— Ты, Ульяна? — спросил бригадир.

— Здравствуй, Карпо Остапович!

— Выходит, и тебя на гулянки потянуло! Все еще не спишь? А завтра поутру овес вязать...

Он поздоровался и присел на завалинке.

— Да вот, думки одолели. Не спится... — помолчав, сказала она. — Дочку провожаю на рассвете. Где уж там заснуть!

— Вернется!

— Не вернется... Сердце подсказывает. Вот она спит сейчас последнюю ночь в материнской хате, а я у изголовья сижу и никак с мыслями не соберусь.

Совсем недалеко зазвенели девичьи голоса. Послышались шутливые возгласы, плеск воды. Наверно, дивчата вышли к Роси и прыгали со скалы в воду...

Помолчав немного, бригадир заговорил:

— А я иду селом, прислушиваюсь — что-то не слыхать ганькиного голоса. Она, бывало, выводит, чисто жаворонок над всеми пташками в поле. Без нее и дивчатам не поется. Лучше бы расходились по домам, отдохнули б. Пора горячая. Сами себя не жалеют.

Ульяна думала о своем. Потом, словно осененная давними воспоминаниями, сказала тихо:

— А помнишь, Остапович, мы с тобою ночи простаивали над Росью до самого рассвета? Как закончим комсомольское собрание после полуночи, выйдем на Рось, за село, там и рассвет встречаем...

— Эк, старину какую вспомнила!

— Хоть и старину, а не забывается... да и не забудется вовек! За день, бывало, цепами молотим-молотим, поясницы не разогнешь, да вечером еще собрание... А все же и ночью не искали отдыха. Не считались с тем, что кулацкие сынки выслеживали нас с обрезами.

— А разве не было этого? — встрепенулся бригадир. — Плечо мне кто прострелил, когда возвращался от тебя перед рассветом? — И, подумав, добавил: — Дорогой ценой платили мы за свою артель. Но ничего не боялись. И хоть было нас сперва всего шестнадцать дворов, а сил хватало...

— Ого! Тогда и ты был орел! И мы льнули к тебе, чувствуя твою силу. Ничья ненависть не страшила нас!..

— Нас враги боялись, Ульяша. Хоть и мало нам с тобою тогда лет исполнилось, а боевыми комсомольцами были.

— А правда! Парпура чуть ли не пеной исходил, когда услышал, что его батрачка указывает, какое поле забирать у него для артели. Грозил повесить меня на вербе перед своими воротами вверх ногами...

— Да и ты ж была — не сглазить бы, — словно котел у тебя внутри кипел. С комсомольцами у Парпуры во дворе, ровно командир...

— Запамятовал, Остапович: это позже было. Тогда, когда дождались сплошной коллективизации да начали ликвидировать кулаков. Ха!.. — усмехнулась Ульяна воспоминаниям. — Парпура на колени падал передо мною, за ноги хватал, умолял, чтоб в селе его оставили и не отбирали сеялку и лошадей, а я ему только сказала: «Не я тебя ликвидирую, а класс мой. Благодари, что живого оставляем...» Снег глотал, куркуляка, от ярости... Они б тогда нас живьем на куски разорвали, да не их верх уж был!

— И, гляди, забылось, — вставил слово бригадир. — Словно бурьян выпололи и кинули на межу — пускай сохнет... И посохло... А мы расцветаем! Такая наша линия...

Месяц висел низко над скалами по ту сторону Роси. Дрожащая дорожка протянулась через весь широкий плес к самому двору Ульяны. На миг появилась на этой дорожке быстрая лодчонка и исчезла. Кто-то плыл к вершам. Молодежь допевала свои песни. Еще немного, и побледнеет небосклон на востоке.

Бригадир кинул окурок.

— Сегодня вечером звонили из района.

— Про молотьбу спрашивали?

— Про нашу Рось говорили. Пришло решение. С осени начнут плотину гатить. На триста киловатт станция. Зальет и твой, Ульяна, двор. Жалеть не станешь?

Она задумалась. Промолвила тихо:

— Как переставили тебя заместо головы колхоза бригадиром, не жалел?

— Мое общественному не поперек. Объединили колхозы в один — не мой масштаб. Не жалею.

— И мое, Остапович, общественному не по-

перек. Не пожалею. А только, как разольется тут озеро широкое, выберусь я в такую ночь на скалу, чтоб дорожка от месяца к самым моим ногам протянулась, оглянусь вокруг и скажу сама себе: «Там, Ульяна, на дне твой отчий и дедовский двор в ил и мрак погрузился навеки, а тебе солнце и ночью с турбины сияет, и дорога твоя в жизни, как эта лунная стежка, горит-переливается. «Не жалеешь, сердце?» — спрошу я у него. И уж уверена, ответит: «Радуюсь, Ульяна!» Я свое сердце знаю!

— И я его знаю, Ульяна, твое сердце...

Она как бы прислушалась и затихла.

— Знаю его, Ульяна, еще с той поры, как мы с тобой молодыми были. Только оно вдруг не захотело меня, твое сердце...

— Иной по душе пришелся. Против тебя силу имела, легко разлучилась; сердце и не защемило, а он будто чем одурманил... Ежели б сказал: прочь поди — ушла бы, а сказал бы: прыгай в Рось с кручи — и прыгнула бы... А он взял да сказал: иди, серденько, ко мне, не разлучимся вовек. Хоть и захотела б не пойти, не нашла бы той силы в себе... Вот такой был мой Андрусь. Потому-то и променяла тебя на него, Остапович, хоть и был он простой пахарь, а ты голова артели. Сердцу, Остапович, не укажешь...

— Эк, вспомнили нивесть что!.. — несколько

даже рассердился бригадир.— Да и прах Андрея тревожить нехорошо: он геройской смертью на фронте полег.

На минуту тучка закрыла месяц. Село окутала тьма. Над полем дрожали вспышки света: это молотилка работала. Где-то за крайними хатами дивчата после купания допевали напоследок песни. Только одна девушка окликала подругу, одевавшуюся на берегу:

— Оля-а-а!

— Ау-у-у!

— Догоняй!

— Я догоню-у!

Ульяна перегнулась к раскрытой двери, прислушалась к ровному дыханию дочери.

— А утром у молотилки зевать будут, — недовольно бурчал Карпо Остапович по адресу дивчат.

Ульяна как бы не слышала.

— Спит, — любуясь дочерью, тихо промолвила она.— Артем Довгопол домой в отпуск приезжал, в Богуслав, а теперь возвращается на стройку. Берет с собою хлопцев, дивчат. И Ганька одно заладила: вместе.

Карпо Остапович начал крутить цыгарку.

— И зачем бы это я куда-то поехал, когда у меня под носом начинают строить? И не какую-нибудь, а на триста киловатт! Сколько людей понадобится!

— Эх, Остапович, не захочет она и слушать! Куда там триста! А двести пятьдесят тысяч не хочешь? Не знаешь ты моей Ганьки! Да я сама, кабы не лета мои да болезни, ни минуты не колебалась — подалась бы с комсомольцами на Каховку. Да уж не гожусь я для такой работы, и не след мне, пожалуй, ехать, чтоб дочерним крыльям вольнее было... Двести пятьдесят тысяч киловатт! Это уже не выключат свет в селе, когда молотилка работает. Ай-ай-ай! Глаза смежишь — и сияет!.. Да ведь ей эти двести пятьдесят тысяч и во сне видятся. Придет с тока, за обед сядет и задумается. «Чего ты, доню?» «Эх, мамо, Артем пишет: Каховка для коммунизма засияет. Это ж они ее будут строить...» И куда-то в окно смотрит и ничего не видит. Да разве ее удержишь?.. А я, что ли, не такая была?.. И у меня ведь свои крылья были!..

— Жаль, — произнес Карпо Остапович, — такую девку упустим. Зимой хотел ей делянку под свеклу выделить — пускай бы готовила к весне. Ей бы нашего хлопца, хорошего работника. Сашко мой по Ганьке сохнет. Было и поманила его, как ты меня смолоду... Да этот вот Артем Довгопол голову ей закрутил. Уж он от Ганьки так просто не отцепится!

Месяц плыл все ниже, к скалам за Росью. Карпо Остапович вдруг поднялся. Долго растирал онемевшую ногу. «Сердцу не укажешь», — вспомнил он и пожелал доброй ночи, хоть уже близился рассвет.

Провожая его, Ульяна говорила:

— Как-то проходила я мимо. Добрая у вас хата. Еще не все закончили?

— Черепицы малость не хватило. Да еще хочу в кладовой пол цементировать, чтобы крысы не прогрызли. Уже и материалом разжился. А твою затопит. Придется другую искать. Бувай здорова! Так завтра пусть твое звено на овес выходит. Ганьке счастливой дороги.

— Бувай здоров!

И поспешила в хату.

Пропели еще не окрепшими голосами молодые петушки. Низкий месяц светил прямо в окно. Ульяна босиком тихо прошла в горенку. Села у изголовья дочери на скамейку.

В хате было жарко. Ганька сладко спала, раскинувшись на кровати. Русые волосы ее свесились на пол. На губах как бы застыла улыбка, и Ульяне показалось, что это ей улыбается дочь,— такое ясное и приветливое было ее лицо во сне. Взяла ганькины волосы с пола, расстелила на ладонях и прижалась к ним лицом. С вечера вымыла их щелочью. Мягкие такие, пышные. Уж не вернуться ей теперь домой. Разве только мать проведать. Эх, кабы не годы и болезнь, сама б полетела туда! Жаль, Андрея нет. Все втроем и уехали б добывать те двести пятьдесят тысяч киловатт. Шутка ли! В Высоком на сто двадцать построили, да и то уже у людей мозолей меньше. Когда создавали на селе комсомол, потом артель, только мечтали об электричестве. А нынче... Молодец Ганька! Пускай же и она эту Каховку строит, как в свое время ее мать комсомол на селе создавала и первую артель выпестовала. Сашко, вишь, сохнет по ней. Хороший парубок, и профессию имеет добрую — механик МТС. А ежели ей Артем Довгопол по душе пришелся!.. Карпо Остапович, вишь, новую хату поставил сыну. Им хорошую хозяйку надо. И правда, разве из Ганьки плохая бы хозяйка вышла? Все так и горит у нее в руках! Да что ты сделаешь, коли у нее и душа горит. «Мамо,— говорит,— разве только и простора, что на собственном дворе? Душа теперь с крыльями, ей мало своего двора и своего села. Не удерживайте». Лети, доню, лети, ненаглядная! А когда выпадет тебе радость большая-большая, наполнит сердце твое, пролети над нашею хатою на рассвете перепелкою, отзовись — мать будет ждать и узнает...

И прижимала девичьи пышные волосы к лицу, целовала вытянутую руку, не могла наглядеться на дочку.

Из-за Роси долетел едва слышный свист. Еще мать не успела сообразить, в чем дело, как вскочила дочка:

— Мамо! Вставайте!.. Где вы? Спите? О, да вы уже проснулись!...

— Уже, доню, а что?

— Да Артем же знак подает... Разве не чуете?

Еще раз свистнул кто-то на том берегу, уже ближе.

— Это ж хлопцы на станцию едут. Меня ждут. Идите скорее к берегу, там Артем на челне переправляется, скажете, где пристать. А я заплету косы. Да не плачьте, матинко!

За Росью на шляху пели хлопцы и дивчата, ждавшие в машине Ганьку.

Когда Ульяна подошла к берегу, Артем уже брел в сапогах по воде, оставив челн на мели.

— Здравствуйте, тетка Ульяна! А Ганна ж где?

— Сейчас выйдет. Убирается.

— Так пускай не спешит, подождем. Что там у нее? Давайте перенесу. Не раздумала, часом?

Через несколько минут все трое шли к челну. Артем с чемоданом впереди, за ним девушка с матерью, обнявшись.

И долго не могли расстаться мать и дочь. Молода еще была Ганька, семнадцать лет. Прижималась к лицу матери, прощалась. Артем побрел к лодке, положил чемодан на корму и вернулся. Выхватил Ганьку из материнских объятий и понес по воде к лодке, чтоб не замочила себе ног.

— Прощайте, матинко!

Побежала было по мелкой воде Ульяна к лодке еще раз обнять дочку, да где уж ей догнать!.. Только и видела, как нырнула лодка в волнистый туман над водою, скрылась.

— Мамо, прощайте! — прозвучало с противоположного берега.

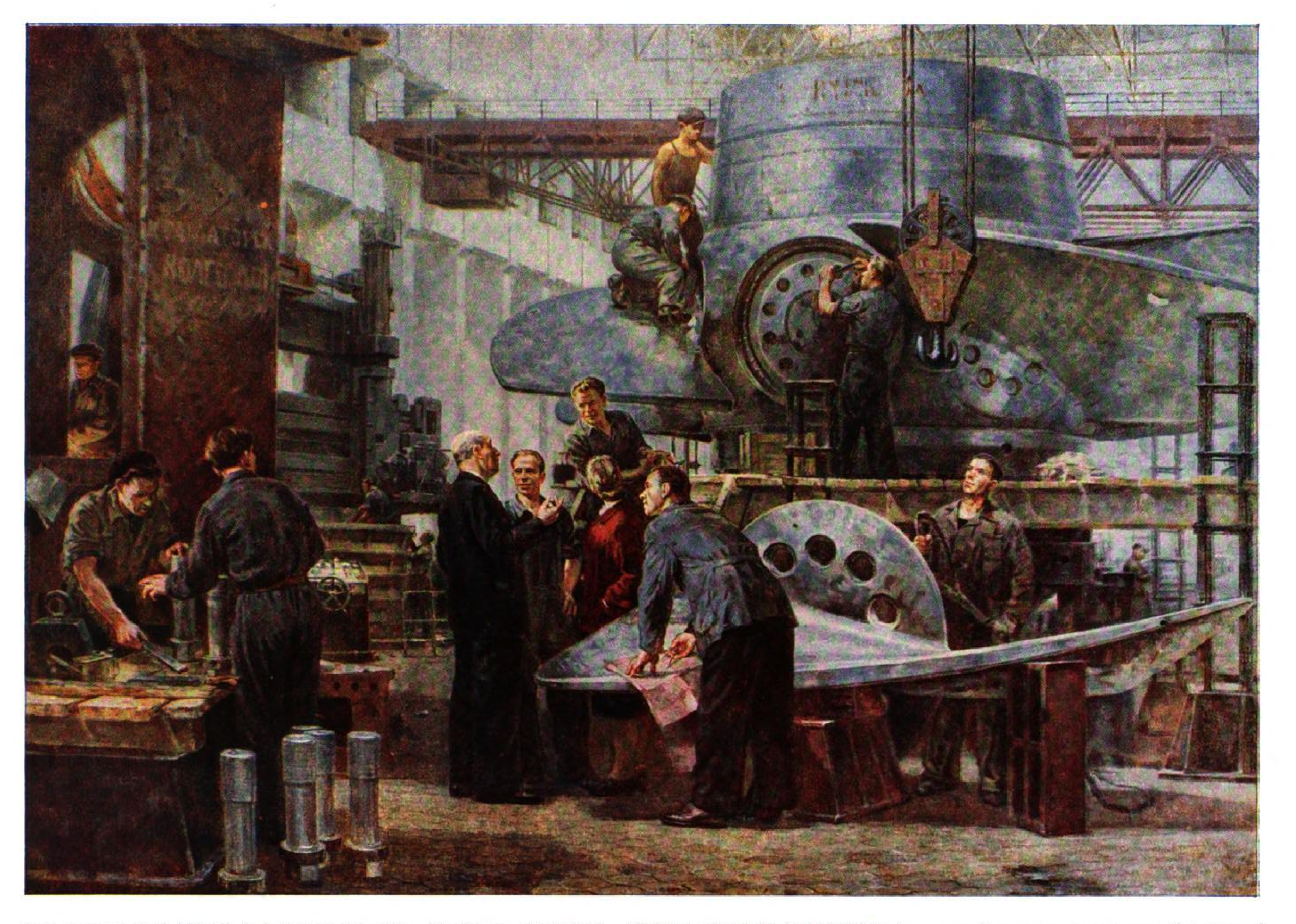
А Ульяна все стояла по колено в теплой воде и долго прислушивалась.

— Счастья ж тебе, дочка, полную чашу!

И услышала, как пролетела над ней перепелка, нежно откликнулась: «Подь-полоть, подь-полоть...»

И смеялась Ульяна и плакала... Так уж создано материнское сердце...

Авторизованный перевод с украинского Татьяны Стах

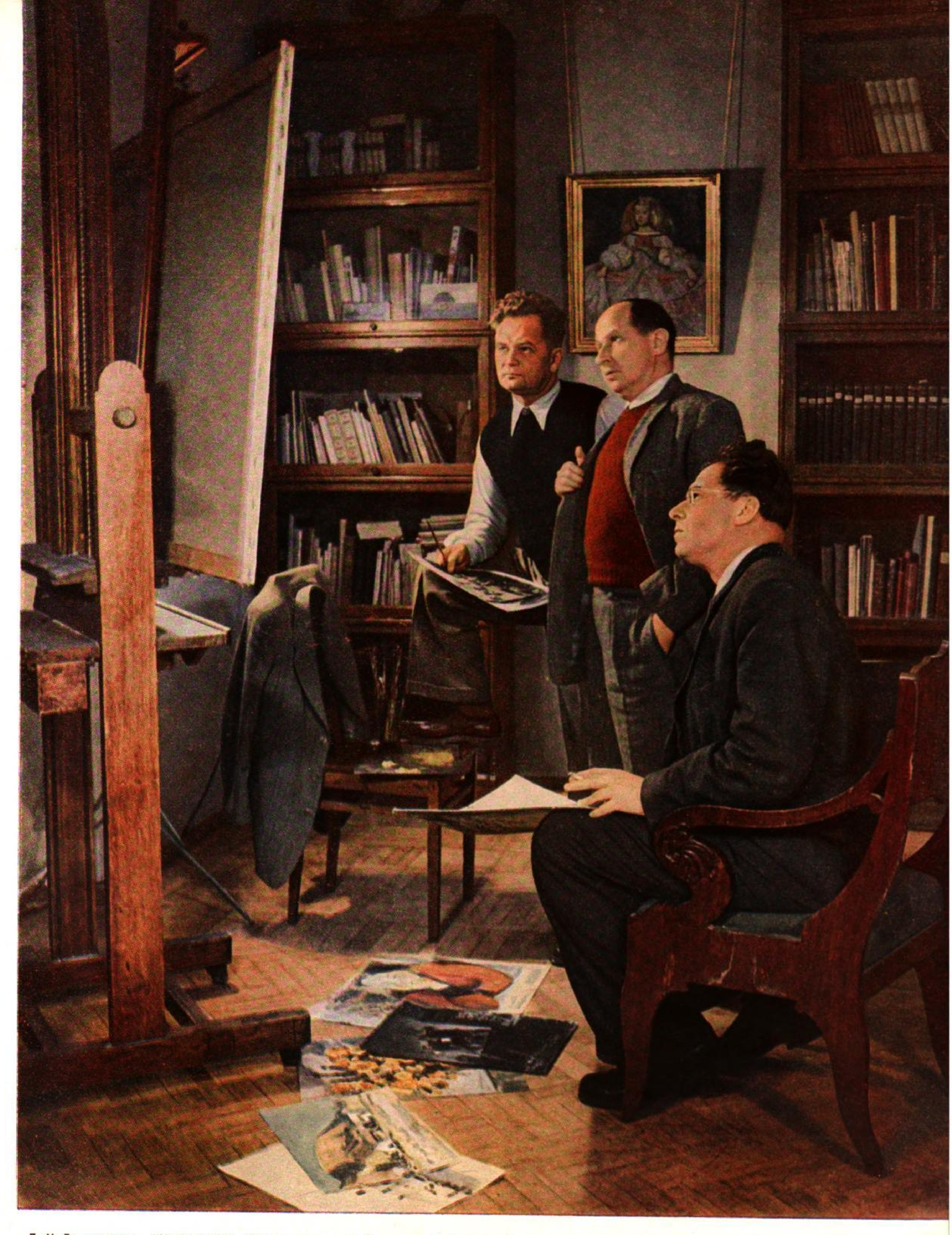
Н. Л. Веселова, В. Ф. Загонек, А. Т. Пушнин, Е. Е. Рубин, Ю. П. Тулин. ЛЕНИНГРАД — ВЕЛИКИМ СТРОЙКАМ КОММУНИЗМА (в гидротурбинном цехе завода имени И. В. Сталина).

Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

Б. Алиев, А. Абдулхалык, А. П. Зарубин. СДАЧА ХЛОПКА ГОСУДАРСТВУ.

Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

Д. Н. Бальтерманц. КУКРЫНИКСЫ. (Справа налево: М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов.) Цветное фото.

Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

С. О. Фридлянд. С ДОБРЫМ УТРОМ! (Колхозное Закарпатье). Цветное фото.

Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

Из северной тетради

Вл. СОЛОУХИН

МОЙ БЛОКНОТ

Бумажный сработал его комбинат,
Он в шрамах почетных, как старый солдат,
Со мной неразлучен который уж год,
Потрепанный этот, но прочный блокнот,

Хлебнувший волны на просторах морей,
Хлебнувший холодных полярных дождей,
Туманом пропитанный в тундре безбрежной
И солнцем Колхиды обласканный нежно.

Всему наступает черед и пора...
В Главбум на Арбате зашел я вчера
И там подобрал за пятнадцать рублей
Блокнот покрасивей, блокнот поновей.

А этому, видно, уж кончился срок,
В отставку пора старику, под замок.
Листаю страницы одну за другою —
То зноем пахнет, то повеет пургою...

Листаю страницы...
Не хочет в архив
Григорий Красавин, герой и комдив.
Возможно, что в это мгновение он
Взметнул по тревоге ночной гарнизон.

Листаю страницы...
И видится мне:
Навстречу норд-остом поднятой волне
Уходят к Болванской губе рыбаки
Великой и дикой Печоры-реки.

На волны ложится холодный рассвет...
Привет, Корепанов! Хабаров, привет!
Уже позабыли иль помните вы,
Как с вами рыбачил чудак из Москвы?

Листаю страницы...
Болезни врачуя,
Татьяна Шиткова по тундре кочует.
Я вижу: у ней чемодан на коленях,
Зыбун пролетает упряжка оленя,

По нартам упругая хлещет ера́[1]...
Нет, Тане Шитковой в архив не пора!

Листаю страницы...
Над толстой тетрадью
Сидит до рассвета Ардеева Надя,

Скромна в разговоре, но волей крута.
Прекрасна дорога ее и проста —
От чума на Канинском белом раздолье
До парты в партийной Архангельской школе.

Листаю страницы...
Плечист, невысок,
Алеша Безносов идет на «поток».
А хватки Безносова кто же не знает —
По Коми лесам знаменита она;
Он взглянет, и, гордая, сучья ломая,
К ногам лесоруба ложится сосна.

Листаю страницы...
Лишь взглядом коснись,
Красивые люди встают со страниц,
Которые крепки, которые живы,
Которых не сдать ни в какие архивы.
Надеюсь, что сердце в стихи отольет
Моих современников, время мое.

И если стиху, ну хотя б одному,
Остаться и выжить, то лишь потому,
Что я доверял этой скромной бумаге
Не праздные мысли туриста-бродяги,

Что я, колеся по просторной Отчизне,
В потрепанный этот, но прочный блокнот
Записывал все, что привержено к жизни,
Минуя такое, что скоро умрет.

[1] Низкорослый кустарник.

НОВЫЙ ГОРОДОК В ЗАПОЛЯРЬЕ

Все тот же здесь полярный холод,
Как век и сто веков назад.
И скажем прямо: этот город
Пока еще совсем не сад.

Да, есть места на белом свете
Куда красивей и добрей.
В июле здесь песок и ветер,
Мороз и темень в январе.

Неделю, больше будешь ехать —
Не встретишь чахлого куста.
Покрыто мхами все, как мехом,
А чуть поглубже — мерзлота...

Люблю тебя, моя планета,
Твои моря, леса, поля,
Но здесь хранить свои секреты
Чорт догадал тебя, земля!

Придет буран, ударит в двери
И крикнет людям: отступись!..
Но, говорят, на главном сквере
Уже березки принялись.

В ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

Мы в Нарьян-Маре. Не случалось
Вам в этом городе бывать?
Фотограф клял туман, усталость
И сквер, где нечего снимать;

Что все опять во мгле дождливой,
Сидел бы дома, если б знал...
«Вот разве это снять?» — шутливо
Он в дальний угол показал.

Там не изведавший полета
Иль позабывший про полет
Макет поставлен самолета
Иль, правда, старый самолет?

Знаком ли с волею пилота
И свистом легкого винта,
Какие он познал высоты
И в знак чего поставлен там?

Он мертв уже — и кто расскажет?..
Но, обойдя крыло и хвост,
На обветшалом фюзеляже
Я разглядел тринадцать звезд.

И, хоть слова метели смыли,
Глаза отметили мои,
Что ненцы в дни войны купили
Его на кровные свои.

И я прочел по звездным знакам,
Как он, зайдя за облака,
В огне и громе шел в атаку
На обреченного врага;

Как, возвращаясь, неизменно
«Еще звезду!» — бросал пилот.
Фотограф лежа и с колена
Снимал и сквер и самолет.

ЮЖНЫЙ ВЕТЕР

...И вдруг туманом скрыло звезды,—
То южный ветер прилетел.
Почти стеклянный, звонкий воздух
Размяк, набух и потемнел.

И вот на штурм пошла к рассвету
Весна. Попробуй, поверни!
Бураны выли — их уж нету!
Снега лежали — где они?!

Лишь кое-где в глубоких складках
Остатки паники видны.
Зима! Тебе пришлось несладко
От грозной армии весны.

А вел ее, рубясь со вьюгой,
Потоки пеня, по стране
Весенний ветер, ветер юга
На грозном солнечном коне.

Проходит он, животворящий,
Земле — оплот, зиме — беда,
Из края в край, с природы спящей
Сбивает он оковы льда.

Проходит он, могуч и светел,
Навстречу травы в рост встают...
Его любовно «русский ветер»
На Крайнем Севере зовут.

Малоземельская тундра.

На наших вкладках

На Всесоюзной художественной выставке 1950 года дружной семьей выступила ленинградская молодежь—выпускники Института живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина. Внимание зрителей привлекали разнообразные по содержанию и манере исполнения полотна: «В. И. Ленин в Казанском университете» А. Пушнина, «С. М. Киров в Хибинах» Ю. Тулина, «Поздравление учителя с наградой» и «Весна в колхозе» учеников Б. В. Иогансона Н. Веселовой и В. Загонека, — тепло и сердечно воспроизводившие характерные события нашей повседневной жизни. Это было первое и успешное выступление молодых мастеров.

Готовясь к Всесоюзной выставке 1951 года, вчерашние дипломники объединились в один коллектив. Картина «Ленинград — великим стройкам коммунизма» — результат их совместной работы. Авторы хотели показать, что осуществление великих строек стало делом всей страны, всего народа и каждый завод, как бы ни был он далек от Волги и Дона, вносит свой вклад.

☆ ☆ ☆

Теме труда посвятила свое полотно и творческая бригада азербайджанских художников — Б. Алиев, А. Абдулхалык и А. Зарубин. «Сдача хлопка государству» — взволнованный рассказ о завершении большого труда, когда с гордостью могут сказать колхозники: хорошо поработали, много сделали. Это сегодняшний день азербайджанской деревни с вошедшей в ее быт механизацией, с замечательными людьми, чьими искусными руками выращиваются горы «белого золота». Знойный день, палящие лучи солнца, щедро заливающие работающих и весь своеобразный пейзаж с громадами гор, особенно усиливают ощущение праздничности, которым отмечена картина.

☆ ☆ ☆

Уже несколько лет работает над серией сибирских пейзажей молодой красноярский художник Б. Ряузов. Но его привлекает не только своеобразный облик родных краев. Он стремится запечатлеть в живописи исторические места, которые связаны с революционной деятельностью руководителей нашей партии. На нынешней выставке художник представил виды Туруханска, Курейки, цикл пейзажей Енисея — уголков, в которых побывали в ссылке И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, С. С. Спандарян. Эти полотна проникнуты чувством суровой красоты далекого севера с его необозримыми равнинами, могучим разливом многоводных рек, утопающей в снегах морозной зимой, поздней, небогатой красками и как будто робкой весной.

Впервые на Всесоюзной выставке наряду с произведениями живописцев, скульпторов, графиков были представлены работы мастеров цветной фотографии.

И. БЕЛЯКОВ

На фронте в Корее солдаты и офицеры корейской Народной армии, как братья, встретили китайских народных добровольцев.

ДОКУМЕНТЫ ГЕРОИЧЕСК

Группа операторов-добровольцев, снимавших фильм. В первом ряду первый слева — лауреат Сталинской премии режиссер-оператор Сюй Сяо-бин.

На экранах кинотеатров Китайской Народной Республики демонстрируется новый документальный фильм Пекинской киностудии о героической борьбе воинов корейской Народной армии и китайских народных добровольцев против американских агрессоров.

Этот фильм — новая работа талантливого мастера китайской кинохроники, режиссера-оператора Сюй Сяо-бина, удостоенного Сталинской премии за картину «Освобожденный Китай». Музыку к новому фильму написал композитор Хэ Ши-де, тоже лауреат Сталинской премии.

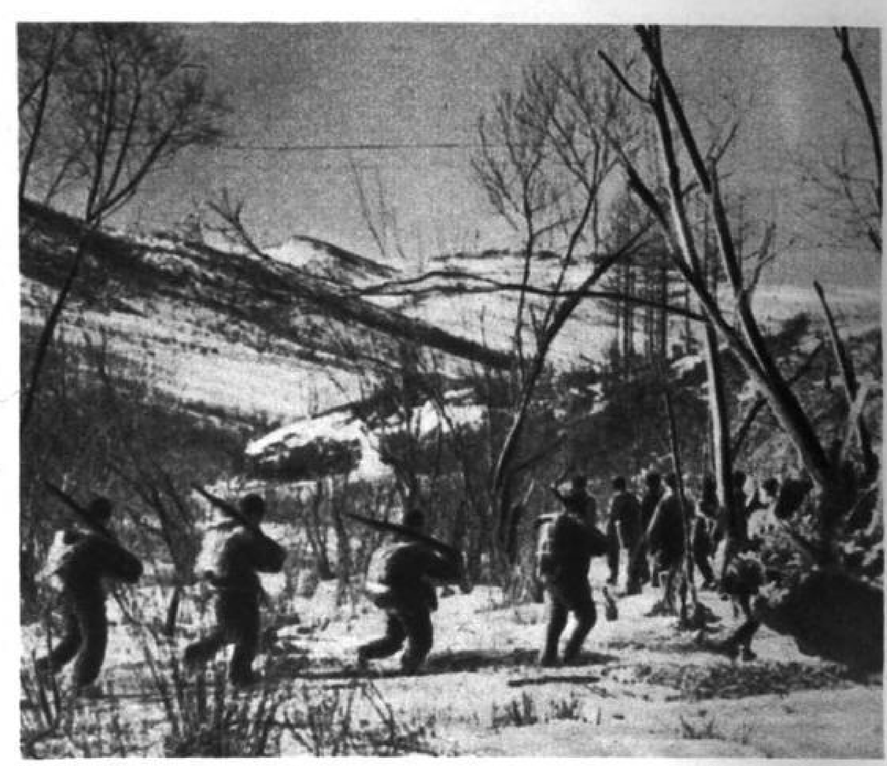
Наш корреспондент беседовал с создателем фильма, режиссером Сюй Сяо-бином, после его возвращения из Кореи.

— В составе группы китайских киноработников,— говорит Сюй Сяо-бин,— мне выпало счастье вместе с мастерами советского кино работать над фильмом «Освобожденный Китай». Когда по всей нашей стране развернулось мощное народное движение сопротивления американским империалистическим агрессорам и помощи корейскому народу, я добровольно отправился в Корею. Мы решили зафиксировать на пленке и рассказать всему миру о тех зверствах, которые творят в Корее американские «цивилизованные» дикари, рассказать о героизме и стойкости корейского народа, о наших доблестных народных добровольцах.

Китайский режиссер рассказывает, как осенью 1950 года он

Тесное боевое взаимодействие. Пулеметчики корейской Народной армии поддерживают огнем атаку своих мужественных китайских соратников.

Китайские народные добровольцы выдвигаются на исходный боевой рубеж.

Китайские народные добровольцы помогают населению обмолачивать урожай.

Помощь мирному населению Кореи, пострадавшему от злодейских американских бомбежек. Команды по тушению пожаров, созданные китайскими добровольцами.

ОЙ БОРЬБЫ

вместе с группой операторов-добровольцев переправился через реку Ялу:

— Страшная картина открылась перед нашими глазами. Стертые с лица земли города, сожженные дотла деревни и села. Озверевшие американские воздушные пираты продолжали бомбить даже эти руины, неся смерть старикам, женщинам и детям...

Стояли тридцатиградусные морозы,— продолжает Сюй Сяо-бин.— Мы, снимая на передовых позициях корейского фронта, часто бывали вынуждены откладывать съемочные аппараты и вместе с бойцами отбивать атаку врага. В одном из таких боев погиб смертью храбрых наш товарищ — оператор Ян Сюй-чжун.

Двигаясь вместе с наступающими частями корейской Народной армии и китайских народных добровольцев, группа китайских операторов во главе с Лю Дэ-юанем захватила в плен отряд американцев вместе с офицером.

— Когда нам бывало тяжело, мы вспоминали нашу коммунистическую партию, нашего великого вождя товарища Мао Цзе-дуна. Мы вспоминали славный путь к победе, пройденный нашей партией и нашим народом. Это придавало нам новые силы...

Когда в нашей работе встречались трудности,— сказал в заключение Сюй Сяо-бин,— мы вспоминали о наших советских товарищах и старались поступать так, как поступили бы в этом случае они.

Вспомогательные отряды китайских патриотов подносят к линии фронта продовольствие и боеприпасы.

На марше. Колонна китайских народных добровольцев (слева) движется рядом с частью корейской Народной армии.

Стихи венгерских поэтов

Рассвет

Ференц ЮХАС

Светает. На листьях холодеют капли.
Робкие осины на ветру озябли.
Рассвет сине-серый льется, как сквозь шлюзы,
на тугие стебли свежей кукурузы...

На холме стою я. Ранний час рассвета.
Гудок паровозный замирает где-то.
Дым блуждает, тает, ползет в редколесье,
только птица кружит одна в поднебесье.

Вот проснулось солнце — петух златопёрый,
разгребает тучки золотою шпорой,
поплыло на тучке высоко, просторно,
склевывает с неба звезды, будто зерна...

Ветерок ладонью мне ерошит кудри,
с ним я посылаю песнь об этом утре.
Стебли кукурузы, стройны и усаты,
встали предо мною, как в строю солдаты.

В синем поднебесье ныряют касатки,
самолет на Харгит [1] летит без посадки.
Самолет ли это? А может быть, трактор
гудит на рассвете за далеким трактом?..

Там деревня, крыши блещут черепицей.
Затопили печи. Пастуху не спится.
Катится телега, пыль над нею вьется.
Девушка, пригнувшись, стоит у колодца.

Вот теперь я вижу: тракторы за скатом,
вся округа вторит веселым раскатом,
наполнено небо этим гулом ровным.
Здесь уже не курят ладаном церковным!

Ясно здесь я слышу жаворонка. Мне бы
так запеть, чтоб песня донеслась до неба!
О тебе, отчизна, о судьбе народа,
о бесстрашных людях, давших нам свободу!

Мир, от сна восставший, тысячью движений,
шорохом, дыханьем, шелестом растений
касается сердца, цветет все чудесней,
вторит звону сердца соловьиной песней.

Кажется, что крылья шумят за спиною,
растет моя радость, парит надо мною.
Уже не округу — весь край изобилья,
всю родину вижу. Шумят мои крылья!

О родина! Край мой! Страна дорогая,
ты сияешь счастьем, на заре вставая,
от большой работы стала ты румяней,
протянулась веткой яблоневой ранней.

Как гудят заводы, как пылают домны,
как несутся песни, звонки, неуемны!
Тучные колосья желтеют на нивах.
Родная отчизна, край людей счастливых!..

Край мой! Твою руку сжимаю с волненьем,
каждой твоей жилки чувствую биенье.
И мрачнею сразу, если слабо бьется;
если чисто бьется, вся душа смеется!..
Здесь солдаты кровью землю оросили.
Не померкнет слава воинов России.
Сталин и Ракоши, мы шагаем с вами,
весь народ вас славит живыми словами.

Родина, ты крылья песне даровала!
Ты в труде и в битве счастье создавала!
Вижу: на рассвете вся страна проснулась,
молодо и чисто солнцу улыбнулась.

Перевел Д. Самойлов

Весенняя песенка

Лайош КОНЯ

Наступает звонкая весна,
небо стало выше,
тракторами даль озвучена,
рокот всюду слышен.

Замелькали первые цветы,
шумно в пестрых гнездах,
колыханьем влажной теплоты
полон синий воздух.

Нарастают стружек завитки;
время обгоняя,
убыстренно двигает станки
смелость скоростная!

Раззвенелось сердце в эти дни,
счастлив оттого ты,
что впервые все тебе сродни
родины заботы!

Пробежало облако — и вдаль
мчится, исчезая...
Боевую воин держит сталь,
счастье охраняя!

Перевел С. Кирсанов

Кремль

Эмиль МАДАРАС

Темнеют ели, и цветы горят,
И, в августовских сумерках дремля,
О чем-то ели тихо говорят...
Ребенок подошел к стенам Кремля.

— Живет здесь Сталин! — тихо шепчет он...
Рядами к небу башни поднялись...
И нежно гладит детская ладонь
Огромный Кремль, вздымающийся ввысь.

Перевел Л. Мартынов

[1] Харгит — гора в Венгрии.

САПОЖНИК И МАШИНА

Рассказ

Мульк Радж АНАНД

Рисунки О. Верейского

Помимо наивности, в равной мере свойственной старикам и детям, меня с Саудагаром, сапожником из нашей деревни, сближала общая страсть к машинам.

Саудагара, правда, интересовала только одна машина — маленькая швейная, которую деревенский портной всем на обозрение выставлял у порога своей душной, мрачной мастерской. Крестьяне с окрестных холмов иной раз не ленились пройти пятьдесят миль от своего дома, чтобы полюбоваться этой сердитой черной ручной машиной и ее деревянным чехлом, украшенным узором из листьев, наведенных желтой краской. С устрашающей быстротой, как юркая, скользкая крыса, вгрызалась она в ярды ткани.

А я каждое утро ходил в город, потому что учился в школе, и видел много машин, и они нравились мне все без исключения: огромный паровоз на железной дороге — я научился подражать его пыхтению, когда в перерывах между уроками мы играли в поезд; граммофон — я надеялся когда-нибудь услышать, как из него вырвется и мой собственный голос; автомобиль, в котором нотариус и торговец хлопком Лалла Саин Дас катал моего отца в тот день, когда у нас были выборы; велосипед, на котором приезжал в школу наш младший учитель; турбина на электростанции, стоявшей у слияния двух каналов,— она издавала звуки, похожие на икоту; рычащие железные и стальные чудовища на фабриках Дхаривала, превращавшие в ткани наш деревенский хлопок и шерсть. Швейные машины мне попадались другого типа, не такие, как у нашего портного. Я видел ножную машину, прикрепленную кожаным ремнем к стулу; весь день, как приклеенный, на нем сидел Баха-уд-дин, портной с Центрального базара. А в обувной лавке Бхалла на такой же примерно машине мастер шил башмаки.

Однажды в свободное от занятий время я подошел к дверям жалкой хижины сапожника.

— Дядя Саудагар,— окликнул я старика, не сводившего глаз с противоположной стороны улицы, где портной Бхагиратх проворно вертел ручку швейной машины.— Вы тратите так много усилий, сшивая подошвы из кусков кожи, а ваши заказчики все-таки жалуются, что башмаки плохи и пропускают воду. Почему вы не купите такую же машину, как у Бхагиратха, даже получше, с приделанным к ней сиденьем, вроде тех стульев, на которых сидят сагибы [2]? Я видел, как в обувной лавке Бхалла сапожник шил башмаки на такой машине.

— Там есть машина, сынок? — спросил Саудагар.

Лицо старика выражало недоверие, и все же где-то в глубине его души вот уже несколько месяцев — с тех самых пор, как портной купил машину,— жило убеждение: раз изобрели такое мудрое приспособление для шитья платья, то, наверно, существует и нечто похожее для шитья обуви.

— Да, дядя,— ответил я восторженно, потому что для меня пока еще все машины были скорей игрушками, чем полезными орудиями, покорными воле человека.— В городе есть замечательные машины, пошли бы и поглядели, а то вы никогда не выходите из своей лачуги. Вы не были на большой выставке в Лахоре?

[2] Сагиб — по-арабски господин. В мусульманских странах и в Индии — обычное наименование европейцев.

Отец говорит, там есть сапог, целиком сшитый на машине, и такой огромный, что в нем свободно можно играть в прятки.

Мне случалось любоваться чудесами техники в школьной лаборатории, я видел всякие диковинки на улицах города и так твердо был убежден в превосходстве современной науки над деревенской отсталостью, что, пожалуй, даже слишком энергично доказывал ее преимущества.

— Верно, сынок,— ласково сказал старик.— Я слыхал, что есть машина, которая может заменить мои руки, но сам-то я никогда ее не видел. Стоило мне глянуть на готовые седла, поводья и хомуты в конюшнях Тхакур Махан Чанда, как я догадался, что они сделаны рукой более ловкой, чем человеческая. А когда сын помещика попросил меня починить черные кожаные башмаки, купленные в городе, я сразу понял, что их не мог сшить ни один человек на свете. И в самом деле, я вот все глядел на швейную машину Бхагиратха, и мне хотелось знать, существует ли такая же для шитья обуви. Но я стар и уже десять лет не был в городе. Поэтому я не знаю, как она выглядит. Как-нибудь я соберусь поглядеть на нее. Но, конечно, я слишком беден и никогда не смогу ее купить. И, быть может, бог проклял бы мои пальцы и пальцы моих учеников и сделал бы так, что они и вовсе не смогли бы шить, если бы я стал пользоваться машиной.

— Но, дядя Саудагар,— возразил я,— если вы увидите эту машину, она вам очень понравится, уверяю вас. И когда вы сядете на стул, который к ней прикреплен, то будете похожи на сагиба. Вам останется только надеть белый шлем. Вы сами не заметите, как привыкнете есть и пить на откидной дощечке машины, словно за столом. Я и сам мечтаю о том, чтобы завести дома стул и стол. Если мать разрешит, я смастерю их из старого хлама.

— Я ведь отверженный, сынок,— сказал старик.— Посмею ли я есть, как сагибы, равняться с ними? И разве люди не засмеют меня, увидев, что я шью сапоги, сидя на стуле?

— Но такие люди — дураки, дядя, деревенщина,— решительно заметил я.— Они и сагибов считают «неприкасаемыми», хотя сагибы чистые. Они понятия не имеют о современной технике. Отсталые, темные люди, сохранившие обычаи джунглей. Что они знают о новой жизни?

— Да, сынок, ты, вероятно, прав,— согласился старый сапожник.— Когда бог создавал в горах железо, он, должно быть, имел в виду, что мы превратим его в машины.

— У меня есть отличный болт, дядя, я нашел его на школьной площадке,— сказал я.— Хотите, я вам покажу?

— С удовольствием погляжу на него, сынок,— снисходительно ответил Саудагар.— Но теперь беги домой. Твой отец может пройти по этой дороге, и тебе достанется за то, что ты околачиваешься в мастерской «неприкасаемого». Ступай к товарищам.

— Если хотите, дядя, я вам принесу картинку, на которой нарисована швейная машина,— сказал я. Я рассчитывал таким путем снискать расположение сапожника,— обычно он отгонял ребят, которые стайками толпились у его лачуги и лишали его слабые глаза солнечного света, пробивавшегося сквозь дверную щель

— Ладно,— сказал старик.— Ладно, сынок. Принеси мне картинку, хотя я и не знаю, какой толк в том, чтобы показывать изображение кисти винограда человеку, если он никогда не сможет отведать самые плоды.

Искра, которой не удалось зажечь сердце Саудагара, воспламенила мое воображение. Перед моими глазами неотступно стоял образ старого сапожника, шьющего башмаки на новой машине. Я кинулся домой так стремительно, словно мной владело нечто большее, чем увлечение новой игрушкой.

Я чувствовал, что и здесь, в моей родной деревне, все может стать иным, сказочно прекрасным, как в волшебном дворце, где огромные металлические аппараты, состоящие из тысяч частей, смонтированных благодаря искусству таких замечательных людей, как мой школьный учитель, способны творить чудеса!

На следующий день, когда мы возвращались домой из школы, я уговорил моих друзей-одноклассников взобраться на высокую стену у станции железной дороги и сорвать рекламный плакат, изображавший англичанку с шиньоном на макушке, сидевшую за зингеровской швейной машиной: на машине красовалась выпуклая стальная марка фирмы в виде буквы S. Мы отнесли плакат Саудагару.

— Вот, дядя, то, что вам нужно,— сказал я.— Про такую машину я вам рассказывал. Только эта — для шитья одежды. А та, на которой мастер в обувной лавке Бхалла шьет башмаки, по виду почти ничем не отличается от нее, разве что иголка потолще.

Старый сапожник смотрел на плакат с нескрываемым восхищением. Он с такой нежностью провел рукой по нарисованной стальной марке, что мне нетрудно было догадаться: изображенная на картине шзейная машина — гораздо большего размера, чем у Бхагиратха,— не на шутку взволновала его и окончательно убедила в существовании подобной же машины для шитья кожи.

Саудагар был в таком восторге, что попросил нас внести украденный плакат в мастерскую и оставить его там как украшение. А каждому из нас дал по медной монетке.

Мне казалось, что он хранит зингеровскую рекламу не просто как украшение, а потому, что ему хочется всегда иметь перед глазами образ машины, которую он решил когда-нибудь приобрести. Предчувствие мое подтвердилось: теперь всякий раз, когда я заходил в лачугу Саудагара, он принимался рассуждать о том, что иголка плохо нарисована на картинке или что трудно нажимать ногами на педаль в то время, как что-то шьешь наверху.

— Стул тоже, по-моему, маловат,— говорил Саудагар.— Может быть, английским леди и удобно сидеть на нем, но вряд ли тут уместится мой грубый старый зад.

— Не беспокойтесь,— убеждал я старика. Я так серьезно, так горячо мечтал, что сапожник из моей деревни будет работать с быстротой мастера из обувной лавки Бхалла, что слова мои приобретали особую значительность.— Немножко поупражняетесь и научитесь пользоваться машиной не хуже других. А что касается сиденья, так это пустяки: я видел очень полную мэм сагиб, жену городского инженера, и она покачивалась на таком же стульчике, словно восседала в удобном седле на верховой лошади.

В потухших глазах Саудагара вспыхнуло удивление. Глядя на меня со смиренной нежностью, он обвел пальцем стальную марку на зингеровском плакате. Потом он закрыл глаза и, улыбаясь, тряхнул головой, словно хотел отмахнуться от странных видений, беспорядочно возникавших перед ним и быстро сменявших друг друга: он видел себя работающим на новой машине, а вокруг — груды сапог, великолепных, до блеска начищенных туфель, грубых деревенских башмаков на толстой подошве...

— Вся беда в том, сынок, что мне негде достать денег на покупку машины,— вздохнул старик.— И я не знаю, как и где ее можно было бы приобрести, даже если бы у меня были деньги, которых, впрочем, у меня никогда не будет.

Неумолимая сила этого довода ставила меня втупик: я не имел никакого представления о том, сколько рупий стоит машина и где Саудагар возьмет деньги, но адрес фирмы «Швейные машины компании Зингер, Англия» был

напечатан внизу под плакатом, и я рассудил, что поскольку эта фирма торгует швейными машинами то, безусловно, она должна торговать и машинами для пошивки обуви.

— Их делают в Англии,— сказал я,— и там же их можно купить, а может быть, и здесь, через посредническую контору в Лахоре или Бомбее, если нет поближе.

— Англия очень далеко,— сказал Саудагар,— и мне уже не придется пересечь семь морей, даже когда я отправлюсь на небо, потому что я совершил слишком мало добрых дел, чтобы заработать право на путешествие в будущей жизни. Что же касается Лахора или Бомбея, то, если кто-нибудь из наших мест туда поедет, попросим навести справки.

Но проходили дни, недели, месяцы, а никто из наших мест не ездил ни в Лахор, ни в Дели, ни в Бомбей. Я долго сохранял в сердце безрассудную мечту о швейной машине Саудагара, но постепенно она начала меркнуть, оттесненная течением повседневной жизни. Я, как и прежде, навещал сапожника после школы, но о машине мы теперь разговаривали редко. Склонившись над башмаком, который он чинил, старик приглаживал бороду и с лукавым огоньком в глазах рассказывал мне сказку про страшного людоеда или про колдовство старой девы, которая до самой смерти так и не вышла замуж.

Однажды, когда в условленный час я поджидал моих друзей на пустыре близ мастерской Саудагара, старик подозвал меня и несвойственным ему хриплым голосом, то и дело переходившим в резкий, судорожный смешок, сказал:

— Поди сюда, сынок, и угадай, что случилось.

— Что такое? — недоуменно спросил я. Сперва я даже растерялся от неожиданности. Затем, видя, как светятся глаза Саудагара, понял, что внезапная его радость как-то связана с нашей машиной.

— Знаешь, сынок, Лалла Саин Дас, нотариус и торговец хлопком, поехал по делам в Англию. Ну, он заказал мне несколько пар расшитых золотом туфель, чтобы отвезти их в подарок заморским клиентам. Он остался доволен моей работой и любезно спросил, не может ли чем-нибудь быть мне полезен. Тогда я осмелел и попросил его привезти машину для шитья кожи. Он не рассердился и сказал, что с величайшей охотой исполнит мою просьбу. Но главное — то, что, зная, как я беден и как трудно мне было бы заплатить за машину сразу, он согласился купить ее на свои деньги и предоставить в мое пользование, пока я выплачу ему долг и небольшие проценты. Теперь пришло вот это письмо из железнодорожной конторы, писец прочел его и говорит, что это накладная на швейную машину, которую Лалла Саин Дас выслал из Англии; посылка находится на товарном складе железной дороги. Итак, хвала богу, в конце концов я получу машину и тогда угощу леденцами всех ребят, а тебе сделаю пару английских полусапожек, потому что ты первый рассказал мне о ней.

Я чуть не задохнулся от восторга, захлопал в ладоши и громко воскликнул: «Чудесно! Чудесно!» И то ли потому, что я легко приходил в состояние буйного веселья, то ли потому, что это было наиболее естественным проявлением моего характера, я пустился в пляс под такт, который я уже ощущал в ритме работающей машины, в непрерывном движении ее изящного и сложного механизма. Для меня она была не только чудом, таинственным сооружением, скрывавшим в себе точные математические формулы, но и неслыханно прекрасной игрушкой. И, конечно, слова Саудагара о паре английских полусапожек — я уже давным-давно убеждал отца купить мне такие — очень обрадовали меня: я представил себе, как вырасту в глазах всех моих товарищей, когда стану обладателем обуви, какую носят только сагибы и богачи.

— Когда же вы получите машину, дядя? — взволнованно спросил я.

— Завтра, сынок,— ответил Саудагар.— Впервые за одиннадцать лет я пойду в город!

— Раз вы будете в городе, зайдите в обувную лавку Бхалла и поучитесь у мастера, как обращаться с машиной.

— Это хорошая мысль,— сказал Саудагар.— Да, я так и поступлю. И поскольку ты сделал мне столько хорошего, мальчик, я сниму с тебя мерку теперь же и начну шить тебе сапожки.

Я остался бы еще у Саудагара, если бы мои друзья настойчиво не звали меня. Но в тот день я был слишком поглощен случившимся, чтобы отдаться всей душой игре, а ночью не мог уснуть: настолько сильно волновала меня мысль, что именно я сыграл такую славную роль в жизни сапожника. Утром я вприпрыжку помчался в школу, охваченный тем радостным ликованием, какое обычно испытывает ребенок, когда впервые видит свою мечту осуществленной.

Вернувшись из школы, я поспешил в мастерскую Саудагара. Передо мной была швейная машина, точно такая, какой я ее видел в моих мечтах, только более реальная, потому что она имела объем и вес; а старик-сапожник сидел на стуле, приделанном к ней, сшивая куски кожи. Лоб его покрывали капли пота. Двое его учеников и много посторонних людей низких и высоких каст толпилось в хижине: все хотели поглядеть на волшебную машину.

— Поди сюда, сынок,— сказал Саудагар, отрывая глаза от машины и тяжело переводя дыхание.— Вот верх сапожек, которые я шью для тебя.

Я смущенно улыбнулся, и мне очень захотелось дотронуться до чудесной новой машины, поразительно похожей на ту, с плаката, который я принес Саудагару, но я сдержался: как раз в эту минуту Саудагар отстранил столпившихся вокруг него людей, также пожелавших прикоснуться к машине. Я только спросил:

— Когда будут готовы мои сапожки, дядя?

— Скоро, скоро,— ответил Саудагар.— Мне придется изрядно потрудиться, чтобы выплатить долг Лалла Саин Дасу — он завтра возвращается,— а в свободное время я займусь твоими сапожками.

Теперь я чаще прежнего посещал мастерскую Саудагара; мои родители знали, что я хожу в квартал отверженных, к сапожнику. Но так как мои старые индийские башмаки из грубой кожи сносились и родителям пришлось бы покупать новые, если бы Саудагар не посулил мне подарка, я получил разрешение проводить у него столько времени, сколько мне заблагорассудится.

Саудагар сделал несколько стежков на заготовках, из которых намеревался сшить для меня сапожки, а затем повесил их как модель на двери своей хижины. Время шло, а Саудагар, не разгибая спины, шил, одну за другой, десятки пар индийских башмаков, но долг его не уменьшался, а, напротив, возрастал: накапливались проценты к общей сумме в тысячу рупий,— по словам Саин Даса, столько стоила машина, считая перевозку и таможенные сборы. Всякий раз, как я приходил, старик снимал заготовки, рассматривал их с озабоченным видом и говорил:

— Да, сынок, я полагаю, что на будущей неделе пришью к ним подкладку, а потом пошлю Маджитха за кожей для подметок и каблуков. Или ты предпочитаешь каучуковые подметки?

— Нет, мне хочется кожаные подметки и каучуковые каблуки, дядя,— с воодушевлением отвечал я, сразу забывая, какое разочарование испытал только что при виде заготовок, попрежнему висевших на гвозде у дверей.

— Нельзя и то и другое, сынок,— ласково уговаривал меня Саудагар.

— Я хочу ввести такую моду.

— Но, сынок, позволь мне сперва сделать тебе обыкновенную пару,— говорил старик,— а потом...

— Когда же они будут готовы? — снова нетерпеливо спрашивал я.

— Завтра, если бог даст, завтра я что-нибудь сделаю...

Но проходил завтрашний день, потом много других дней... Мои старые индийские башмаки совсем развалились, я бегал босиком в школу и ругал родителей за то, что они не покупают мне новых английских полусапожек, а Саудагара — за то, что он не сдержал обещания.

Я не понимал, что родители мои бедны и не могут купить мне новые английские полусапожки, и упрямо отказывался от дешевых индийских башмаков...

— Давай купим хорошие башмаки, вроде тех, что у тебя были,— говорила моя мать.

— Нет,— твердил я.— Я хочу английские полусапожки, и тебе нечего беспокоиться, потому что Саудагар сделает их.

— Не верь словам, верь глазам,— приводила мать поговорку.

Моя вера могла бы сдвинуть с места горы, если бы в дело не вмешался сам бог. Саудагар, старый сапожник, заболел, а спустя много дней, когда он поднялся после болезни, ему пришлось наверстывать упущенное, и он так много работал, что у него не оставалось времени даже на то, чтобы думать о моих сапожках. Саудагар все еще не выплатил долга даже по процентам, и было мало надежды, что он когда-либо закончит мои сапожки.

Я смотрел на старика, склонившегося над машиной и терпеливо работавшего, в то время как пот струйками стекал с его лица на шею, и молчал, чтобы не огорчать его своими вопросами. Смешанное чувство обиды и жалости к старику постепенно превратилось в ненависть к машине, она была тяжелая и бездушная, и я считал, что именно она воздвигла преграду между Саудагаром и мной. Прикованный к машине, как каторжник к тачке, он становился все более и более молчаливым; казалось, работа иссушила его, казалось, он отдал ей всю кровь из самых потайных уголков своего сердца. Неузнаваемо изменилось его некогда ясное, озаренное улыбкой лицо; теперь оно всегда было бледным, грязным и сумрачным. Заготовки английских полусапожек висели у дверей, а Саудагар напряженно работал, чтобы выплатить долг за машину.

Я вырвал из моего сердца последние остатки надежды и все реже навещал Саудагара, полагая, что в один прекрасный день, движимый угрызениями совести, он закончит мои сапожки и позовет меня.

Но этот день так и не наступил. После того как Саудагар, работая до кровавого пота сшил на машине гораздо больше башмаков, чем за всю свою предыдущую жизнь, и все еще не выплатил долга, он надорвал последние силы и однажды вечером свалился мертвый.

Смерть Саудагара привела в полное смятение мои мысли и чувства и вызвала острую боль. Я сознавал, что есть и моя доля вины в случившемся. Если бы только я понимал тогда, что любви к машине и желания работать на ней для таких людей, как Саудагар, было недостаточно, что она должна была принадлежать им, я бы легко опроверг мнение жителей нашей деревни, уверявших, будто Саудагара убил дьявол, принявший образ швейной машины.

Перевела с английского
Ю. Мирская

ПОЭТ Казахстана

Спектакль об Абае Кунанбаеве

Ю. А. ЗАВАДСКИЙ,
народный артист СССР

Фото О. Кнорринга и Б. Подгорного

Казахский академический театр драмы поставил спектакль об Абае — великом народном поэте и просветителе, отдавшем много сил укреплению дружбы русского и казахского народов. Абай известен нам по талантливому роману Мухтара Ауэзова, впервые живо и подробно рассказавшему о великом акыне, о жизненном пути основоположника национальной казахской литературы, страстного пропагандиста и переводчика произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова, Некрасова.

Горячо любивший свой народ, единственно возможный выход для него видевший в дружбе с великим соседом, Абай Кунанбаев в своих произведениях выступал против угнетателей, против всех, кто стремился искусственно отдалить казахов от русских.

Спектакль, посвященный Абаю, — своеобразный сценический памятник замечательному патриоту. Основой постановки послужил роман Ауэзова. К инсценировке его авторы и театр отнеслись вдумчиво и серьезно, сумели бережно выделить главное в произведении: острый конфликт между Абаем и той феодальной средой, которой смело противопоставил себя акын. Постановка, осуществленная Ш. Аймановым и Я. Штейном, привлекает целеустремленностью и единством действия.

Обаятельный образ юного, пылкого Абая воссоздан артистом А. Исмаиловым, ныне играющим поэта и в зрелые его годы. В роли Абая в поздний период его жизни выступает артист К. Бадыров, опытный мастер сцены. С большой внутренней силой и темпераментом рисует Бадыров сценический облик непреклонного, неутомимого борца, постоянного заступника народа. Как девиз всей славной жизни поэта-патриота звучат в устах Бадырова слова Абая:

— Узнавай у русских доброе, узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни. Если ты этого достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения.

Абай (А. Исмаилов, справа) со своим русским другом Михайловым (заслуженный артист Казахской ССР К. Адильгинов).

Абаю противостоит в спектакле фигура Кунанбая, жестокого и самовластного деспота-феодала, воплощенная великолепным артистом К. Куанышпаевым с удивительной отточенностью и остротой рисунка. В столкновениях отца с сыном особенно рельефно вырисовывается мужественный характер Абая, принципиального до конца, решительного и смелого. Кунанбай уговаривает сына покориться, связать свою судьбу с движением пантюркизма, сулит ему выгодное место волостного управителя. Но сын с презрением отвергает эти предложения. Проклятия отца, впервые почувствовавшего, что перед ним сила, которую ему не сломить, звучат как признание решительной победы Абая.

Образ бедняка Даркембая, скромного, но храброго представителя народа, в инсценировке чрезмерно затенен. Зато в спектакле его выдвигает на первый план дарование одного из старейших артистов театра, Е. Умурзакова, показавшего прекрасный пример органического слияния исполнителя с образом.

Народный артист Казахской ССР К. Бадыров в роли Абая.

Среди исполнительниц женских ролей выделяются Р. Койчубаева, превосходно, с истинным драматизмом играющая старую мать Кунанбая, и Ш. Джандарбекова; обаятельная и нежная Тогжан, беззаветно любившая поэта. С. Майканова хорошо передает глубокие переживания умной и доброй матери Абая.

Текст от автора, восполняющий пробелы инсценировки, читает Х. Букеева. И это не обычное, спокойное комментирование спектакля — артистка словно разделяет вместе со зрителями их взволнованный интерес к судьбам героев. Удачно исторически достоверное, продуманное в деталях оформление художника В. Голубовича.

Спектакль отличается редкой слаженностью ансамбля. Чувствуется, что ни один из исполнителей не остается равнодушным к своей роли. И зрительный зал шумными рукоплесканиями выражает свою признательность тем, кто воспроизвел образ великого просветителя, нарисовал живые картины давних лет.

Казнь Кодара слугами бая. В глубине сцены — Кунанбай (народный артист Казахской ССР К. Куанышпаев).

Картины народной борьбы

О современной Италии читателям не так давно талантливо рассказали Ванда Василевская и Петр Павленко. Их итальянским очеркам свойственна одна общая черта, роднящая их с горьковскими «Сказками об Италии». Трудолюбивый и жизнерадостный, свободолюбивый и талантливый народ, живущий в своей прекрасной стране под страшным гнетом нищеты и бесправия и вопреки всему бодрый, гордый, непокоренный,— вот истинный герой произведений этих писателей.

Той же благородной традиции следует и Дм. Еремин в своей «Грозе над Римом». Это сцены из народной жизни, как бы кадры, выхваченные объективом киноаппарата из широкого и бурного жизненного потока, запечатленные моментальной съемкой. Такова, по сути дела, и композиция повествования, стремительно переносящего нас с завода близ захолустного городка в кабинет христианско - демократического министра, с выжженных солнцем полей Апулии в прохладные и мрачные покои Ватикана.

В книге Дм. Еремина действуют люди двух лагерей: с одной стороны — рабочие, батраки и крестьяне, провинциальные и столичные деятели коммунистической партии, с другой — христианско-демократические министры, итальянские банкиры, папа, правосоциалистические предатели, жандармы и наемные убийцы Шельбы, продажные писаки буржуазных газет и подлинные хозяева капиталистической Италии — американские дельцы и дипломаты.

Книга правдиво воспроизводит характер и обстоятельства народного сопротивления правительству национального предательства.

Повествование сосредоточено вокруг событий, весьма типичных для современной Италии: захват рабочими завода, закрываемого по воле американских монополистов, захват безработными батраками необрабатываемой помещичьей земли, всеобщая забастовка в связи с полицейскими провокациями.

Автор рисует образы секретаря профсоюзного комитета рабочих провинциального завода Джиакомо Ларисто, старого рабочего Чекко Чикетти и его сына, коммуниста Маттео, батраков Антонио и Доменико Прато, руководителя батраков в одном из апулийских округов коммуниста Арчезе, коммунистического депутата парламента Висконти и многих других рабочих, батраков и деятелей партии.

Одни из них обрисованы лишь несколькими штрихами, другие, как Ларисто, Маттео Чикетти, Серафино и Луиджи Висконти,— более подробно. Это как бы зарисовки карандашом и пером, а не детально выписанные портреты, итог краткой, хотя содержательной и запомнившейся встречи, а не продолжительного знакомства. Но эта большая серия зарисовок, сделанных с острым интересом к людям, с любовным вниманием к основным, сразу бросающимся в глаза чертам их характеров, с горячим сочувствием их героическому делу, дает читателю возможность представить картину грандиозной битвы народа против своих врагов.

Выразительно написаны сцены заводского митинга и жандармской расправы с рабочими, дележа помещичьей земли, всеобщей забастовки и рабочей демонстрации в Риме. Читая «Грозу над Римом», ощущаешь боевой дух народных масс, восхищаешься душевной ясностью и отвагой их руководителей.

Эскизно сделаны Д. Ереминым зарисовки людей другого мира. Здесь есть удачные, запоминающиеся образы (папа, наемные убийцы Шельбы, министр-взяточник). Однако порой писатель нерасчетливо пользуется средствами плакатного гротеска, подавая некоторых персонажей (американец Койманс, Лоренцо Кассино) несколько упрощенно. В итоге они не воспринимаются как опасные хищники.

Книга Д. Еремина написана в публицистической манере: рассказ о людях Италии часто перемежается большими публицистическими отступлениями. Число их при работе над отдельным изданием надо уменьшить, так как они подчас мешают развитию сюжета и сводятся к информации и пояснениям. Есть в «Грозе над Римом» лишние сюжетные ходы (эпизоды кинофестиваля, венецианская феста) и лишние персонажи (художник Пьетро Маринуччи, «пророчица» Фарината). Устранение этих недостатков сделает более компактной и впечатляющей книгу, которая обогащает наше представление о современной Италии.

Дм. Еремин. Гроза над Римом. Роман. «Звезда». №№ 11, 12. 1951.

Л. СУБОЦКИЙ

Памяти писателя-демократа

Два года назад, 12 марта 1950 года, в маленьком калифорнийском городке Санта-Моника умер знаменитый немецкий писатель Генрих Манн. Незадолго до смерти он в письме к Арнольду Цвейгу делился планами скорого возвращения на родину, в Германскую Демократическую Республику. Но этим планам не суждено было осуществиться.

Роли и значению Генриха Манна для немецкой и мировой литературы посвящено выступление президента Германской Демократической Республики Вильгельма Пика на 25-м заседании президиума Социалистической единой партии Германии 14 марта 1950 года, публикуемое ниже.

«Товарищи! На нас лежит печальная обязанность. 12-го марта в Санта-Моника (Калифорния) умер великий немецкий писатель Генрих Манн. Он умер незадолго до дня своего рождения, когда ему исполнилось бы 79 лет, и незадолго до его возвращения из изгнания на горячо любимую родину.

Его смерть особенно трагична потому, что он много месяцев добивался возможности возвращения на родину и, наконец, эта возможность приблизилась,— и потому, что он не смог уже вернуться к тем людям, которые ждали его с таким нетерпением.

В прошлом году Генрих Манн первый получил наивысшее отличие, которым немецкий народ награждает писателей и художников,— Национальную премию. Он был также намечен в президенты Немецкой академии искусств, восстановление которой должно последовать в ближайшие дни. Если немецкий народ и оказывал кому-либо такую честь, то, конечно, никто не заслужил ее в такой степени, как Генрих Манн.

Еще перед первой мировой войной он написал свои первые, критиковавшие эпоху романы, в которых показал истоки позднейшего фашизма. Как раз в воспитанном в духе прусского милитаризма верноподданном он увидел того труса и наглеца, который позднее, в период нацистского варварства, поверг наш народ в такое несчастье. Способность Генриха Манна вскрывать внутренние общественные отношения помогла ему в его романе «Среди рас» предугадать путь развития Италии — путь к фашизму Муссолини.

Этот роман, как и его большие романы «Верноподданный», «Учитель Унрат», «Обездоленные» и другие, представляет собою резкий критический отпор силам реакции, тлетворное влияние которой еще никто из писателей — до Генриха Манна — не сумел распознать с такой четкостью.

После падения монархии Генрих Манн стал беспощадным критиком Веймарской республики. В ряде романов он изобразил внутреннюю пустоту и лживость буржуазного общества веймарской эпохи. Он неустанно бичует половинчатость демократических мероприятий и заявляет, что эта половинчатость неминуемо ведет к гибели, к победе варварской реакции.

Не удивительно, что нацисты, как чуму, ненавидели Генриха Манна. Уже в феврале 1933 года он вынужден был покинуть горячо любимую родину и эмигрировал сначала в Чехословакию, где он получил чехословацкое подданство, а затем во Францию, с народом которой он чувствовал себя связанным уже десятилетия; и когда немецкие фашисты оккупировали родину Золя, Виктора Гюго и Бальзака, он уехал в Соединенные Штаты, где ему и пришлось умереть.

В эмиграции он наряду с плодотворной писательской деятельностью неутомимо боролся в рядах находившегося в изгнании немецкого Народного фронта. Так же деятельно и храбро он выступал в рядах французского Народного фронта.

Он призывал к единству эмигрантов, прогрессивные круги которых избрали его председателем своего Союза. В своем большом автобиографическом произведении «Обозрение века» он дал исчерпывающий отчет не только о своей жизни и деятельности, но и обо всей эпохе, в которую жил.

В самом Генрихе Манне было то, что он так восхвалял во французском писателе Золя,— он был «учителем демократии». Его произведения были проникнуты двумя большими идеями. Как хранитель великой гетевской традиции, он неустанно требовал единства духа и действия (Geist und Tat). Действие в духе воинствующего гуманизма — этой идее посвящена значительная часть его творчества.

Второй круг его идей привел Генриха Манна — в прямой последовательности — к признанию социалистической революции.

В первые годы своей творческой деятельности вся его любовь была на стороне буржуазной революции, великие идеи которой определяли его творчество. Но состояние разложения и варварства, в котором очутилась буржуазия его времени, заставило его перейти к тому классу, который оказался на стороне исторического прогресса.

На конгрессе писателей в Париже в 1935 году он заявил:

«Честный демократ должен отдать себе отчет в том, что только марксизм создает предпосылки для истинной демократии».

И, логически следуя этой идее, Генрих Манн стал восторженным приверженцем Советского Союза, страны, в которой партия марксизма-ленинизма создала высшую форму демократии, что еще раз подтвердили всему миру только что прошедшие выборы.

В краткой автобиографии Генрих Манн так охарактеризовал свое отношение к Советскому Союзу:

«Советский Союз я люблю и глубоко его ощущаю. Он близок мне, и я — ему... Там меня читают массы, и я смотрю на них, как на потомство, в памяти которого я останусь жить».

В Генрихе Манне мы чтим великого немецкого писателя, произведения которого представляют и всегда будут представлять важную часть нашего национального культурного богатства.

Мы чтим в Генрихе Манне искреннего демократа и неутомимого борца за прогресс.

Мы чтим в нем убежденного приверженца нашего правого дела — борьбы за социалистическое устройство общества, и — далеко не на последнем месте — мы чтим в нем хорошего и любящего человека, сердце которого билось за обездоленных и бедных».

Президент Германской Демократической Республики телеграфировал брату умершего, Томасу Манну:

«Германский народ чтит в Вашем брате Генрихе не только одного из великих художников, но также одного из — далеко не многих — великих немецких демократов, который имел мужество еще в правление Гогенцоллернов примкнуть к самой крепкой опоре демократии, к социалистическому рабочему классу. Никакие нападки, никакие издевки не заставили его поколебаться в своей позиции. Его искренний привет, направленный Президенту и заместителю Президента Германской Демократической Республики, был для нас ценным вдохновляющим подтверждением того, что, ведя борьбу за истинно демократическую миролюбивую единую и независимую Германию, мы находимся на верном пути».

Б. Я. Ряузов. СТАРАЯ КУРЕЙКА. (Дом, в котором жил в ссылке И. В. Сталин.)

Всесоюзная художественная выставка 1951 года

Б. Я. Ряузов. ТУНДРА ВЕСНОЙ. СТАДО ОЛЕНЕЙ.

Всесоюзная художественная выставка 1951 года

ТУРУХАНСК. ПОСЛЕДНИЕ ЛЬДЫ.

В КИНО И НА СЦЕНЕ

Просматривая афиши новых спектаклей и кинофильмов, зрители видят каждый год среди исполнителей новые, неизвестные ранее имена. Молодые артисты, выпускники театральных институтов и студий, выступают в ответственных ролях в премьерах театра, готовят молодежные постановки и вводятся в спектакли, уже идущие на сценах, дублируя ведущих актеров труппы.

К. С. Станиславский говорил: «Пусть молодые актеры знают и помнят, что они счастливцы... так как им даны исключительные возможности для работы...»

В нашей стране созданы все условия для развития дарований и выявления творческих способностей талантливой молодежи. Чуждая самоуспокоенности и зазнайства, непрерывно совершенствуя свое мастерство, актерская молодежь с каждым годом занимает все большее место в отряде деятелей советского искусства.

Мы рассказываем об актерах, выступивших в прошедшем сезоне впервые на сцене или на экране.

Славное начало

В ярко освещенную бальную залу Дворянского собрания бочком входит невысокий солдат, манит из-за угла жандармского полковника Полотенцева и шепотом сообщает ему, что

Артист М. Ульянов в роли Якова Лаптева в спектакле «Егор Булычов» М. Горького в постановке Театра имени Евг. Вахтангова.

в тюрьме умирает подследственная Рагозина. Вот и вся роль молодого актера М. Ульянова в спектакле «Первые радости». Но за эти считанные минуты, пока солдатик в потрепанной шинели остается на сцене, перед зрителем встает вся жизнь этого человека, вся обстановка казармы, из которой он пришел.

Творческий путь Михаила Ульянова начался недавно. В конце 1947 года группа студентов театрального училища имени Щукина показала инсценировку «Двух капитанов» В. Каверина. Студент второго курса М. Ульянов увлеченно и темпераментно сыграл в ней Саню Григорьева.

Второй сезон играет Ульянов в Театре имени Евг. Вахтангова, но зритель успел приметить и запомнить созданные им образы.

Роль большевика Якова Лаптева в спектакле «Егор Булычов» невелика по своей сценической жизни, но значение этого персонажа в пьесе огромно. У него ищет ответа на вопрос «как жить» Шура, к нему инстинктивно тянется Егор Булычов, чувствуя, что Лаптев знает то, чего не знает он, Булычов: в чем правда и смысл жизни. Вокруг этого персонажа в пьесе накалены страсти булычовского дома, зритель ждет его появления.

Прекрасно играет эту роль М. Ульянов. Молодой большевик, энергичный, увлеченный жизнью и борьбой, мужественный и решительный Яков-Ульянов противостоит и миру хищников (Достигаевых — Звонцовых) и тем, кто еще только ищет правду жизни.

Воплощая образы советских людей, Ульянов раскрывает в них характерные черты современников. Когда тяжело заболел М. С. Державин, исполнитель роли С. М. Кирова в пьесе И. Кремлева «Крепость на Волге», руководители театра решили попробовать в ней именно М. Ульянова.

Волнение, с которым артист-студент приступил к этой работе, было огромным. Надо было создать образ выдающегося строителя нашего государства, образ, в котором выступал такой большой мастер сцены, как М. С. Державин. Но дебют прошел удачно. М. Ульянов сумел найти нужные краски, чтобы обрисовать обаяние, жизнерадостность и скромность Сергея Мироновича. Его Киров нежен и заботлив с друзьями, суров и беспощаден с врагами революции. Артист горячо полюбил эту роль, увлеченно продолжает над ней работать. Каждый новый спектакль приближает его к состоянию той внутренней творческой свободы, которая характеризует художника.

Б. ЗАХАВА,
народный артист РСФСР

Первая роль

Сочетание было весьма неожиданное.

Длинная толстая русая коса девушки как-то уж очень не подходила к большим, тяжелым кирзовым солдатским сапогам, а весь ее облик — очень женственный — никак не сочетался с матросской курткой, тельняшкой, с широким мужским ремнем, чуть ли не в два раза опоясавшим тонкую талию девушки. И уже совершенно неожиданным был репертуар. Демобилизованный моряк Краснознаменного Балтийского флота Татьяна Забродина читала почему-то игривое объяснение с маркизом Мирандолины — лукавой героини Гольдони («Хозяйка гостиницы»).

Звонкий, чистый голос, хорошая сценическая внешность, а главное, большая искренность и простота,— эти качества определили решение комиссии. Забродина была зачислена в студию Художественного театра. Исполнилось заветное желание Татьяны, которое ушло на второй план только раз в жизни, когда по окончании школы в 1943 году пошла она добровольцем в армию.

Потекли дни занятий, освоения сложных законов актерского мастерства. Для учебы брались произведения Горького, Островского, советских драматургов.

Когда в 1951 году Московский Художественный театр поставил сатирическую комедию Толстого «Плоды просвещения» (постановка народного артиста СССР М. Н. Кедрова), в центре спектакля, вероятно, впервые за всю сценическую историю этого произведения оказались образы представителей народа. Постановщик в трактовке комедии противопоставил мудрых и деятельных людей труда невежественным «просвещенным» паразитам из высшего общества.

По-новому зазвучал образ Тани в исполнении Татьяны Забродиной. Зачастую в спектаклях Таню изображали традиционной субреткой. А эту жизнерадостную, добрую, отзывчивую, работящую русскую девушку уж никак не сравнить со служанками западных комедий, плетущими интриги.

Ее сильные, ловкие руки, в которых все спорится, хотят настоящей работы, а здесь в доме что за дела? «Засупонивать» барыню в корсет да старательно ухаживать за собачонкой Фифкой! Таня плутует не из озорства, а потому, что очень уж ей хочется помочь мужикам, народу. Она-то знает, что без земли им совсем пропасть.

Понимает она с присущей ей сметкой, что все это «спиритичество», которым увлекаются господа,— бред и невежество. Глубоким издевательством звучит ее фраза, обращенная к хозяину: «...Что значит неученье-то наше!»

Забродина играет свою первую и пока единственную роль просто и обаятельно, умно и непосредственно. В ее тексте не пропадает ни одна фраза, ни одно слово.

И. ВЕРШИНИНА

Артистка Т. Забродина в роли горничной Тани. Спектакль «Плоды просвещения» Л. Н. Толстого на сцене МХАТ.

Артистка Эви Рауэр в роли Роози.

Второе рождение Роози

Двенадцать лет тому назад батрачка Роози пропела в церковном саду «Скоро станешь, скоро станешь ты моим навсегда» и обменялась кольцами с деревенским кузнецом Семидором. Но годы шли, а свадьба все откладывалась. Трудолюбивая и безответная, батрачила Роози у хозяина Камара, полагая, что такова ее доля, что ничто не изменит ее злой судьбы.

На все уговоры верного Семидора она отвечала неизменно: «Вспомни только, какая несчастная жизнь была у тех, которые женились, ничего не имея».

Эти полные безнадежности слова повторяла она жениху и тогда, когда свет новой жизни засиял на освобожденной эстонской земле. Нет, никогда не видать ей ни своей земли, ни своего дома, ни своей семьи!..

Такой забитой и обездоленной предстает в начале фильма «Свет в Коорди» батрачка Роози в исполнении эстонской драматической артистки Эви Рауэр.

Но вот удача как будто приходит и к Роози. Не понимая подлых замыслов своего хозяина, она наивно принимает от него «в дар» землю, семена, скот и баньку для жилья. Смущенно вытирая руку о передник, она протягивает ее «благодетелю».

Прислонившись к стогу сена, по-праздничному приодетая, терпеливо и напряженно ждет Роози обещанного ей трактора. Идут часы, а испорченная вредителем машина задерживается. Надежда сменяется тревогой и тоской. Шум мотора снова возвращает утерянную надежду. С несвойственной ей стремительностью Роози вскакивает навстречу трактору. Как она улыбается трактористу, как трогательно угощает его заботливо приготовленным завтраком! А когда трактор начинает работать, она бежит по борозде и слезы счастья катятся по ее изможденному лицу. Выразительно и сильно сыгран этот эпизод актрисой.

...Полна драматизма сцена, когда изгнанная хозяином Роози прибегает к Семидору и его друзьям — новоземельцам. В Коорди организуется колхоз, там начинается новая жизнь Роози.

Роль Роози невелика. Ее можно было бы назвать второстепенной, если бы не талантливая игра Эви Рауэр, впервые снимающейся в кино.

В финале картины зрители с удовлетворением видят энергичную, сияющую улыбкой Роози, обретшую свое счастье в дружной колхозной семье.

О. ОЛЬГИНА

Каменных дел мастера

Н. САВЕЛЬЕВ

Фото И. Фетисова

Озеро Колыван своей сказочной красотой выделяется из всех красивейших мест Алтая. Кажется, что чудо-богатырь сложил здесь в причудливые груды пласты гранита. В древних былинах и сказаниях русский богатырь Колыван Иванович рисуется непомерной силы человеком, хваставшимся, что он может землю перевернуть. Имя этого легендарного богатыря и получило озеро, а от него и деревня Колыванская (ныне Саввушка), расположенная близ его берега.

В начале XVIII века русские рудознатцы в поисках руд проникли в предгорья Алтая. Их внимание привлекла красота алтайских цветных камней, богатых оттенками. В 1786 году по указу Екатерины II на бывшем Локтевском заводе была сооружена «шлифовальная мельница» для поделки из камней художественных изделий. Присланные сюда мастера Петергофской фабрики Бакланов и Денисов строили эту мельницу и вместе со здешним мастером Голбиным учили рабочих искусству резки, шлифовки и полировки камня. В том же году был взят сюда из Змеиногорского рудника сын мастерового Филипп Васильевич Стрижков «гранильным учеником».

Кто посетил хотя бы однажды государственный музей Эрмитаж в Ленинграде, запомнит на всю жизнь чудесные изделия алтайских камнерезов. Прекрасные чаши, вазы и торшеры из порфира, яшмы, кварцита и мрамора украшают залы этого музея. Полированная их поверхность отражает, как в зеркале, солнечные лучи. Зритель невольно останавливается перед этими созданиями искусных рук и, читая скромные надписи, узнает о далекой Горной Колывани, родине их. Узнает и о том, что выдающиеся русские художники и зодчие выполняли рисунки, по которым затем были созданы эти чудесные изделия алтайскими мастерами Стрижковым, Ивачевым, Сунгуровым и другими.

Еще совсем недавно считалось, что безвестные крепостные мастера вручную изготовили эти шедевры. Иные досужие исследователи пытались утверждать, что обработка поделочных камней велась машинами, созданными иностранными изобретателями.

Но достаточно было изучить документы, хранящиеся в архивах,— и «секрет» старых колыванских камнерезов открылся. Стало известно, что нашу камнерезную промышленность вывела на первое место в мире еще в конце XVIII века отечественная механизация труда. Не иноземные изобретатели, а простые русские люди создали ту технику, которая позволила довести до совершенства изделия из цветных камней.

До изобретения первой машины огромные глыбы порфира пилились на части ручными пилами, причем в распил специально подсыпался мокрый наждак. После этого камень, чтобы придать ему округлую форму, обтесывали кирками. Железными терками, смазанными наждачной крошкой, мастеровые терли поверхность камня до тех пор, пока она не становилась гладкой и годной к полировке свинцовыми и оловянными дощечками.

Чаша диаметром до 17 сантиметров обрабатывалась 10 месяцев. Внутренность большой чаши высверливали ручным сверлом в десятках мест и затем скалывали остатки. Часто уже готовое изделие разрывалось при этом на куски, и работа начиналась снова...

В 1793 году Ф. В. Стрижков обратился к начальнику Локтевского завода с просьбою разрешить ему построить собственного изобретения машину, на которой он берется сделать чашу не за 10, а за 5 месяцев. Для пробы было решено приступить к одновременной обработке двух одинаковых чаш — на машине Стрижкова и по старому способу. Прошло 26 дней с начала работы, и талантливый изобретатель полностью закончил обработку своей вазы. Ваза машинной работы оказалась значительно лучше прежних, правильной овальной формы, равномерно обработанная. Изобретению Стрижкова решили дать ход и создать Колыванскую шлифовальную фабрику. К 1802 году Ф. В. Стрижков закончил строительство и механизацию нового предприятия. Станки изготовил он сам, улучшив притом их конструкцию.

Талантливый мастер, работая с простыми крепостными крестьянами-рудоразборщиками, создавал все новые и новые изделия, поражавшие мир. В 1803 году он писал, что изобрел новой системы машину, которая позволяет «на круглом ходу» вытачивать овальные фигуры из дерева, кости, металлов и камня. В 1808 году Стрижков выполнил резную вазу с ножками в виде химер и резьбой по корпусу. В 1811 году эта ваза была отправлена в Петербург, и в том же году, в мае, Ф. В. Стрижков скончался.

Существующая и поныне шлифовальная фабрика называется теперь Колыванским камнерезным заводом имени И. И. Ползунова. В 1952 году исполняется 150 лет со дня пуска в действие этого завода Ф. В. Стрижковым. Сейчас завод занят обработкой поделочных камней. Изумительные по красоте алтайские поделочные камни — незаменимый материал для украшения дворцов культуры, городских площадей, парков.

Не забыто камнерезами Колывани и художественное мастерство. В 1945 году Колыванский камнерезный завод сделал из алтайских цветных камней колонну Победы, хранящуюся сейчас в Музее революции в Москве.

Барнаул.

Ваза из коргонского порфира. Колыванский завод. 1808 год.

Ваза из фиолетовой хаиркулинской яшмы. Колыванский завод. 1788 год.

Государственный Эрмитаж.

Лыжня уходит за околицу...

Е. ШАТРОВ

Старт лыжного кросса в селе Сампур, Тамбовской области.

Фото А. Фирсова

Ветер разыгрался с полуночи. До самого утра свистел и подвывал он в трубе, надоедливо поскрипывал калиткой, швырялся в окна сухим, рассыпчатым снегом. Когда стало светать, Валерий Канаев вышел на улицу. Метель все еще продолжалась.

«Занесло лыжню! — подумал он с досадой, но тут же улыбнулся: — А питомнику теперь лучше... Яблонькам теплее у корня!» Молодой колхозный садовод Валерий Яковлевич Канаев — один из сильнейших спортсменов в артели имени Хрущева. Он и легкоатлет, и охотник, и лыжник.

Сегодня в селе Сампур, вот уже третье воскресенье подряд, даются старты участникам Всесоюзного лыжного кросса. Чего, собственно, беспокоиться за лыжню Валерию? Молодежь колхоза имени Хрущева участвовала в соревнованиях прошлый раз. Результаты показала неплохие. Сам Валерий Канаев занял на 18-километровой дистанции третье место. А сегодня должны соревноваться другие коллективы: спортсмены средних школ, служащие районного центра из общества «Искра», учащиеся школ механизации, объединенные обществом «Урожай». Нет, не может Валерий отнестись равнодушно к успехам или неудачам своих постоянных спортивных соперников. Надо сходить на село! Только бы не отменили кросс из-за вьюги! Да и самому вторично можно пойти.

По дороге на окраину села — к месту лыжных стартов и финишей — садовод догоняет колхозного техника-строителя Аркадия Елисеева.

— И ты на старт? — спрашивает Валерий.

— Пожалуй, на «десятку» пойду!

Против ожидания, несмотря на метель, у старта было уже много народу. Собрались не только участники состязаний. Подходят все новые и новые зрители. Явились болельщики даже из соседнего села Текино: это комбайнер Виктор Хорин и его однофамилец колхозный кузнец Алексей Хорин.

Об отмене сегодняшнего кросса никто не хочет и слышать. Мало ли что метель! Это лишь дополнительная трудность, которой спортсмены не испугаются! К тому же ветер понемногу стихает... Надо пробить новую лыжню... Только и всего!

Пробить заново лыжню поручается судьям-контролерам, которые уходят на трассу. А у старта идут последние приготовления к началу состязаний. Спортсмены тщательно покрывают лыжи мазью, проверяют крепления, палки. Тренеры дают советы своим ученикам. Все сходятся на том, что сегодня лучше всего держаться «тактики Оляшева». Прославленный советский лыжник заслуженный мастер спорта Владимир Оляшев всегда двигается против ветра переменным шагом. Именно так должны идти сегодня и лыжники села Сампур.

Достаточно послушать эти разговоры, взглянуть на девушек в лыжных шароварах, на значки ГТО у многих участников кросса, чтобы убедиться, как прочно и глубоко входит спорт в жизнь колхозного села. Интересно приглядеться и к зрителям. Здесь не только молодежь, но и много пожилых колхозников. Пришли посмотреть соревнования секретарь райкома партии С. Я. Ефимов, председатель райисполкома А. С. Кожанов.

Первыми получают старт на дистанцию в 3 километра девушки. Они отправляются в путь тремя группами, человек по пятнадцать в каждой.

Конечно, труднее всего приходится физкультурницам, стартовавшим в первом забеге. След, оставленный на снегу лыжами контролеров, успело занести, и девушкам пришлось заново прокладывать дорожку.

Но вот вдали показываются первые фигуры спортсменок. Впереди всех уверенно шагает Галина Мягкова, ученица средней сампурской школы. Вот она все ближе и ближе... Еще один рывок — и девушка пересекает линию финиша.

Три километра пройдены ею за 20 минут 20 секунд. Этот результат гораздо лучше нормы ГТО первой ступени. Но кого удивишь теперь в Сампуре выполнением норм ГТО?

Посмотрим, что покажут остальные. Римма Гаранина, стартовавшая во второй группе, улучшает результат на 30 секунд. Людмила Беленчева, участница третьего забега, сбрасывает еще минуту. Вот это — уже достижение!

На старте выстраивается новая группа лыжников. Взмах красного флажка отправляет в путь юношей.

Первым из них заканчивает трехкилометровую дистанцию Юрий Яковлев. Он показывает отличное время — 15 минут 37 секунд. Нет ничего удивительного: Юрий и в школу каждый день ходит на лыжах с хутора Громок и обратно. Не намного отстали сегодня от Юрия его ровесники Виктор Курохтин, Александр Разоренов и другие.

К середине дня ветер почти совсем утих. Результаты обещают значительно улучшиться.

— Когда же пойдут на «десятку»? — нетерпеливо спрашивает Валерий Канаев у техника Емельянова.

Оба представителя колхоза имени Хрущева успели уже заявить судейской коллегии о своем желании участвовать в соревнованиях.

Наконец участников гонок на 10 километров вызывают на старт. Первыми уходят на дистанцию спортсмены общества «Искра» и общества «Урожай». Во второй группе стартуют Валерий Канаев, Аркадий Емельянов, Виктор и Алексей Хорины, Василий Лунин и другие члены спортивного общества «Колхозник».

Лыжня уходит далеко за околицу села Сампур. Она тянется мимо дубового леска, вьется по чистому полю, спускается в овраги, поднимается на взгорья и доходит до школы соседней деревни. Тут поворотный пункт.

Валерий Канаев пока что поровнялся с дубовым леском. Он идет еще медленно, неторопливо, постепенно втягивая свое тело в равномерное, ритмичное движение. Десять километров — серьезная дистанция. Надо умело распределить на ней свои силы, нельзя растратить запасы энергии на первом же отрезке пути. Лыжи скользят отлично. Помогает сейчас Канаеву и рельеф местности: трасса гонок имеет небольшой уклон.

Но вот уклон сменяется пологим и длинным подъемом. Валерию приходится сильнее нажимать на лыжи, энергичнее отталкиваться палками. При этом надо следить за дыханием. Оно должно оставаться ровным. Вдох — выдох... Вдох — выдох... Прошло 7—8 минут, подъем позади. За оврагом виден уже поворотный пункт — школа.

Садовод чувствует, что он совсем не устал, что сил у него много, и позволяет себе увеличить темп. До школы ему удается опередить двух или трех лыжников. Но это — только начало спортивной борьбы. На второй половине дистанции она сразу же обостряется.

Еще делая поворот, Канаев заметил, что к нему приблизился отставший было Аркадий Елисеев. Ну, нет! Валерий товарищу не уступит! Садовод начинает идти быстрее, но то же самое делает и техник-строитель. Вскоре Валерий чувствует, что его соперник совсем уж близко, почти за спиной... Уйти сильным рывком! Но разве Елисеев примирится с тем, что просвет между ним и Канаевым вдруг увеличился?

Между колхозными лыжниками идет упорная, напряженная борьба. А в селе между тем готовятся к финишу участников первого забега на «десятку». Они уже показались у леса.

Впереди всех красивым, широким шагом скользит Юрий Ланшин. Он сын колхозника, ученик десятого класса и тренер-общественник лыжников спортивного общества «Искра». Юрий мчится через живой коридор зрителей и пересекает линию финиша раньше других. Двумя минутами позже заканчивает дистанцию будущий комбайнер, учащийся школы механизации Иван Пронин. Следом за ними финишируют один за другим и остальные участники первого забега.

Вдали видна вторая группа лыжников. Судьи снова приготовили секундомеры. Кто же тут впереди?

— Канаев!.. Канаев!.. Валерий, нажми! — кричат зрители.

Колхозный садовод идет изо всех сил. Последний рывок — и судьи констатируют, что Валерий Канаев — победитель забега. Аркадий Елисеев немного отстал. Оба товарища поздравляют друг друга с выполнением нормы третьего спортивного разряда.

Только за один день в селе Сампур участвовало в лыжном кроссе 130 человек. А по всему району число участников этих спортивных состязаний достигло 1 200. До конца Всесоюзного кросса на старт гонок выйдет еще не меньше 800 сельских лыжников. Итого 2 тысячи участников кросса по одному лишь району Тамбовской области!

По всему же Советскому Союзу в кроссе участвовали миллионы. Это — самое массовое соревнование лыжников.

Далеко за околицу, к заснеженным полям и перелескам, уходят накатанные до блеска лыжни... Тот, кто вступил на них в первый раз, кто узнал теперь прелесть борьбы за секунды и метры, обязательно постарается испытать свои силы и в других видах спорта. Испытать и добиться успеха.

с. Сампур,
Тамбовская область.

← Проект Дома физкультуры в Шахтах.

ШАХТЕРСКИЕ ДОМА ФИЗКУЛЬТУРЫ

Огромная армия советских шахтеров славится не только своими трудовыми победами. В ее рядах много крепких физкультурных коллективов, достойно защищающих спортивную честь горняков. Страна готовит им ныне замечательные подарки: в основных угольных бассейнах Союза строятся шахтерские дома физкультуры.

Один из крупнейших среди них — Дом физической культуры в Караганде. Воздвигается он в центре Нового города, на большой площади. Обширное, светлое здание, украшенное казахским народным орнаментом, будет со всех сторон открыто солнцу, воздуху. Архитектор (автор проекта — Л. Б. Райкин) предусмотрел в нем все, что необходимо для игр, тренировок, для роста спортивного мастерства физкультурников: просторный гимнастический зал с трибунами для зрителей, залы тяжелой атлетики, борьбы, бокса, штанги. Более 900 квадратных метров займет зал плавательного бассейна с трибунами для зрителей. При надобности чаша бассейна сможет перекрываться сборно-разборным настилом и превратится в ринг, в арену для борьбы, бокса и других спортивных игр. К услугам участников спортивных соревнований, прибывающих в Караганду из районов Казахстана, создаются благоустроенные общежития. Оборудуются и фотарии, где шахтер-физкультурник, приняв горячий душ и отдохнув после работы под землей, будет облучаться горным солнцем.

Пройдет немного времени, и главная магистраль Нового города — проспект имени И. В. Сталина — украсится еще одним красивым зданием.

В разгаре строительство Дома физкультуры в городе Шахты (Донбасс). И тут архитектор (автор проекта — И. М. Ламден) позаботился о том, чтобы создать все условия для тренировок, массовых состязаний борцов, боксеров, тяжелоатлетов, пловцов. Предусмотрены и уютные фойе, залы отдыха, библиотека-читальня, комнаты для приезжающих.

В Прокопьевске начато сооружение Дома физкультуры, который будет строиться по типу шахтинского.

Институт «Центрогипрошахт» проектирует такие же дома для шахтеров Кадиевки и Красного Луча (Донбасс), для угольщиков Сибири — в Черемхове.

Уже в этом году государство затрачивает большие средства на сооружение горняцких домов физкультуры, которые по своей архитектуре, отделке и оборудованию явятся подлинными дворцами. Это — еще одно яркое свидетельство неизменной заботы партии и правительства о здоровье и культуре шахтеров.

Юная рекордсменка

Люся Пузанкова финиширует в беге на 500 метров.
Фото Л. Доренского (ТАСС)

По ледяной дорожке катка стадиона «Динамо» в городе Горьком плавно скользит на коньках невысокая плотная девушка. Корпус ее пригнут, руки сложены за спиной. Движения четки, размеренны.

В центре катка стоит пожилой высокий человек. Он внимательно следит за движениями девушки, бросает ей короткие указания.

Идет очередная тренировка. Заслуженный мастер спорта Александр Петрович Брылин занимается со своей ученицей Люсей Пузанковой.

Впервые они встретились год назад, в марте 1951 года. Пятнадцатилетняя школьница из города Павлово на Оке Люся Пузанкова приехала тогда в Горький на областные соревнования конькобежцев. Результаты ее были слабыми, бег был примитивным.

Но опытный глаз тренера выделил Люсю среди других. Ее энергия на дистанции, рывок на финише понравились старому спортсмену.

Перед отъездом Люси домой, в город Павлово, Брылин дал юной спортсменке советы:

— Занимайся легкой атлетикой, играй в волейбол, плавай.

Вторая встреча тренера Брылина с Люсей Пузанковой произошла нынешней осенью.

Учеба сочеталась со спортивными выступлениями. Девушка оказалась очень восприимчивой. Она хорошо усваивала технику бега, и вскоре у нее стал вырабатываться свой стиль.

На Всероссийских соревнованиях конькобежцев, происходивших в Горьком, Люся установила ряд рекордов.

В конце февраля и в марте юная спортсменка обновила таблицу всесоюзных рекордов по группе девушек ее возраста.

Пятьсот метров она пробежала за 50,1 секунды; тысячу — за 1 минуту 45,5 секунды; полторы тысячи — за 2 минуты 42 секунды; три тысячи метров — за 5 минут 51,5 секунды. Улучшила она итог и по сумме очков трех и четырех дистанций.

За два месяца 16-летняя спортсменка установила четырнадцать всесоюзных рекордов. Замечательный успех!

В. ДМИТРИЕВ

Разминка в пути

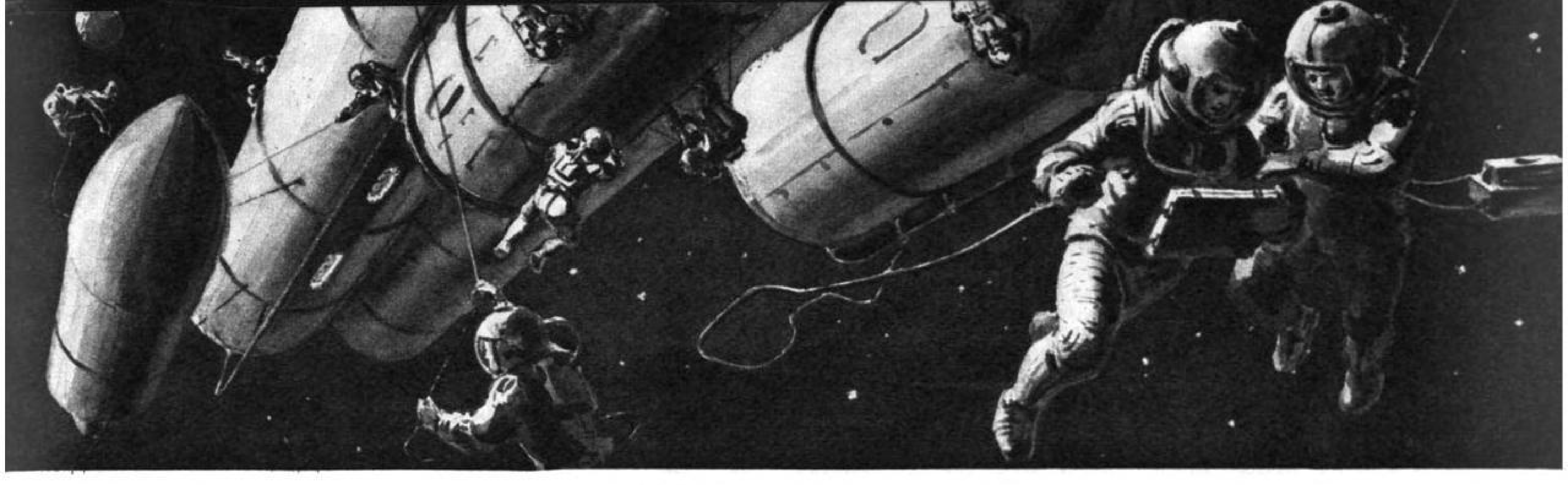
Нашим спортсменам, отправляющимся на соревнования, зачастую приходится совершать длительные путешествия. Поездка, скажем, из Москвы до Алма-Аты на состязание по конькам и лыжам занимает пять суток. Как же за это время сохранить спортивную форму, чтобы выйти на старт в полной боевой готовности?

Горнолыжники общества «Искра» за время долгого пути из Ленинграда на всех больших станциях делали зарядку, пробежки, специальные упражнения. На территории Актюбинской и Кзыл-Ординской областей их встретили мороз и заснеженные платформы, а в Чимкентской области — весеннее солнце и уже освободившаяся от снега земля.

Несмотря на то, что ленинградским лыжникам пришлось выступать на другой же день после приезда в Алма-Ату, они добились хороших результатов.

Ленинградские лыжники общества «Искра» проводят разминку в пути.
Фото О. Кнорринга

РЕПОРТАЖ-ФАНТАСТИКА

На малой луне

А. ШТЕРНФЕЛЬД

Рисунки Н. Кольчицкого

Из овального окна малой луны видна наша планета. Величественная, окутанная облаками и тучами, она висит над черной бездной, слегка затуманенная голубоватой дымкой. Материки и моря быстро проносятся перед нашими глазами.

Восхищенные изумительной панорамой Земли, по сравнению с которой Солнце кажется карликом, мы, держась за ручки, привинченные к стенам, жадно прильнули к окулярам сильных зрительных труб.

Блистает синевой Черное море. Угловатый Крымский полуостров словно обведен карандашом. Ни один глобус не передает его очертания столь выразительно. Полминуты — и Крым скрывается за горизонтом. Проплывают тучные степи Украины, Дон, соединенный с Волгой, великая русская река, превращенная в цепь морей-водохранилищ...

Земля близка, она как будто совсем рядом, а здесь, почти на 280-километровой высоте, в кабине искусственного спутника, нашей сегодняшней квартире, не все так, как на планете.

Пора позавтракать, и мой товарищ медленно и осторожно, будто несет хрупкую вазу, передвигается к шкафчику с продуктами. Он не может ходить, он потерял свой вес и весит сейчас меньше, чем ничтожная пылинка на Земле. Дело в том, что мы подвержены силе притяжения малой луны точно так же, как на самой планете силе земного тяготения. Но поскольку масса нового спутника ничтожна, действие силы его притяжения не ощущается.

Держась за вделанные в стенку эластичные ручки, мой товарищ плывет, не касаясь ногами пола. Резкий взмах руки или ноги может его перевернуть. Повторяя его движения, плыву и я.

Вскипятить воду и напиться чаю — сложная проблема. Вода, как и все, что находится на малой луне, да и она сама, ничего не весит. Вода не льется; несмотря на наши самые изощренные старания, она не течет в чайник. В лучшем случае удается вытолкнуть ее из бака, и она повиснет прозрачной массой в воздухе.

Мой помощник, нажимая на рукоятку насоса, перекачивает воду в электрический самовар, где она все время перемешивается. Вскоре чай готов. Я его сосу из резиновой груши, как младенец. Товарищ, едва сдерживая смех, следует моему примеру.

Да и завтрак ли это, когда за 24 земных часа на малом спутнике шестнадцать раз бывает день и столько же раз ночь. Иначе говоря, мы за земные сутки 16 раз оборачиваемся вокруг планеты. Ночь у нас — это своего рода солнечное затмение: Земля заслоняет Солнце. Малая луна заходит в тень, которая распространяется на небольшую часть орбиты спутника. Поэтому ночь всегда короче дня.

Сутки длятся 1 час 29 минут 45 секунд, а самая длинная «зимняя» ночь — 37 минут. Только что косые лучи Солнца струились в окно, и вдруг стремительно разливается темнота.

Звезды неспеша передвигаются к черной Земле, огромной, занимающей почти три четверти небесного свода, и, мигнув прощально, как бы проваливаются за ней, а с другой стороны возникают новые. Вдали проступает светлая тонкая дуга. Она вытягивается, становится шире; это атмосфера Земли рассеивает солнечные лучи.

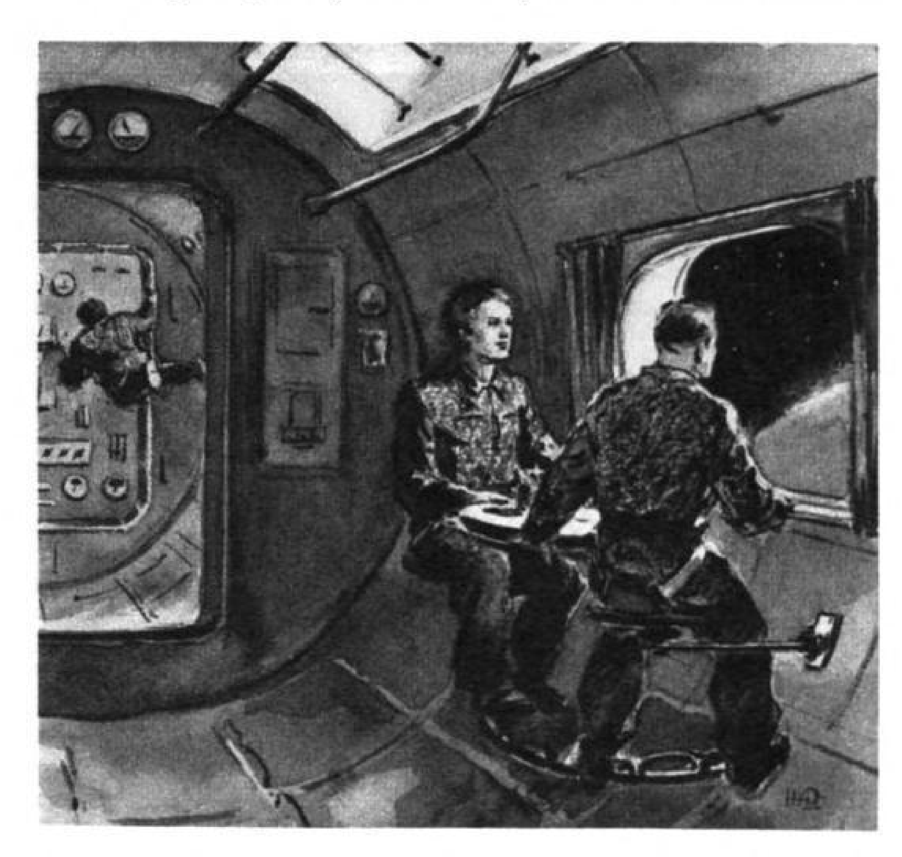
Из-за горизонта выглянуло Солнце. Между облаками и тучами просвечивают контуры Кольского полуострова. Серебрятся горные хребты, их резкие тени ясно очерчены в пору рассвета. Ночь нынче длилась всего пять минут.

В бесконечных просторах Вселенной рассеяны неисчислимые светила; фосфорится и бежит широкая река Млечного пути. Мы на самом краю мира нового, мало изведанного, загадочного.

Стены космического корабля оберегают нас от разрушительного действия ультрафиолетовой радиации Солнца и других вредоносных излучений, пронизывающих межпланетное пространство.

Невидимые волны радиолокатора рыщут по сторонам, как разведчики. Вот они наткнулись на камешек, другой; целый рой небесных странников отразился на экране. Это метеориты, которые постоянно падают на Землю. Не долетая до ее поверхности, они раскаляются в воздухе и сгорают дотла. Опасны ли метеориты спутнику, не окутанному спасительной атмосферой, или, когда она крайне разрежена?

Кажется, будто град барабанит

по спутнику, и сразу возникает тревожная мысль: не пробьют ли метеориты обшивку? Нет, всесторонне испытанный материал защищает нас от небесной бомбардировки. Если даже ударит крупный метеорит,— впрочем, его попадание маловероятно,— и пробьет стену, то резиновый пластырь, приложенный нами к щели, будет прижат давлением воздуха в кабине и закроет отверстие...

Слишком поспешно мой товарищ отстегивает ремни, которые удерживают его в кресле из полых трубок. Резкое движение — и он кувыркается, его голова мелькает то у пола, то наверху. Впрочем, понятие о верхе и низе для нас исчезло: оно условно. Я ловлю товарища, потерявшего равновесие, за пояс и усаживаю в кресло.

Вместо благодарности он бросает:

— Ракета!

На экране она ясно видна: летит впереди нас почти с такой же скоростью, как малый спутник. Мы догоняем ее, и кажется, вот-вот столкнемся. Но вдруг из хвоста ракеты вырывается сноп пламени. Она отрывается от нас. Однако расстояние постепенно уменьшается. Нас разделяет всего лишь несколько сот метров.

Огненная струя медленно гаснет. В окне ракеты появляется широкоплечий, с моложавым энергичным лицом директор нашего института. В радионаушниках слышится его голос:

— Привет жителям Космоса!

Ракета касается обшивки малой луны, щелкает автоматическая сцепка, и наш корабль вырос на

одну секцию. Одиночество кончилось. Воздухонепроницаемый тамбур соединяет люки, мы шумно приветствуем друг друга.

А тем временем в Калуге на космодроме института имени К. Э. Циолковского идет очередная подготовка к взлету. Через каждые 23 часа 56 минут 4 секунды, с громовым гулом извергая огненный столб газов, новая ракета взмывает в небо.

С математической точностью она описывает заранее рассчитанную дугу, сбрасывая выгоревшие, ненужные двигатели на парашютах. Не проходит и четверти часа, как ракета прибывает к нам, словно маленький поезд с двумя баками-вагонами, раньше заполненными топливом. Эти баки мы соединяем в одно целое, и так растет наш космический остров.

Может показаться странным, что всем ракетам удается соединиться с нашим спутником. Но это не столь сложно. Перелеты из одного города в другой на самолетах, оснащенных приборами-автопилотами,— обычное явление. А малая луна, несмотря на свое стремительное движение, в момент вылета очередной ракеты находится в одном и том же положении относительно космодрома в Калуге. Вдобавок ракеты снабжены радиопеленгаторами и радиолокаторами.

За несколько месяцев до нашего отлета «остров» был построен в Калуге. Мы прожили на нем три недели. У нас было все, что необходимо в межпланетных просторах: кислород и продовольствие, приборы и скафандры, лаборатории и мастерские. После испытаний мы демонтировали сооружение на составные части, а теперь их перебрасываем и соединяем, строя малую луну.

На искусственном спутнике двигатели выключены, он летит по инерции, подобно небесному телу, подчиняясь тем же законам природы, что и Луна, которая никогда не остановится, не упадет на нашу планету.

Остров совершает замкнутые круги диаметром в 13 288 километров со скоростью 7 752 метра в секунду. Будь это естественная малая луна, она бы двигалась точно так же. Снижение скорости хотя бы на 50 метров в секунду неизбежно заставило бы нас опуститься на Землю.

На высоте нашего парения воздух крайне разрежен, но все-таки он слегка тормозит скорость спутника. В течение нескольких месяцев скорость чуть-чуть уменьшится; тогда с помощью ракетного двигателя мы ее легко восстановим.

Трудно ли перенести скорость, в сотни раз превышающую скорость экспресса? Нет. Вспомните, когда поезд идет плавно, без толчков, разве вы ощущаете его движение? Вам кажется, что видимый из окна пейзаж убегает назад, а поезд стоит на месте. Земля мчится со скоростью 30 километров в секунду вокруг Солнца, и мы этого не замечаем. Так и сейчас пропало ощущение скорости: будто небесные тела куда-то спешат, а корабль неподвижен.

Сегодня у нас большой день. Физик готовится изучать солнечные лучи вне малой луны. Кинооператор снимает физика, который надевает скафандр и пробирается к выходному тамбуру.

Мы извлекаем из футляра термометр, не похожий на обычные, всем нам знакомые. Это черный шар, он будет поглощать солнечные лучи в их чистом виде, не искаженные атмосферой. Физик берет шар, чтобы установить его вдали от малой луны; там на его температуру ничто постороннее не будет влиять. Мы провожаем товарища. Он направляется на палубу. За ним следует кинооператор, который стремится все запечатлеть на пленке.

Тамбур герметически закрывается. Насос удаляет из него воздух. Открывается наружная дверь, и люди в скафандрах, привязанные шнурком, медленно плывут по палубе. Почти все население острова собралось в кают-компании. Мы смотрим через овальные окна на своих товарищей.

Кинооператор, касаясь рукой перил, останавливается, словно намереваясь прыгнуть в пропасть. Да, он действительно бросается за борт и плывет в пустоте, как по воде.

Почему он не упал вниз, на Землю, а остался висеть в бездонной пустоте?

Человек невесом и за бортом нашего корабля. Он, как и космический остров, мчится по замкнутому кругу и не может упасть вниз. Каждый знает, что если быстро вращать ведро с водой, то она не выливается и тогда, когда ведро переворачивают: центробежная сила уравновешивает силу земного притяжения.

Физик прыгает в беспредельный океан и плывет вперед, пока не разматывается весь шнурок. С трудом он устанавливает неподвижно черный шар-термометр, соединенный изолированными проводами с малой луной.

Кинооператор, примостившись у борта, нацеливает свой аппарат на тамбур. Вот открывается дверь, и пять человек в скафандрах, гуськом, плавно и чинно плывут с коробками в руках. Приборы из коробок извлекаются, и на наших глазах в пространстве возникает нечто вроде паруса, перетянутого проволокой. Это радиотелескоп с антеннами — они будут принимать радиосигналы, излучаемые Солнцем и звездами. Прибор повис в пустоте, и он тоже мчится, огибая Землю, с такой же скоростью, как и наш корабль.

Еще одна группа сотрудников выносит астрономические приборы — астрограф и спектрограф. Сквозь стекла скафандра радостно улыбается астроном: он впервые фотографирует далекие светила не искаженными атмосферой.

Постепенно пространство возле малой луны заселяется. Рядом кто-то шутит: переезжаем на дачу...

Люди один за другим возвращаются на палубу и, уцепившись за перила, смотрят вдаль. Что случилось?

В наушниках гудит колокол. Исчез кинооператор! Возможно, он летит по направлению к Солнцу. Оно ослепляет нас. В кают-компании заработал локатор, и вот его лучи нашли пропавшего. Он барахтается вокруг своей оси примерно в двух — трех километрах от корабля.

Мгновенно начинается ночь, и только лунный свет пронизывает тьму. Спасательная команда, вооруженная фарами, двинулась в путь и вскоре вернулась с кинооператором. Оказалось, что, увлеченный съемкой, он подплыл под корабль и нечаянно отцепил шнурок. Легкого толчка было достаточно, чтобы унестись в даль.

Жизнь на малой луне идет своим чередом. Сверху мы наблюдаем то, чего никому не удается видеть: движение облаков и туч над необозримыми просторами материков и морей,— а это помогает нащупать ту связь, которая объединяет явления в великой лаборатории природы.

Астроном изучает космические лучи, которые непрерывно падают на нашу планету. Вне Земли возможно полное и всестороннее познание этой могучей энергии, которая, как утверждают некоторые исследователи, превышает атомную.

На Земле только во время затмения Солнца, когда его диск закрывает Луна, видна серебристая корона нашего дневного светила. В эти считанные минуты, и то если нет облаков, удается ее фотографировать.

Мы же корону видим ежечасно! Засняты на пленку вихри, огненные фонтаны — протуберанцы, бьющие на сотни тысяч километров.

Пролетая над Северным морским путем, условно разбитым на двенадцать участков, мы сообщаем о состоянии льдов. Ни свинцовые, нависшие тучи, ни разбухшие облака или густой туман не препятствуют нашим наблюдениям. Снимки делаем в инфракрасных лучах, пробивающих пелену...

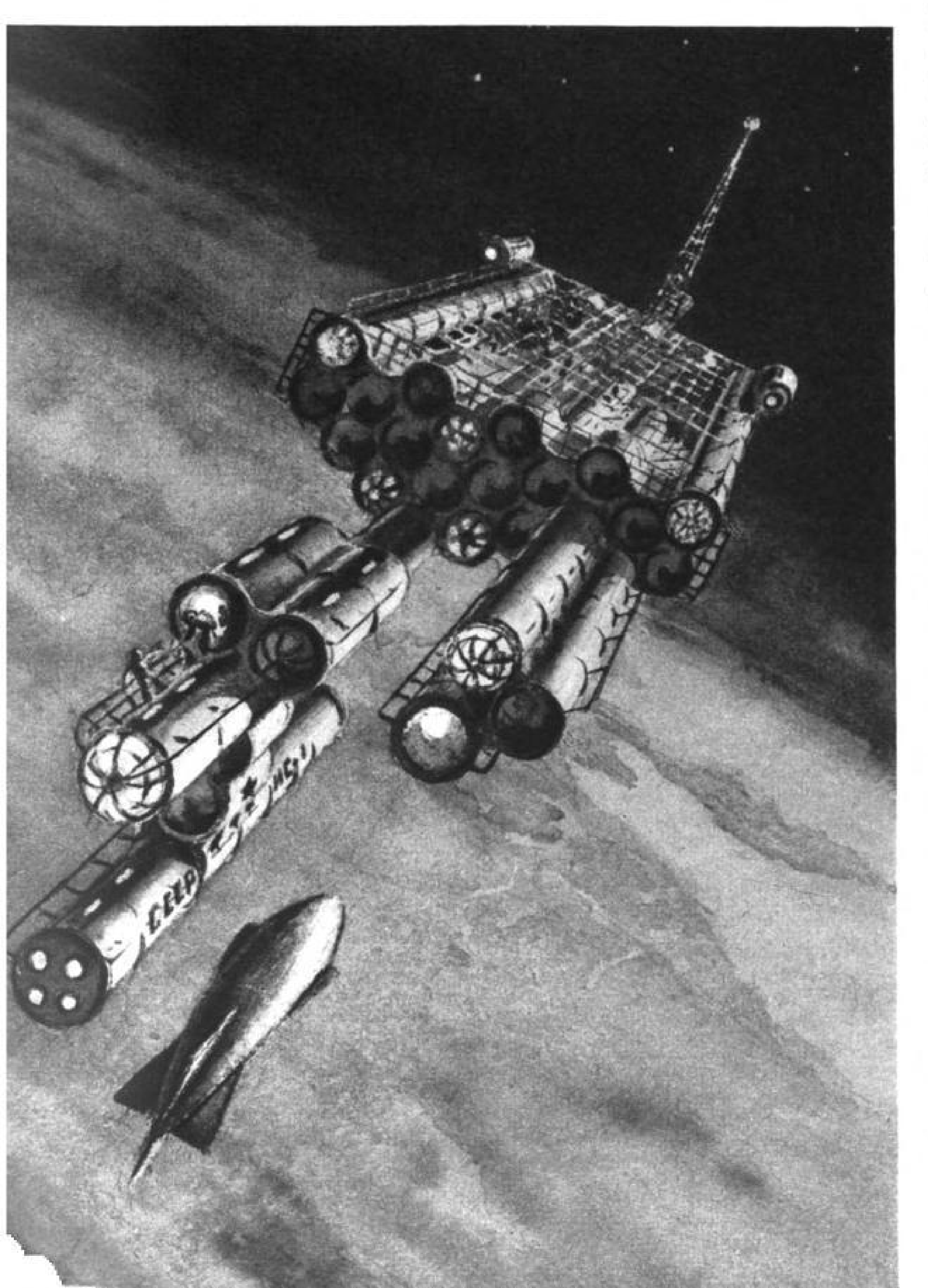
Как нам сообщили с Земли, космический корабль кажется там звездочкой. Его видят в полевой бинокль перед рассветом или в сумерках, когда, освещенный Солнцем, он проносится по небосводу. Много раз в сутки он пролетает над нашей страной в разных направлениях. Его наблюдают в Москве, Киеве и Тбилиси, в Ленинграде, Мурманске и Свердловске, в Новосибирске, Иркутске и Владивостоке.

В минуту его восхода диктор местного радио сообщает: «Внимание! Сейчас на горизонте покажется наша малая луна!» Люди стоят на улицах и смотрят вверх в бинокли...

Прошло два месяца. Малая луна сделала тысячу оборотов вокруг Земли. Предстояла смена команды. Десять человек вошли в планер с малым реактивным двигателем. Мелькнуло пламя, и мы отчалили, стали погружаться в более плотные слои атмосферы. Описав широкую дугу, планер опустился на московский космодром.

В этот же день из Калуги поднялась ракета, унося на искусственный спутник новых людей.

Отдохнув в привычной земной обстановке, мы вернемся на космический остров, чтобы отправиться оттуда, как от промежуточной станции, на Луну.

Оскорбление

Рассказ

Фахри ЭРДИНЧ

Рисунки В. Высоцкого

Фахри Эрдинч, турецкий писатель, поэт и публицист, последователь творчества Маяковского в поэзии, — один из немногих представителей передового, реалистического направления в турецкой литературе. За свою прогрессивную деятельность он неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению. С 1949 года Фахри Эрдинч живет в Софии и сотрудничает в газете «Новый свет», издающейся на турецком языке.

«... и вот поэтому мы разучились прощать».

Назым Хикмет.

Перед остановкой шага за три я вскочил в трамвай. На тротуаре раздался пронзительный свисток. Вагоновожатый затормозил так, что все в вагоне повалились друг на друга. На площадке появился полицейский.

— Кто вскочил на ходу в трамвай до остановки?

По привычке, которая сохранилась во мне со школьной скамьи, я поднял палец.

— Выходи!

Я сошел.

Разрешив трамваю следовать дальше, полицейский приказал мне идти с ним. Мы свернули в первую улицу, и я понял, что мы идем в полицейский участок на улице Бейоглу. Когда произносят слово «участок», я перестаю существовать. Я словно чувствую запах бойни. И иногда, как овца, начинаю тосковать, а иногда, как молоденький бычок, начинаю бодаться.

— Господин полицейский, — начал я, — я знаю, что...

— Ничего ты не знаешь,— перебил он меня. — Вот заплатишь сто два пиастра, тогда поймешь, что вскакивать в трамвай на ходу воспрещается.

— Вы правы. Но я хотел поспеть на пароход. Вы уж извините меня на этот раз.

Вижу: не слушает. Идет и подталкивает меня.

— В таком случае, — сказал я, — позвольте мне сейчас заплатить вам эти сто два пиастра, не ведите в участок... А квитанцию вы потом выпишете и разорвете.

Он посмотрел мне прямо в глаза и немного подумал.

— Давай, — сказал он наконец. — Но знай, что я не каждому оказываю такую милость. Благодари господа за то, что ты эфенди.

Когда я полез в карман, он все еще продолжал говорить:

— А если бы попал к нашему комиссару, ста двумя пиастрами ты не отделался бы.

В это время со стороны участка показался еще один полицейский. Оставив меня посреди дороги, стражи порядка отошли в сторону и принялись о чем-то говорить. Я прислушался.

— На тебя жаловались, — сказал тот, который шел нам навстречу.— Они записали номера лир, которые дали тебе. Комиссар в затруднительном положении. Смотри, не отпусти этого, веди!..

Дело принимало нежелательный оборот, но когда полицейский подошел ко мне, я, как ни в чем не бывало, протянул ему приготовленные деньги. И в тот же момент получил по лицу удар, от которого у меня посыпались искры из глаз.

— Ах... ты... ишачий сын!.. — сказал он. — А ну-ка, смотри мне в глаза!

Но разве мне было до того, чтобы смотреть ему в глаза? Из носа к губам потекло что-то теплое... Во время второго удара я схватил его за руки:

— Что я сделал, почему бьешь?

— А разве ты не давал мне взятку? Ах, ты!.. Мой товарищ — свидетель!

— Хорошо, но разве ты сам не сказал мне: «Давай»?

— Ага, значит, ты еще клеветать вздумал? А ну, вытирай нос! Пошли!

Мы двинулись и через две минуты были в участке. Полицейский, отдав честь дежурному комиссару, доложил:

— Я снял его с трамвая, эфенди. Вот деньги, которые он мне предложил. А вот это пуговицы, которые он оторвал на мне во время нападения.

Он положил на стол две пуговицы. Я остолбенел, так как не заметил, когда он оторвал их. Очевидно, они были прикреплены к шинели спичками.

Комиссар, лысый, со сморщенным лицом человек, сказал:

— А ну, подойди, хулиган!

Он указал мне на скамейку и затем обернулся к полицейскому.

— Эти господа, — сказал он, — жалуются на тебя, Осман эфенди. Ты их якобы снял с трамвая, а по дороге в участок получил с каждого по лире и отпустил!

Перед комиссаром стояли два молодых человека. Я видел их спины. На ногах у них были туфли на толстой подошве и высоких каблуках. Брюки в дудочку. Пиджаки чуть-чуть не закрывали колени. Волосы на затылке были зачесаны крест-на-крест.

— Я не взял с них и гроша, — оправдывался полицейский. — С ними были еще две девушки, они вместе с ними сошли с трамвая. Они объяснили, кто такие эти молодые люди, и попросили меня за них. Я и решил, что вести в полицейский участок сына паши и племянника депутата — значит унизить славные имена. Из уважения к ним я отпустил этих юношей!

— Хорошо, — сказал комиссар, — но они запомнили номера двух лир, которые тебе дали, Осман эфенди. Номер 003206 и номер 112771...

Полицейский вынул свой бумажник и положил на стол.

— Пожалуйста, господа, — сказал комиссар, — посмотрите сами. Я даже позволяю вам осмотреть карманы своего подчиненного.

Молодые люди к кошельку не прикоснулись, и комиссар сам вытряхнул из него содержимое. Надо сказать, что в бумажнике не оказалось ни одной лиры. Комиссар сложил руки на животе и начал читать лекцию:

— Вы благородные мальчики, и ваш долг — оберегать честь моего самого почтенного полицейского в такой же степени, в какой здесь вам самим оказывают уважение. Сейчас мы имеем дело с явной клеветой. Если это обвинение я подведу под статью «Оскорбление» и составлю протокол, то вам не сдобровать. Но этого мне не позволяет сделать мое уважение к вашим почтенным родственникам. Итак, что хорошего получится, если вы будете настаивать на своей жалобе?.. А если вы не настаиваете, тогда мир, и давайте покончим с этим делом...

Оба молодых человека разом ответили:

— Хорошо, эфенди. Мы берем назад свою жалобу.

— В таком случае извинитесь перед Османом эфенди!

Последовал взаимный обмен любезностями: «Простите, пожалуйста, прошу вас... Помилуйте... Вы свободны... Большое вам спасибо... Счастливого пути... Мое почтение...» и прочее и прочее.

Как только молодые люди ушли, комиссар и Осман эфенди проворчали им вслед: «Прохвосты!»

Очередь за мной. Я подошел к комиссару. Он сказал:

— Ах ты, собака!..

Я сейчас же возразил:

— Вы не должны ругаться!

— Кто тебе это сказал? Я буду ругать и тебя и всех твоих родственников, как только захочу!..

Я замолчал, понимая, что возмущаться было бесполезно.

— А ну, говори, — продолжал комиссар, — как ты осмелился давать взятку полицейскому, одетому в официальную государственную форму, и напасть на него при исполнении им служебных обязанностей? Ты где, в горах находишься или в Стамбуле? Откуда ты?

Я рассказал ему все, как было. Запугивания прекратились, но комиссар принялся читать мне лекцию. Он говорил о законе, о порядке, о статье за оскорбление, о полицейском благородстве, о чести и о том, что он никогда не говорит неправду. Потом он сказал, что за одну пуговицу, оторванную на шинели полицейского, виновного сажают на десять дней в тюрьму. Одновременно он выписывал квитанцию о взыскании муниципального штрафа в сумме сто два пиастра, которые я должен буду заплатить.

Расспрашивая обо всем по порядку: как меня звать, кто мои родственники, сколько мне лет, где я работаю, — он не забыл спросить ни о вероисповедании того, кто был моим крестным отцом, ни о родословной того, кто сделал меня учителем.

Я положил на стол бумажку в пять лир. В кассе не хватило мелочи для сдачи. Тогда комиссар добавил лиру из своего кармана и протянул мне сдачу вместе с квитанцией.

То выражение серьезности, какое бывает у лошади, когда она пьет воду, несколько смягчилось на лице комиссара. Он вдруг сказал:

— Ну, давай! Проси и ты извинения у Османа эфенди.

Я встретился глазами с Османом эфенди. На его гнусной физиономии не было и тени стыда. Я молчал. Комиссар повторил:

— Проси извинения, а не то посидишь у нас ночь в подвале!

Я извинился:

— Простите, Осман эфенди!

Не знаю, «простил» ли меня Осман эфенди или нет, но я до сих пор не могу простить себе этой покорности. Когда я выходил, комиссар сказал с злобной усмешкой:

— Если не нравится, напиши и об этом рассказ. Тогда мы увидимся снова...

Этот рассказ «Оскорбление», который отражает лишь небольшую долю наших страданий, я мог бы написать у себя на родине эзоповым языком. Но доказать, что Осман эфенди и полицейский комиссар являются сообщниками, было бы трудно, хотя на лире, которую комиссар, вынув из своего кармана, дал мне, стоял номер 003206.

Перевел с турецкого Игорь Печенев

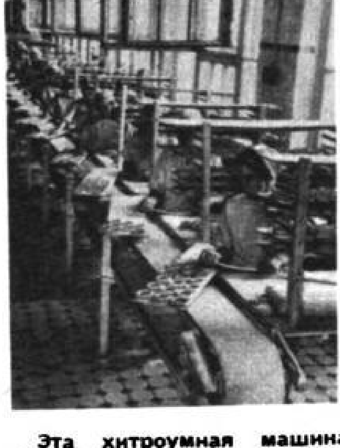
Климат Таймыра суров. Зимой свирепствует пурга, солнце появляется редко, и пейзаж в эти дни мрачен, неприветлив. Но как хорошо здесь в тихий, солнечный зимний день! Бирюзовое небо кажется необыкновенно глубоким, воздух чист и прозрачен.

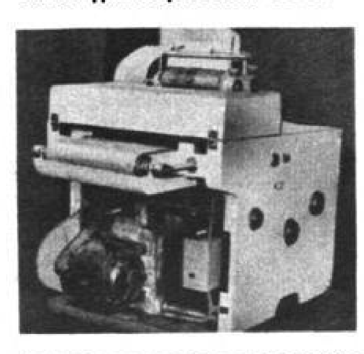
Снимок фотолюбителя врача В. Родионова

Бараночный автомат

Тридцать девушек, стоя рядом у транспортера, вручную раскатывают тесто, которое в печи превратится в знаменитые баранки, румяные, с хрустящей аппетитной коркой. Эта единственная в бараночном производстве операция, утомительная и кропотливая, была еще не механизирована. Остальные операции выполняют замечательные машины — тестомесильные, натирочные, жгуторезные.

Но и над механизацией раскатки баранок работали наши специалисты. Труд их недавно увенчался успехом. Инженеры Всесоюзного научно-исследовательского института хлебопекарной промышленности В. В. Комаров и В. А. Колесников при участии инженеров Н. А. Ильинского, Г. Э. Нудельмана и слесаря-монтажника И. Н. Кабанова создали машину-автомат для обработки теста.

Эта хитроумная машина формует баранки, рассучивает их, выталкивает на ленточный транспортер, откуда после того, как тесто поднимется, оно поступает в печь. Каждый автомат, заменяя в день 11 работниц, «выстреливает» за сутки 75 тысяч баранок. При выработке такого количества баранок вручную каждой работнице приходилось раскатать тесто длиною в километр.

Баранки машинной заготовки оказались по «пышности» даже лучше, чем баранки, раскатанные вручную.

Г. МАРКОВ

Бой на льду

Как-то зимой рыбачил я на Шоше, неподалеку от Московского моря, и без особой надежды ждал, когда судак возьмет на блесну.

Вдруг на заснеженном берегу мелькнул темный зверек. Он юркнул в изломы льда у самой кромки воды, вылетел из укрытия, прыгнул и завертелся на одном месте.

А рядом с ним катался по снегу белый комочек с еле заметным черным пятном.

Я напряг зрение. Черный зверек оказался крысой. Появление ее здесь не было неожиданным. Но удивительно было то, что она танцевала на льду. Я забыл про удочку и стал наблюдать.

Но вот белый комок подкатился к крысе и... сбил ее с ног, она упала на спину и пискнула. Это тоже был зверек. Он был очень увертлив, часто менял положение и почти сливался с белой пеленой снега.

Зверьки сцепились насмерть, и пятнистый клубок, в котором белое перемежалось с черным, покатился на лед реки.

Белый зверек подмял наконец крысу и схватил ее за загривок. Потом победоносно крикнул что-то, похожее на «кэк», тревожно глянул в мою сторону и берегом помчался к стогу сена. Над мертвой крысой начала кружить ворона, громким карком сзывая подруг на пир.

Так пришлось мне увидеть бой крысы с горностаем.

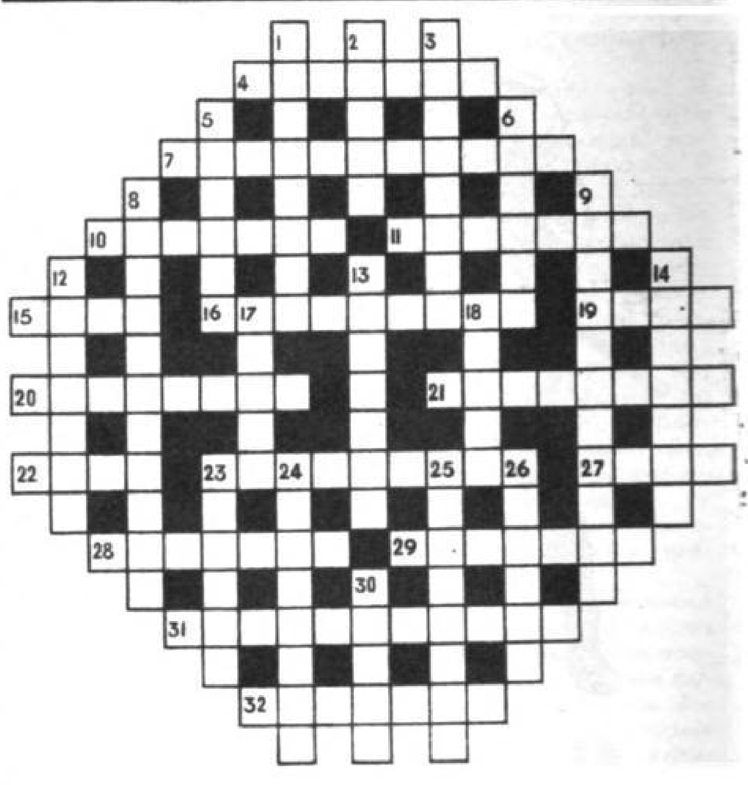
В последние годы горностай часто встречается по соседству с подмосковными лесами, и охота на него становится подспорьем в пушном деле.

Добывать его надо без ружья и без капкана. Дробь и кровь портят ценную и нежную шкурку. Схваченный капканчиком, горностай нередко обесценивает свой белоснежный наряд тем, что выбрызгивает вонючую жидкость, которая окрашивает огузок в желтый цвет. Отмыть эту желтизну невозможно.

Опытные охотники добывают горностая ловушками, которые убивают зверька наповал, не портя его меха.

Вл. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Амфитеатр — цирк в древнем Риме. 7. Нравоучительное указание. 10. Озеро в Венгрии. 11. Пункт остановки транспорта. 15. Род музыкального произведения. 16. Один из старейших центров черной металлургии на Урале. 19. Лестница на судах. 20. Часть футбольного мяча. 21. Животное. 22. Торжественная песня. 23. Человекообразная обезьяна. 27. Парусная лодка. 28. Многочлен. 29. Прибор для определения степени свежести яиц. 31. Участник массового шествия. 32. Одна из первых стадий развития некоторых видов животных.

По вертикали:

1. Старинный город в РСФСР. 2. Сражение, бой. 3. Персонаж повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка». 5. Длинный ров. 6. Луговая сорная трава. 8. Изобретатель «самобеглой коляски». 9. Прибор для перегонки жидкостей. 12. Один из героев романа К. Федина «Необыкновенное лето». 13. Персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 14. Горы в Европе. 17. Вьющаяся прядь волос. 18. Салазки. 23. Автор поэмы «Зоя». 24. Геодезический угломерный инструмент. 25. Инструмент. 26. Военная операция. 30. Набросок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

3. Отвага. 5. Хижняк. 7. Власова. 10. Свеча. 12. Рояль. 14. Жукова. 15. Яровая. 16. Ужвий. 17. Лихта. 18. Сирень. 19. Фелтон. 21. Вязка. 23. Полевод. 25. Чебан. 27. Клен. 29. Буер. 30. Память. 31. Надежда. 32. Чудина. 33. Жандарова. 34. Звеньевая. 39. Сказительница. 40. Фомина. 41. Коттон.

По вертикали:

1. Птичница. 2. «Лявониха». 4. Голубкина. 6. Измайлова. 8. Левченко. 9. Веретено. 11. Вожатая. 13. Летчица. 20. Пельмени. 22. Закранна. 23. Пашенная. 24. Думбадзе. 26. Баринова. 28. Нотариус. 29. Брусника. 35. «Катюша». 36. Челнок. 37. Пальма. 38. Широта.

Короткие заметки

ПЛОТИНА НА ПЕСКЕ

Выражения «Строить на песке» и «Строить из песка» стали синонимами плохого, недолговечного строительства. Строить плотины на песке считалось вообще невозможным.

Советские гидромеханизаторы возвели на канале Волго-Дон мощную Цимлянскую плотину, каких не знала прежде строительная практика. Землесосный снаряд подавал на плотину пульпу (10 процентов песка и 90 процентов воды). Вода уходила в пойму, песок образовывал крепкое, как цемент, ядро дамбы.

Способ, разработанный советскими учеными, дал возможность построить на песке и из песка плотину, которая будет одной из самых прочных в мире.

СИНИЦЫ И ЗАПАДНЯ

Птица попала в западню и отчаянно бьется, стремясь вырваться на волю. Но вот пленницу выпускают. Будет ли после этого она остерегаться ловушки или горький опыт не оставит в ней никакого следа?

Натуралист Л. Б. Беме проверял это на синицах. Попавшихся в западню синиц он отмечал различными способами: надевал на лапки алюминиевые кольца, подрезал немного хвостики, но «отмеченные синицы ловились снова и в день поимки и на следующий, и в течение недели, и месяца, то есть всегда, когда кочующая стайка во время своей ревизии городских насаждений снова залетала в сад».

РАСТЕНИЯ ПУСТЫНИ

В результате длительного воздействия среды у растений вырабатываются формы приспособления к существованию в определенных условиях. Например, растения пустыни эфемеры и эфемероиды, или «растения на час», как их иногда называют, приспосабливаясь к жизни в условиях исключительной сухости, расцветают и плодоносят в весьма короткий весенний период.

Растения селин и сезен приспособились к существованию в подвижных песках. Когда их засыпают пески, стебель быстро вырастает, а на засыпанной его части появляется множество придаточных корней, добывающих влагу из поверхностного слоя песка. Нижние же корни отмирают.

Когда же ветры выдувают песок, верхние корни растения обнажаются и отмирают, на стволе вырастают новые корни, идущие в глубь песка.

Корни селина, расходящиеся по поверхности песка радиусом в 20—30 метров, и корни сезена, уходящие вертикально на значительную глубину, закрепляют пески и подготовляют почву для произрастания на ней других видов растений, не приспособленных к существованию в подвижных песках.

В этом номере помещены репродукции картин художников Б. Алиева, А. Абдулхалыка, А. Зарубина «Сдача хлопка государству», Н. Веселова, В. Загонека, А. Пушнина, Е. Рубина, Ю. Тулина «Ленинград — великим стройкам коммунизма», Б. Ряузова «Старая Курейка», «Тундра весной», «Туруханск» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление А. Котельниковой.

А 01345. Подписано к печати 11/III 1952 г. Изд. № 225. 5½ печ. л. Тираж 500 000. Заказ 334. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Колониальные открытки
Рисунки Е. Ведерникова
А мы с Бао-Даем
Опять „наступаем“!
Тартарены из
Индо-Кита
Привет
из колоний
RF
US
ВЬЕТНАМ
МАЛАЙЯ
ФИЛИППИНЫ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ ОТКРЫТКА
ПАРТИЗАНСКОЕ „КОЛЬЦО“
ВСЕ ТЕСНЕЙ СМЫКАЕТСЯ...
РЕЗУЛЬТАТЫ — НАЛИЦО:
ВОТ ЧТО ПОЛУЧАЕТСЯ!
Трое битых
Просят не оскорблять!
— Мы хищники зоологические,
А не империалистические!
Просто звери
УСЕРДИЕ ВСЕ ПРЕВОЗМОГАЕТ
US
Уравняйте нас
с Японией:
Мы желаем
стать
колонией!
Турецкие
башибазукмены
ИРАН АБАДАН 19.3.52
Караул!
Не дают
грабить!
Я скрываться не желаю,
Но, щадя свои бока,
Я „обследую“ Малайю
Сквозь глазок броневика!
Лорд Литлтон
МАЛАЙЯ
Больше нет послушных стран,
Всюду — беззаконие... —
Как?! Египет и Иран
...не колонии ?!.
Джон-Буль

Цена номера 3 руб.

ПОКУПАЙТЕ
МОРОЖЕНОЕ
ГЛАВХЛАДОПРОМА